

МОСКОВСКИЙ
ВЪСЪТНИКЪ.

ЖУРНАЛЬ,

ИЗДАВАЕМЫЙ М. ПОГОДИНЫМЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

№ 1-4

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1830.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по оппечаташи предшавленныи
въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва,
Декабря 31 го дня, 1829 года.

Ценсоръ Сергѣй Глинка.

МОСКОВСКИЙ ВѢСТНИКЪ.

№ I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ: СТИХОТВОРЕНІЯ.

Петроградъ.

Море спорило съ Петромъ :
„Не построишь Петрограда ;
„Покачу я Шведской громъ ,
„Кораблей крылашихъ спадо.
„Хлынетъ вспять моя Нева ,
„Ополченная водами :

И ошьянну права
вспомнуся волнани.

№ I.

1*

комъ отношеніи спановнился чрезвычай-
но важнымъ. Сверхъ того, въ каждомъ
нарѣчій надобно тщательнѣе оплнчать
шермины, копорые введены образовані-
емъ и могли соединиться съ первоначальнымъ нарѣчіемъ, или были слѣд-
ствіемъ вліянія сосѣдей; между тѣмъ
какъ слова, относящіяся къ предметамъ
физическимъ и постояннымъ, или каса-
ющіяся до искусствъ, всѣмъ общимъ, ос-
тающія почти неизмѣняемыми среди
переворошовъ полишки и образованія.
Посему въ нарѣчійхъ многихъ мѣстъ во
Франціи находящъ имена растеній или
мѣшныя шермины происхожденія Кель-
тическаго; посему въ Марсели народныя
шермины рыболовнаго промысла и нѣ-
копорыхъ подобныхъ предметовъ суть
происхожденія Греческаго. На примѣръ,
(доказательство различія, о коемъ я
сей часъ упомянулъ), проѣзжая землю
Бискайцевъ, я замѣнилъ, что растенія
шугемныя имѣютъ названія собственно
Бискайскія, между тѣмъ какъ чужез-
странныя растенія носятъ названія, упо-
требляемыя въ Бискаіи, но очевидно
заимствованныя изъ языковъ сосѣднихъ.
Такимъ образомъ изученіе нарѣчій, а
еще болѣе изученіе языковъ, есть важ-
ное средство для узнаванія сходства меж-
ду народами.

3. Подробное изучение народных нравовъ есть средство достигнуть до той же самой дѣли, средство, заслуживающее бытъ упомянутымъ, хотя оно бываетъ трудно касательно исполненія и ошибочно. Сходство обычаевъ, костюмовъ, народныхъ орудій, касающихся до земледѣлія или домашней экономіи, суть признаки первоначальнаго происхожденія или сосѣдства, но могутъ зависѣть и отъ другихъ причинъ: отъ сходства мѣстности, которая, сопровождаясь однимъ и тѣми же нуждами, велишь изобрѣтатъ однѣ и тѣже средства для усстраненія сихъ нуждъ; отъ сходства въ степени образованія, которое сопровождается въ определенной степени грубостію или знаніемъ. Посему не возможно заключать о сходствѣ между народами странъ холодныхъ и странъ теплыхъ по тому только, что есть общее сходство въ нравахъ ихъ обитателей, ни съ какою нибудь вѣроятностію думать о сходствѣ между Мексиканцами и Египтянами, потому что ихъ страны имѣютъ нѣкоторое сходство, свидѣтельствующее, можетъ бытъ, только объ извѣстной степени искусства, еще находившагося въ младенчествѣ. Но подробности касательно нравовъ важны тогда, когда относящя къ вопросамъ самымъ легкимъ, когда они

„Что тебѣ мои поля,
 „Вѣчно полныя волненій?
 „Велика швоя земля,
 „Не озрѣшь швоихъ владѣній!“ —
 Глухо Пешръ внималъ рѣчамъ;
 Море злилось и шумѣло:
 По синѣющимъ устамя
 Пѣна бѣлая кипѣла.

*

Рѣчь Петра гремишь въ отвѣтъ:
 „Сдайся дерзостное море! —
 „Нѣшь, — шакъ пущь узнаешь свѣшь:
 „Кшо изъ насъ могучѣй въ споръ?
 „Станешь градъ же, наречѣнь
 „По строишелъ высокомя;
 „Для моей Россіи онъ
 „Просвѣщеня будешь окомъ. —

*

„По хребтамъ швоихъ же водъ,
 „Благодарна, изумленна,
 „Плодь наукъ мнѣ принесешь,
 „Въ пользу чадъ моихъ, вселенна, —
 „И съ швоихъ же береговъ
 „Да узряшь народы славу
 „Руси бодршвенныхъ сыновъ
 „И окръшую Державу.“

*

Рекъ могутій — и рѣчамъ
 Море вшорило сурово ,
 Пѣна билась по ушамъ ;
 Но сбылось Петрово слово.
 Чу! . . . въ Рифей стучаишь булашь!
 Истекають рѣки злата ,
 И рождается чудо-градъ
 Изъ неплодныхъ щопей блаша.

*

Тяжкой движется стеной
 Исполнивъ - гранишь упорный ,
 И пріемлешь видъ живой ,
 Млашу бодрому покорный, —
 И въ основу зыбкихъ блашь
 Улеглися миллионы ;
 Входяшь храмы изъ громадь
 И чершогы и колонны.

*

Щпиць, прорѣзавъ нѣдра шучь ,
 Съ башни вспыхнулъ величавый ,
 Какъ ниспадшій солнца лучь —
 Или лучь Петровой славы.
 Что червѣешь лоно водь ?
 Что шумяшь валы морскіе ?
 То дары Пешру несѣшь
 Побѣжденная стихія.

*

Прилетѣли корабли ,
 Вышли чуждые народы ,
 И Россіи принесли
 Дань наукъ и плодъ свободы;
 Отряхнувъ она съ очей
 Мракъ невѣжественной ночи ,
 Къ свѣту упренныхъ лучей
 Отверзаетъ бодры очи.

*

Помнишь древнюю вражду ;
 Помнишь мстительное море ,
 И да мщенья примешь мзду ,
 Шлѣшь на градъ помошь и горе.
 Ополчаешся Нева ,
 Но отъ швердаго гранища ,
 Не отъявъ свои права ,
 Удаляешся сердища.

*

На ошломокъ дикихъ горъ
 На конѣ взлетѣлъ строишель ;
 На добычу острый взоръ
 Устремляетъ побѣдитель ;
 Зоркой стражъ своихъ работъ
 Взоромъ сдерживаетъ море ,
 И насмѣшливо зовѣтъ :
 „Кшожь изъ насъ могучѣй въ спорѣ ?“

Остр. Искіа. 1829.

Шевырева.

Подражательнѣ.

Когда печаль свою поёшь
 Спрадалецъ ею вдохновенный,
 Въ чьемъ сердцѣ ошзвъ умиленный
 Своей онъ лиръ не найдешь?
 Кипо пѣковыхъ проклятій жаденъ
 Дерзнетъ осмѣивать ее?
 Но для прищворства всякой хладенъ,
 Плачь неестественный досаденъ,
 Смѣшно жеманное выше.
 Не напряженнаго мечшаня
 Огнемъ услужливымъ согрѣшь,
 Постигнулъ таинства спраданя
 Душемутительный Поэщъ.
 Въ борьбѣ съ враждебною судьбою
 Позналъ онъ мѣру вышнихъ силъ,
 Сердечныхъ судорогъ цѣною
 Онъ выраженье ихъ купилъ;
 И пошъ неплѣнными лучами
 Ликъ пѣснопѣвца окружѣнъ,
 И чтими людскими племенами
 Подобно мученику онъ.
 А ваша муза вышняя,
 Писомцы вымышленныхъ бѣдъ,
 Расстрогать чающая свѣщъ,
 Печаль заемную лаская,

Въ его догадливыхъ глазахъ
 Подобна нищей развращённой,
 Молящей лепшы незаконной,
 Съ чужимъ ребенкомъ на рукахъ.

Баратынский.

Э л е г і я.

Тотъ не Поэтъ, въ комъ не пробудить
 Воспорговъ нѣжныхъ, словъ и мукъ,
 Твоихъ рѣчей волшебный звукъ;
 Тотъ не Поэтъ, кто не забудеть
 Судьбы и вольности своей,
 Всѣхъ думъ и смѣлыхъ и надмѣнныхъ,
 Поситигнуть искрой сихъ очей,
 Побѣдоносныхъ, вдохновенныхъ!
 Блаженъ, кто грудью молодой,
 Кто сладострасными ушами. . .
 Но ты смѣешься надъ мольбами,
 Воспламененными шобой;
 Ты прерываешь грознымъ взглядомъ
 Сердечной юности привѣтъ, —
 И полонъ мужествомъ и хладомъ
 Ему нежданный швой отвѣтъ.

Языковъ.

Воззваніе къ Богу.

Воскресни Боже! да шрепещешь
 Спропнивый сонъ Твоихъ враговъ!
 Смеси ихъ, буйныхъ, съ поля жизни,
 Какъ бурнымъ вихремъ лёгкій прахъ! —

Пускай бѣгушь и исчезаюшь,
 Какъ дымъ, какъ ушренный шуманъ;
 И да разсѣаешь сила сильныхъ
 Какъ воскъ отъ яраго огня! . . . .
 Но да воскреснемъ и възграемъ
 Правдивый сердцемъ человекъ!
 Воспойше Богу, Богу правды,
 Отцу покинушихъ сиротъ,
 И Судіѣ вдовицъ гонимыхъ:
 Онъ, съ высокоу святыхъ небесъ,
 Глядишь на скорбь людей убогихъ —
 И разцвѣтають ихъ сердца! —
 Какъ Ты великъ, когда обходишь
 Свою вселенную, Господь!
 Земля, какъ грѣшница, шрепещешь
 Предъ спрашнымъ взоромъ Судіи!
 И небеса, старая, шають
 Отъ молній пламенныхъ Твоихъ!

Ө. Глинка.

П Р О З А.

Преступница,

(Повѣсть).

Темною ночью, когда ни звѣздъ, ни мѣсяца, не видашь было на небѣ, покрышомъ густыми шучами, показалось блѣдное зарево надъ крайнею, безлюдною часниою Нижняго Новагорода. Спѣшишь на помощь было не кому, ибо давно ужъ наступила пора глухая: дневной шумъ давно замолкъ, улицы опустѣли, народъ разошелся по домамъ и спалъ первымъ крѣпкимъ сномъ. — Уже часа черезъ два одинъ запоздалый господинъ, возвращаясь хмѣльной домой съ именинаго пира, замѣтилъ нечаянно пожаръ и поднялъ тревогу въ спокойномъ городѣ. Испуганные жители вспрепунулись, сбѣжались, — и увидѣли, что горитъ кабакъ, среди огородовъ, на выѣздѣ, вдали отъ всякаго жилья. Дѣлительной огонь безъ помѣхи пробился сквозь всѣ разщелины и опверзшя, охватилъ строеніе и въ клубахъ чернаго дыма лихо ужъ поднимался къ небу, которое рдѣлось надъ нимъ и накаливалось. Тушить было невозможно и даже бесполезно. Изъ дома слышались

пронзительные крики. Нѣсколько ош-
 важныхъ ремесленниковъ, увлеченныхъ
 чувствомъ состраданія, бросились къ
 дверямъ, не смотря на очевидную опас-
 ность, — но двери были заперты, и
 они, послѣ напрасныхъ усилій, при-
 нуждены были, опаленные и обожженные,
 ворошиться назадъ, и вмѣстѣ съ други-
 ми смотрѣть, какъ начало наконецъ
 въ разныхъ мѣстахъ загораться вино:
 тонкій разноцвѣтный огонь, вспых-
 нувъ мгновенно на горючей жидкост-
 ти, выкидывалъ сплошомъ на самой
 верхъ сквозъ красное пламя, и столь
 же скоро опадалъ послѣ и разходилъ
 по низу, озаря въ лица блѣдносинимъ
 свѣтомъ. Праздная толпа любовалась
 въ тишинѣ такимъ рѣдкимъ зрѣли-
 щемъ, — какъ вдругъ съ задней спо-
 роны дома выбѣгаетъ молодая дѣвушка,
 простоволосая, разшрепаная, босикомъ,
 въ безпорядочной одеждѣ, съ двумя пы-
 лающими головнями въ рукахъ. Неис-
 повсюду видно было во всѣхъ чертахъ
 ея лица, во всѣхъ взорахъ и движені-
 яхъ. — Увидѣвъ народъ, она, какъ буд-
 то удивленная, ошпановилась, окинула
 глазами всѣхъ зришелей, громко за-
 смѣялась и воскликнула: „вы пришли
 смотрѣть, какъ горитъ онъ, какъ му-
 чился? Спасибо! Слышите ... это
 кричитъ онъ! ... Тсъ, слушайте ...“

ха, ха, ха. Я сожгла его, я! ха, ха, ха. ... Теперь ужь онъ не будешь ходишь ко мнѣ. ... Чшожь вы спойште? Таскайте солому ... она лежишь шамъ въ сараѣ. ... Сюда, сюда, здѣсь погасаетъ!“ При семь словъ она спремешельно бросилась къ шому мѣсту, гдѣ огонь въ самомъ дѣлѣ горѣлъ шише, и, осыпаемая искрами, спала подгребашь горящіе уголья. Насилу могли опорванъ ее опшуда. — Народъ подумаль, чшо эта дѣвушка, изъ жившихъ въ домѣ, увидѣла или услышала какъ нибудь ночью, что у нихъ загорѣлось, между шѣмъ какъ всѣ прочіе спали, успѣла спашись, но обезпамятиѣла опъ испуга, — и смотрѣль на нее съ соспраданіемъ. Полицейскіе же, по окончаніи пожара, когда на мѣстѣ дома оспался одинъ шолько пепель и бѣлыя кости, пошацили ее съ собою, почли безчувствешеную, и поушру предспавили въ Земской Судъ съ подробнымъ донесеніемъ объ ея подозрешельныхъ словахъ и дѣйшвіяхъ.

Судьи сдѣлали ей нѣскольго допросовъ, но не могли получить на первый разъ никакого объясненія, и увидя (согласно съ прежнею догадкою), что она въ помѣшательствѣ, опредѣлили было препроводишь ее въ городскую больницу. — Каково же было ихъ удивленіе, когда нѣкопорые жители, пришедшіе по сво-

имъ нуждамъ въ Судъ, узнали въ этой сумасшедшей дѣвушкѣ единственную дочь первоспашейнаго купца, извѣстную въ городѣ своею красою, поведениемъ, богатствомъ, умомъ! — Дѣло представилось въ другомъ видѣ, и естественнымъ образомъ возникли разные подозрѣнія: какъ могла она явиться ночью на краю города, одна, въ кабацкѣ, въ такомъ странномъ видѣ? Почему радовалась пожару и старалась увеличить его? О смерти какого человѣка кричала съ такимъ удовольствіемъ? О чемъ происходила ея настоящая сумасшедшество, о которомъ прежде не слыхалъ никто? Не приговорилась ли она? — По соображеніи всѣхъ обстоятельствъ, ясно было, что она принимала наканунѣ непосредственное участіе въ какомъ нибудь мудреномъ происшествіи, и всѣ присутствовавшіе блуждали въ догадкахъ и предположеніяхъ. Между тѣмъ несчастные родители, извѣщенные молвою, вѣя себя отъ страха, не смѣя вѣрить, что дочь ихъ была вчера въ кабацкѣ на пожарѣ, хотя къ удивленію своему и не находили ея дома, прибѣгающъ въ Судъ, — и въ самомъ дѣлѣ видящъ ее окровавленную, избитую, безобразную, въ толпѣ людей всякаго званія. Съ горестнымъ воплемъ продираются они къ ней, — но она, узнавъ ихъ, зашлась, зарыдала, и

въ судорожныхъ движеніяхъ покашлялась на полъ. Все приняли живѣйшее участіе въ несчастной купъ, даже полицейскіе. Судьи, давъ время успокоиться отцу и матери, стали ихъ спрашивать о дочери, но они сами не понимали, что случилось съ нею, и подъ присягою объявили, что до сихъ поръ не замѣчали ничего, похожего на сумасшествіе, ничего предосудительнаго, и напрошивъ гордились ея благопріемъ, какъ извѣстно цѣлому городу.

Между тѣмъ на нее падало подозрѣніе въ уголовномъ преступленіи, зажигательствѣ и душегубствѣ, и потому положено было впредь до объясненія дѣла оставить ее подъ крѣпкою стражею въ острогѣ. Губернаторъ, велѣвъ содержать ее наилучшимъ образомъ, и дѣлать все возможное облегченіе, приславилъ къ ней просвѣщеннаго чиновника, который долженъ былъ замѣчать всякое ея слово и дѣйствіе, и спрашивать въ минуты спокойныя.

Въ скоромъ времени, при тщательномъ присмотрѣ и умномъ обхожденіи, дѣвушка чаще стала приходиться въ себя, хотя ея мученія отъ того ни мало и не уменьшились, ибо сумасшествіе замѣнилось опчаяніемъ. Судьи приступили тогда законнымъ порядкомъ къ дѣлу, и повѣряя слова больной, съ показаніями другихъ свидѣтелей, успѣли на-

конецъ отгадать почти совершенно непонятную загадку, открыть тайну неожиданную, спрашную! — Но возникло новое затрудненіе, когда надлежало рѣшить это дѣло, неподкодившее ни подъ какія узаконенія, когда надлежало изречь приговоръ преступленію новому и безпримѣрному, — и они послѣ долгихъ разсужденій и преній принуждены были предоставить его Верховной власпи.

Императрица Екатерина II, въ царствованіе которой случилось происшествіе, посѣтила тогда Нижній на пути своемъ изъ Пеллербурга въ Астрахань. —

Сія Государыня, созидая счастье опечеслва и рѣшая судьбу государствъ чуждыхъ, любила, въ тишинѣ кабинета, наблюдать человеческое сердце, — разумѣлся не на условныхъ, одинакихъ лицахъ придворныхъ, но въ чертахъ чиспыхъ, не развращенныхъ дѣшей природы Русской; давая общіе, благодѣтельные законы для своихъ подданныхъ, любила часто входить въ положенія частныхъ лицъ разныхъ званій, равно близкихъ къ ея чадолубивому сердцу; любила узнавать ихъ нужды, опасенія, надежды, несчастія, исполняя своими дѣйствіями прекрасное изреченіе Теренція :

Я человекъ, и все людское мнѣ не гуждо.

Услышавъ подробное донесеніе о Нижегородскомъ произшествіи, она изъвила желаніе говорить съ преспуницей.

На другой день въ назначенный часъ представили ей сію несчастную. Она увидѣла молодую дѣвушку, лѣтъ девятнадцати, высокую ростомъ, стройную, черноволосую, съ голубыми глазами, съ густыми темными бровями, — съ ясными еще признаками недавней красавицы. Но скорбь и бользнь наложили свою тяжкую руку на прекрасное лице ея, оспавили на немъ свою зловѣщую тѣнь, и съ перваго взгляда на нее всякой не оспанавливаясь сказалъ бы: это несчастная. А мушныя глаза, копорые безпрестанно обращались въ разныя стороны, опрѣвисшыя шѣлдвиженія, глухіе звуки, вылетавшіе невольнo изъ груди, свидѣтельствовали о нѣкоторомъ разспройствѣ ея душевныхъ способностей.

Екатерина подошла къ ней, и взявъ ее за руку, взглянувъ приспально въ глаза, сказала ласково: „ты несчастлива, другъ мой, я сожалею о тебѣ...“

Величественный ли видъ Императрицы, внушавшій во всѣхъ невольное почтеніе, сильный ли взоръ, крошкій ли

голосъ, — или мысль о земномъ божествѣ ея и безпредѣльной власти, почти врожденная въ дѣвушкѣ и усиленная полкованіями спражей передъ представленіемъ, или все это вмѣстѣ было причиною, — только въ эту минуточку она лучше обыкновеннаго пришла въ себя, какъ бы совершенно укропилась, залилась слезами и пала къ ногамъ Екатерины, въ прогательныхъ выраженіяхъ свидѣтельствуя ей свою благодарность. Кажалось, верховная власть повелѣвала разумомъ, и сія свободная способность души человѣческой, часть Божія, повинувалась ея могущесшвенному слову.

„Да, я несчастлива, Государыня,“ отвѣчала ей дѣвушка какъ другу, который принялъ живѣйшее участіе въ ея судьбѣ, и бралъ къ себѣ на сердце бремя, ее удручавшее.

„Разскажи же мнѣ свои несчастія“ продолжала спрашивать тѣмъ же голосомъ Екатерина, желая воспользоуаться благопріятною минутою спокойствія, и опъ нея самой получить объясненіе на нѣкоторыя темныя мѣста въ донесеніи, — „можешь быть я могу облегчить спраданіе твоей души; сядь подлѣ меня,“ — и чего не узналъ внимательный приставъ, чего не узналъ бы

уголовный судья со всеми орудіями мучительных пышекъ, но легко и просто обнаружилось въ дружеской, искренней рѣчи.

„Я была добра и невинна,“ начала дѣвушка, ... и горячія слезы въ приручья полились изъ глазъ ея при воспоминаніи о добродѣтели, мучительномъ для пресупленія. Минуты двѣ не могла она выговорить слова ошъ рыданій, и только успокоенная великодушною Императрицею, у которой самой показались на глазахъ Царскія, святыя слезы, несчастная могла продолжать скорбную рѣчь свою:

„Я была добра и невинна. Родители любили меня ошъ всего сердца, видѣли во мнѣ всю свою радость и утѣшеніе; я любила ихъ также, и жизнь была мнѣ въ наслажденіе. Всѣ мои желанія исполнялись прежде, чѣмъ я ихъ выговаривала, но чего было желать мнѣ? У меня было все. Время мое шекло мирно между подругами, въ рукодѣльяхъ, играхъ, бесѣдахъ, молишвѣ, чтеніи божественныхъ книгъ. Достигши зрѣлаго возраста, всего болѣе полюбила я уединеніе и спокойствіе, къ которому показывала склонность съ нѣжнаго младенчества. Какъ прежде мнѣ пріятнѣе было, сидя въ углу, смотрѣть на веселыя игры ровесницъ, чѣмъ самой играть виѣсть

съ ними, такъ теперь любила я вечеромъ,
 когда среди общей неподвижности поль-
 ко мѣсяцъ капидся по чистому небу; —
 гуляшь одна по нашему большому са-
 ду, въ длинныхъ темныхъ просадяхъ,
 въ жаркой полдень, когда вся ушомлен-
 ная природа ошдыхала, когда не коле-
 бался лиственникъ на деревѣ, не жужжало
 насѣкомое, любила я сидѣть подь старою
 развѣсистую липою, думать и смолк-
 рѣть сквозь зеленыя листья на синеву
 небесную; — ночью передь сномъ, когда я
 видѣла себя одну въ моей комнатѣ,
 когда все вокругъ меня было безмолвно,
 я вслушивалась въ эту тишину и чув-
 ствовала неизъяснимое удовольствіе. И
 у меня на сердцѣ было тихо, тихо. —
 Тогда особенно чинала я Чепь минею,
 которую выучила почти наизусть. —
 Съ восхищеніемъ воображала я себя, какъ
 благочестивые ошшельники среди не-
 обитаемыхъ пустынь, въ дремучихъ
 лѣсахъ, вдали отъ людей, спасались,
 не волнуемые никакою спрашнью, не
 развлекаемые никакою заботою жишей-
 скою, чистые, свѣтые. Проводить дни
 свои въ благоговѣйныхъ размышленіяхъ
 о Божіемъ величествѣ, въ постѣ и мо-
 литвѣ, въ созерцаніи безчисленныхъ
 твореній міра сего, казалось мнѣ рай-
 скою жизнью на землѣ. Я завидовала
 Мученикамъ, которые запечатывали кре-

снною смертію любовь свою ко Христу, и не удивлялась ихъ швердоспи среди испязаній, въ шемницяхъ, на пылающихъ кострахъ, ибо сама, кажешся, гошова была на всякія спраданія въ славу моего Спасителя. — Богъ наказаль меня за гордоспъ. — Такъ прожила я чешыре года и никакое земное желаніе не приходило мнѣ на мыслъ. Ахъ! какъ я была счастлива тогда! Нашъ приходскій священникъ въ поучительныхъ бесѣдахъ еще болѣе укрѣплялъ мои мысли. Сами родители одобряли мои заняшія, называли меня монахиней, ученою, прибавляя съ улыбкою, что скоро наступитъ время, когда я сама перемѣню свои мысли, и буду искашь удовольствія въ другихъ предметахъ. Впрочемъ они боялись огорчашъ меня прекословіями: я исполняла съ гошовностію всякое ихъ приказаніе, замѣчала всякое слово, оказывала почшеніе ко всѣмъ ихъ родспвенникамъ и знакомымъ, одѣвалась, ѣздила въ гошпи, какъ имъ было угодно. Мнѣ минуло девятнадцать лѣтъ, и они, не види во мнѣ никакой перемѣны вопреки своему желанію, начали говорить съ болѣшею швердоспью о замушствѣ, указывали на многихъ выгодныхъ жениховъ, которые давно ужъ за меня сватались. Я упростила ихъ однакожь оставишь меня въ покоѣ еще

на нѣсколько времени. „Жизнь дѣвическая мнѣ мила,“ говорила я имъ, „мнѣ не хочется разстаться съ вами и моею свободою, мнѣ такъ хорошо у васъ, я успѣю выйдти замужъ, мой часъ не наступилъ,“ — и родители согласились на мои убѣдительныя просьбы, начавъ однакожь мѣшать мнѣ въ моихъ членіяхъ, больше пріучать къ разсѣянію. Между тѣмъ подъ разными предлогами показано было моимъ женихамъ. Въ числѣ ихъ находился сынъ одного богатаго купца, которъй полюбилъ меня спрашно и мнѣ понравился бы, еслибъ я согласилась кому-нибудь отдать мою руку. Отказъ мой поразилъ его жестоко, и онъ рѣшился, во что бы то ни стало, видѣться со мною и узнать причину своего несчастія. Онъ склонилъ на свою сторону мою няньку. Однажды, какъ бабушка и мапушка уѣхали въ гости на цѣлой день къ одному спарому родственнику, а я осталась дома за головною болію, и плела кружево въ своей комнатѣ, вдругъ отворяются двери и входилъ этакъ молодой человекъ въ сопровожденіи няни. Я испугалась; подушка выпала изъ рукъ моихъ, — но наконецъ оправилась и закричала нянѣ, какъ она смѣла, въ отсутствіи родителей, привести мушину въ мою комнату. — „Не сердись, родная,“ отвѣчала

она, я сжалась надъ бѣднымъ молодцемъ, которъй передъ моими глазами хлопъль наложилъ на себя руку, если я не соглашусь исполнить его просьбы, ввеси только на минушу къ тебѣ и сказати два слова. Не грѣшно ли бы было мнѣ погубить христіанскую душу изъ-за такой бездѣлицы. Онъ сей часъ уйдетъ. Что же ты молчишь теперь, неопвязный, говори скорѣе.“ — „Наспасья Львовна,“ сказалъ молодой человекъ, „я люблю васъ безъ памяти, и свѣтъ Божій опосылалъ мнѣ съ тѣхъ поръ, какъ увидѣлъ я васъ, и любовь запала мнѣ въ сердце. Именемъ Господнимъ прошу васъ, отвѣчайте мнѣ только: рѣшились ли вы ни за кого не выходишь за мужъ, или только я вамъ противенъ...?“ Лишь только начала было я говорить ему о неprisнойности его поступка, какъ вдругъ послышался шумъ на дворѣ... няня бросилась къ окну, и увидѣла, что наши дрожки отвѣзжаютъ ужъ отъ крыльца. Родители прѣехали. Боже мой! Няня поблѣднѣла; я также. „Дидяшко,“ воскликнула она наконецъ, падая мнѣ въ ноги, не погуби меня: я на рукахъ тебя носила, осьмнадцать лѣтъ за тобою ходила. Николаю Петровичу не лзя выйдши отсюда не встрѣтись съ хозяевами. Позволь спрятать мнѣ его подъ перину. Это мой грѣхъ, а ты имъ въ чемъ не виновата.

Лишь только выйдетъ отсюда Анна Трофимовна, я тотчасъ выпущу его и слѣда не останется. Теперь же къ вечеру. Согласись родная. Здѣсь ничего нѣтъ зазорнаго.“ Я не успѣла выговорить еще ни одного слова, какъ голосъ мамушки послышался въ передней; няня, видя мою нерѣшимельность, и не ожидая моего опыта, потащила молодого человека, который смутился не меньше нашего, къ кровати, опворопила перину, и велѣвъ ему лечь шуда, закрыла его, задернула занавѣсъ и спала оправляшь что-то. Въ эту минушу входилъ мамушка. Видя меня у дверей блѣдную и дрожащую, она удивилась и спала спрашивать о причинѣ. Я не могла сказать ничего и заикалась. „На улицѣ подъ окошкомъ упало что-то шибко“ подхватила няня, „а Настасья Львовна испугалася.“ Мамушка тотчасъ бросилась къ образной за Богоявленскою водою, накрыла меня чистою салфеткою, спала вспрыскивать, терѣшь виски, поить. Я наконецъ опомнилась, и она, перекрестивъ меня, оставила подъ надзоромъ няни, а сама ушла къ себѣ приготавливать ужинъ. „Ну вошь Богъ и помиловаль насъ,“ сказала няня мнѣ тихо, покамѣстъ слышна была мамушка въ своей комнатѣ, „спасибо тебѣ родная, во всю жизнь мою не забуду

твоей милости: вѣдь меня со свѣту согнала бы хозяйка, еслибъ узнала о моей винѣ. — Ахъ Господи! другу и не другу закажу пускаться на такія спра- сити. Какъ-было я перепрусилась. Вошь — Анна Трофимовна ушла шеперь и долго не выйдетъ изъ кухни, и мой гость скроешь. Ну выдѣзай-ка, доброй молодець, поскорѣе. Вѣдь тебѣ чай жарко здѣсь подъ шакою обузою. . . . Эй, слышишь ли?“ Опивша нѣтъ. Она опдернула занавѣсъ, допротривается рукою до него, говоришь громче. То же молчаніе, „Не ужели онъ уснулъ со спраху?“ Няня начинаешь шолкашь, будить его. Онъ не слышитъ голоса, лежишь безъ движенія. Няня поднимаетъ перину. . . . „Господи! онъ задохся!“ восклицаетъ она, увидѣвъ что купецъ не дышитъ. „Пропали мы!“ — Я подбѣжала къ кровати, и вижу: молодой человекъ лежитъ весь красной, покрышой попомъ, въ багровыхъ пятнахъ, глаза на выкатъ, на- дились кровью, ротъ разинутъ, грудь поднялася, руки въ шоскъ размешан- ные. — Я залилась слезами, забывъ о своемъ положеніи, видя ужасной конецъ добродѣтельнаго юноши. — За тѣмъ- то приходилъ ты сюда! И я несчастная была причиною твоей смерти. „Наспась Лѣвовна, слушай,“ сказа- ла мнѣ швердымъ голосомъ няня, ис-

пощивъ всѣ средства привести его къ жизни, „мы погибнемъ обѣ. За собой я не гонюсь. Такъ видно и быть, коли злой духъ навелъ меня на грѣхъ, Мнѣ и безъ того не долго ужъ остается жить на свѣтѣ. Но мнѣ жаль тебя. Какое безславіе тебѣ и твоему роду, если найдутъ мертвое тѣло на твоей кровати, поведутъ тебя въ допросы. Отецъ Николая Петровича не оставитъ безъ изслѣдованія смерти единороднаго сына. Твои родители умрутъ съ печали. Пожалуй, я приму вину на себя. Но повѣрять ли мнѣ? Не подумаешь ли всякой, что меня подкупили къ такому наказанію для того, чтобъ покрыть твой грѣхъ, спасти тебя отъ казни? Кто женился на тебѣ, кто будетъ смотрѣть на тебя не ослѣпясь, послѣ такого позорнаго дѣла? А ты еще слыла монахиней. Видишь, какая тревога поднимется.“ ... Я слушала сіи слова съ глубокимъ вниманіемъ, и чувствовала, что она говорила правду, которая ядовитой ржавчиной провдала всю мою внутренность. . . „Но я придумала средство спасенія намъ безъ шума и съ честью. . .“ „Какое?“ спросила я спрешительно. — „А вошь какое: мы живемъ близко рѣки. Теперь же вода прибывла послѣ дождей, и поклонюсь нашему дворнику, Семіёну, и подкуплю

его. Ночью, когда всѣ улягутся спать, онъ придетъ сюда, возметъ тѣло, и спашитъ черезъ садъ въ воду. Все равно лежатъ ему, моему голубчику, въ землѣ или водѣ: его вѣдь не поднимешь. Послѣ же Семіёнъ долженъ будетъ молчать, потому что иначе и самъ пойдетъ подъ кнушь. — Согласна ли ты? — „Няня, ты меня губишь.“ — „Нѣтъ, родная, я спасаю тебя. Разсуди сама. Передъ Богомъ весь этотъ грѣхъ мой: я привела сюда человека, я уложила его подъ перину, подъ которую онъ задохся, я спроважу его въ воду. Ты ни въ чемъ не виновата. На чтожь тебѣ передъ людьми показаться такою? Ты будешь молчать, только о томъ, что я дѣлаю, и за что все-таки буду отвѣчать передъ Создателемъ. Великой ли это грѣхъ? Если ты скажешь, то согрѣшишь больше: ты погубишь, говорю тебѣ опять, и меня, и себя, и отца, и мать, и родъ свой, безъ всякой пользы передъ людьми и передъ Богомъ.“ — „Дѣлай что хочешь, губительница. Тебя самъ дьяволъ научаетъ,“ сказала я и побѣжала напрямъ изъ дома въ садъ. Няня сдѣлала постель по прежнему, пошла къ дворнику и въ самомъ дѣлѣ уговорила его за сто рублей выручить ее изъ бѣды. Безъ меня уже, когда я, вороваясь изъ саду и опущивши съ ро-

дѣтскими, оспалась слушать ихъ рассказы о новыхъ свадьбахъ въ городѣ, о которыхъ слышали они въ госпяхъ, дворникъ и няня сдѣлали свое дѣло. — Въ первомъ часу препенущая вошла я въ свою комнату, и няня съ поржесливующимъ видомъ рассказала мнѣ объ успѣхѣ своего предпріятія. „Во имя Отца и Сына и Святаго духа, общаюсь я“ сказала она, „сходите пѣшкомъ въ Кіевъ и къ Соловецкимъ Чудотворцамъ, и помолитесь о моемъ преступленіи. Ты же, мое дитяшко, будь спокойна. Самъ Богъ тебѣ помогаетъ, и добродѣтельную свою душу, честное имя, берегаешь отъ людской клеветы и напраслины. Безъ Его соизволенія намъ никакъ не удалось раздѣлаться бы такъ счастливо;“ — но мертвецъ мнѣ все мерещился, и я горько плакала, и рыдала, и не могла лечь во всю ночь на посрамленную постель свою.

На другой день разнесся слухъ въ городѣ, что такой-то купеческій сынъ пропалъ; на третій рыбаки нашли его тѣло въ верстѣ за городомъ внизъ по теченію рѣки, — и всѣ подумали, что несчастный утопился съ доски по мнѣ. Да, точно я утопила его. — Прошло нѣсколько времени. Дворникъ, на котораго я боялась взглянуть и бѣгала, завидя издали, отошелъ отъ насъ, про-

гнаный бапюшкою за неисправность и лѣность. Няня по обѣщанію ушла на далекое свое богомолье. Я мало по малу возобновила обыкновенныя свои занятія, старалась углубляться болѣе въ размышленіе. Черезъ нѣсколько времени во мнѣ оспалась только нѣкошорая робость, иногда задумчивость безъ предмета; въ сіи-то послѣднія минуты страшное происшествіе представлялось въ моемъ воображеніи, и я приходила въ шрепешь.

Наконецъ я успокоилась почти совершенно, не преспавая однакожь лишь слезь объ несчастномъ юношѣ, . . . вдругъ сказывается мнѣ горничная дѣвушка вечеромъ, что меня спрашиваетъ кто - то у задней калитки. Я пошла, и вижу высокаго мужика, широкоплечаго, съ свирѣпымъ взглядомъ, покраснѣвшимъ лицомъ, въ изодранномъ кафтанѣ. Боже мой! кого я узнала! Это былъ дворникъ, пьяный. „Ну, сударка, я пришелъ къ тебѣ въ гости.“ . . . „Дерзской! какъ смѣешь ты говорить такъ со мною?“ . . . „Тише, голубушка, развѣ забыла ты, что весной я спасъ тебя отъ кнута и поселенія.“ — „Что ты говоришь? Я не знаю. Это нянникъ грѣхъ.“ — „А няня говорила — пивой. Ну, да вы сосчитаетесь съ нею, люди свои, мнѣ дѣла нѣтъ, ты дай мнѣ только пеперь денегъ, святая душа накостыляхъ, коли

хочешь, чтобы я молчала и не донесла сей часъ на тебя въ судъ.“ — Что мнѣ было дѣлать? Какъ могла я оспорить злодѣя, которому выгодно было не вѣрять мнѣ? Няни не было въ городъ, и она не могла ворошиться ближе года. Я рѣшилась, щадя честь свою и родительскую, не начинать преревоги изъпретованія, которому легко удовлетворить было можно, не оглашать дѣла, къ счастью сокрытаго и забытаго, и отдашь дворнику свои карманные деньги. „На,“ сказала я ему, принеся ихъ изъ дома, „возьми все что у меня есть, и не знай меня больше.“ — Онъ ушелъ. Домашніе, видѣвшіе меня у калитки, подумали что я подала милосшынню ему, или послала съ нимъ какому нибудь нищему семейству, какъ дѣлывала часто, и ни мало не удивились моимъ разговорамъ.

Но съ сего времени утратилось мое спокойствіе. Я увидѣла бездну, на краю которой стояла, съ извергомъ подлѣ себя. Я пренепала при малѣйшемъ шорохѣ и спукѣ: зашопаетъ ли лошадь, скрипнетъ ли дверь, войдетъ ли незнакомый человекъ. Во всякомъ словѣ мнѣ казалось былъ какой-нибудь намекъ на меня, Я боялась гулять одна по саду, не могла ни молиться, ни читать, ни думать. По цѣлымъ часамъ сидѣла склавши руки, безъ всякой мысли, съ однимъ спра-

комъ. Родители подумали, что я занемогла, и спали меня лечишь, но не вылечили: люпытый червь почилъ мое сердце, мой мозгъ. — Образъ задохшагося купца смѣнился въ моемъ воображеніи отвратительнымъ образомъ дворника. Я безпрестанно смошрѣла на дверь и какъ будто дожидалась его, и дождалась: — онъ пришелъ опять. „Ну, голубушка, ты дала мнѣ намедни денегъ, стало бышь точно я схоронилъ лвою бѣду: за чѣмъ тебѣ размачиватьсѣ за няню, — и запирашьсѣ поздно, наша монахиня. Тѣ деньги вышли. Давай мнѣ еще.“ Я бросила ему, что принесла съ собою, зная напередъ объ его требованіи. — „Нѣтъ, этого мало.“ „У меня нѣтъ больше.“ „Сними кольцо съ руки, вынь серги изъ ушей. Кресты да перелни тѣже деньги.“ „Я отдала ему все и спремглавъ убѣжала, какъ отъ дьявола, которой приходилъ вышнать мою душу.

Съ сихъ поръ мысли мои обратились на одинъ предметъ: какъ бы набирать больше всякой всячины, и удовлетворять поскорѣе требованіямъ дворника, которой спалъ посѣщашъ меня чаще и чаще. Я сама ужъ заранѣе устраивала такъ, чѣмъ свиданія происходили скрытиѣ, отпирала калишку въ назначенное время, подкладывала подарки. Вся вещи свои, которыми мог-

да располагать незамѣтно, я передавала ему, и гребни, и булавки, и перстни, и планки, и шали; и мапушка спала замѣчать, что я всегда хожу въ одномъ и томъ же платьѣ. — Я испощила все предлоги, подъ коими испрашивала прежде денегъ у башюшки, и онъ съ неудовольствіемъ выговаривалъ, что я уже слишкомъ много употребляю на свои благодѣнія. — На достойныя благодѣнія употребляла я ихъ! — Между тѣмъ дворникъ пріобрѣталъ надо мною большую и большую власть. Я не смѣла выговорить предъ нимъ слова и повиновалась его взгляду. Какъ онъ былъ спрашенъ! Взглянувъ на него, я всегда гогова была рѣшилась на все, лишь бы только скорѣе избавишься отъ его ненавистнаго присутствія. Онъ замѣчалъ это, и дерзость его увеличивалась въ той же мѣрѣ, какъ моя покорность. —

Однажды я могла приготовить для него только одинъ старой шейной платокъ, — онъ разсердился. „Клянусь Богомъ,“ сказала я ему, упавши въ ноги, „что не могу ничего дать больше. И такъ хожу я ужь оборванная.“ . . . „Крадь!“ закричалъ онъ. „Какъ! я стану красть!“ „А развѣ душишь людей лучше. — Ты одна у ошца съ маперью, нынче ли, завтра ли, все будетъ свое. Они и сами рады бы ошдать все, лишь бы спасти тѣ бл ошды

гибели. Слушай: я скоро перестану ходить къ тебѣ, мнѣ надо идти къ барину въ Москву, за паспортомъ. Это можешь быть въ послѣдній разъ.“ Какъ я услышала это слово: въ послѣдній разъ, — я обезпамятѣла отъ радости: мнѣ казалось, что всѣ мои несчастія кончились. „Изволь“ сказала я ему, „приходи въ Воскресенье.“ Я украла бумажникъ у матушки, и рука моя не дрожала; я не думала, что дѣлаю, радовалась и веселилась, думая только о томъ, что извергъ скроется скоро съ глазъ моихъ. — Въ Воскресенье я отдала кошелекъ ему. „Вотъ спасибо!“ отвѣчалъ онъ, „черезъ мѣсяць я пойду отсюда непременно. Копи мнѣ на дорогу.“ Я считала всякой день, всякой часъ, — между тѣмъ онъ ходилъ ко мнѣ безпрестанно, и зыманивалъ деньги подъ разными предлогами. „Вѣдь все равно,“ говорилъ онъ мнѣ въ утѣшеніе, „разъ украсть или десять.“ Я крада и передавала ему краденое; дома начались подозрѣнія. Бабушка и матушка били людей, отдавали въ полицію, выгоняли отъ себя. Я ничего не видала, не чувствовала, и только считала: завтра пятница, прошло при недѣли безъ двухъ дней, въ воскресенье исполнится при недѣли ровно, останется одна, а въ то Воскресенье онъ уйдетъ, и я не увижу его больше,

и крестилась, и молилась. Наконецъ прошелъ эпомъ длинный, длинный мѣсяць, наступилъ желанный день. — Что же? Онъ сказалъ мнѣ, что еще дол-женъ побыть нѣсколько времени. — „Сколько?“ спросила я его съ нетерпѣ-ніемъ. — „Не знаю“ отвѣчалъ злодѣй. „Или тебѣ не любо видѣть меня, сво-его благодѣтеля?“ — и моя радость миновалась, и я опять не увидѣла конца моимъ мученіямъ, и опять по-грузилась въ бездну моего злополучія. „Смотри же! этими деньгами я заплачу только долгъ. Къ субботѣ пригото-вь мнѣ побольше, непременно, не то я раз-дѣлаюсь съ тобою посвойски.“ — Но я не могла украсить ничего: у насъ дома все было заперто. По десяти глазъ смопрѣло на всякой замокъ, — да и сама я не хотѣла, не могла упо-требить прежняго спаранія, лишенная надежды достигнушь своей цѣли. — Между тѣмъ назначенное время приближалось, я вспо-мнила угрозы дворника, и испугалась, какъ раба, не исполнившая приказаній го-сподина. Съ какимъ ужасомъ спала я ожи-дать его! Что онъ сдѣлаетъ со мною? Кровь моя волновалась, колѣни дрожали, свѣтъ пѣмнѣлся въ глазахъ, мысли мѣша-лись. Ужь пробило восемь часовъ... де-вяный... онъ придетъ въ сію минушу... Вотъ онъ идетъ... пьяный... ужь спо-

ипть у калишки . . . лице багровое , въ глазахъ полмыя . . . борода всклокоченая, волосы щетиною . . . онъ ревешь : давай мнѣ денегъ . . . у меня нѣтъ ничего . . .“

Припадокъ сумасшествія начался у несчастной при ужасномъ воспоминаніи. Глаза ея сверкали; у рта показалась пѣна; она начала махать руками. Императрица замѣтила это и вышла тихо изъ комнаты, оставя дѣвущку подъ надзоромъ камердинеровъ, копорымъ приказала не мѣшать ей въ продолженіи припадка, и по успокоеніи опнести ее въ назначенное мѣсто.

„Какъ ничего“ продолжала она не примѣчая, что дѣлалось около нея, „давай мнѣ денегъ.“ — „Дѣлай, что хочешь со мною! У меня нѣтъ ничего.“ — „Ничего, такъ я сдѣлаю, что хочу съ тобою! Ты расплашишься со мной“ . . . Онъ бьетъ меня, тащитъ къ бесѣдкѣ . . . Злодѣй! злодѣй! . . . Куда! . . . Ха, ха, ха! Я сожгла его! Ха, ха, ха, онъ сгорѣлъ! Какъ визжишь ты! Слышишь? Не ожилъ ли? Нѣтъ! нѣтъ! не оживешь.“ . . и съ этими словами упала на землю.

Окончаніе приключеній преступницы мы доскажемъ нашимъ читателямъ, ибо

сама она не говорила уже болѣе съ Императрицею, которая опсправилась далѣе, принужденная сокрашити свое путешествіе по случаю возникшей войны съ Турціею.

Злодѣй посягнулъ на честь несчастной дѣвушки. Съ сего времени она оцѣмѣла всѣми своими чувствами, лишилась употребленія человѣческихъ способностей, сдѣлалась существомъ совершенно спрадательнымъ, какъ послушная жертва передъ своимъ палачемъ; умъ ея обнаруживался только въ хищроспяхъ, съ коими она скрывала свое преступное поведеніе: такъ сильно было въ ней прежнее желаніе не огорчать родителей спрашною въспнію. Все происходило тайно, и прежняя жизнь ея много содѣйствовала къ оцклоненію всякихъ подозрѣній; никому не казалось спрашнымъ, что она была молчалива, пасмурна, часто оставала свою комнату; разговаривала съ кѣмъ-то за камишкою, ибо и прежде всегда жила такъ же, хотя, увы, совершенно по другимъ причинамъ. Такъ прошло два мѣсяца. Вечеромъ, послѣ ужина, въ день извѣснаго пожара, вызывается ее дворникъ условленнымъ знакомъ изъ комнаты. Она выходитъ. „Иди за мной.“ — „Куда?“ — „Иди за мной,“ загремѣлъ онъ спраш-

нымъ своимъ голосомъ. Несчастливая хочеть бѣжать отъ него; онъ хватаетъ ее за руку, и тащитъ за собою насильно по темнымъ переулкамъ, на край города, въ кабакъ. — Тамъ за споломъ, покрытымъ шпофами, сидѣло шестеро мужиковъ, съ плошками въ рукахъ, пьяные, развращенные, сквернословящіе. Передъ ними у бочки споялъ толстой цѣловальникъ, цѣдившій вино. Вокругъ валялись опрокинутыя, изломанныя лавки, разбитая посуда, черепки. Крѣпкой запахъ носился въ грязной комнатѣ. — „Ну хоть кто даетъ мнѣ деньги,“ закричалъ дворникъ, толкнувъ свою спутницу въ эполъ вершецъ преслупниковъ, „вы не вѣрили мнѣ, говорили, что я ворую. Она скажетъ вамъ, что я честный человекъ. Ну, говори. . . Отъ тебя получаю я все!“ „Отъ меня,“ чуть выговорила дѣвушка. — „Ахъ, краличка, къ намъ на бесѣду,“ закричали мужики, „рады гостѣ,“ и съ неистовыми криками бросились цѣловать ее. — „Забавляй же насъ шеперь,“ возопилъ дворникъ, выпивъ глубокую плошку, и ударивъ несчастную съ розмаху по щекѣ, такъ что она пошатнулась, „пой, пляши, кружися. . .“ Это оскорбленіе, это поруганіе, возвращаетъ память дѣвушкѣ. У ней нѣтъ больше терпѣнія. Загорается мщеніе. Она выходитъ изъ

себя, и въ сію минушу мелькаеть въ головѣ ея мысль погубить здѣсь своего мучителя. Онъ былъ ужь очень пьянъ, шашался на мѣстѣ. Товарищи его были также не въ своемъ умѣ. Цѣловальникъ дремалъ съ крючкомъ въ рукѣ. Ей показалось легко спойшь ихъ всѣхъ на новаль, и съ полмершвыми, сонными, управишься по своему желанію. Отчаяніе придаеть ей силу, умѣнье, исполнишь отважное предпріятіе. „Извольте, мой господа, я спану веселишь васъ,“ опъвѣчаетъ она живо, и начинаеть пѣшь, плясать, прыгать, скакать, кружитъ-ся около своихъ палачей, обнимаетъ, цѣлуеть ихъ, ласкаетъ. . . Поднимаетъ-ся, шумъ, гамъ, визгъ, свистъ, хохотъ, топотъ. Мужики дикими воплями изъясляютъ свое скопское удовольствіе, смотря на ея неисповства: „Вопъ дѣвка! угодила! лихо! вопъ удача! эй жги, припѣвай!“ Поютъ вмѣстѣ съ нею, пляшутъ, спучаютъ, кричатъ, бранятся, дерутся, буйствують . . . Она ихъ миритъ, и послѣ всякой пѣсни, пляски, миру, обходитъ со шнофомъ въ рукахъ, низко кланяется, и подчуеть. Мужики рады такой просьбѣ, безпрестанно напиваются изъ рукъ ея больше и больше, и наконецъ, одолѣнные виномъ, упишаютъ мало по малу, и безъ чувствъ, безъ памяти, падають на землю одинъ

послѣ другаго, издавая изрѣдка только неспройные, безсмысленные звуки. Цѣловальника успѣла она, распочая ему свои ласки, напоить такъ, что онъ свалился еще прежде госпей своихъ. Тогда выбѣгаетъ она изъ кабака, набираетъ, сколько можетъ, соломы и сѣна, щепокъ и всякой мѣлочи, въ сѣни, въ соседнюю каморку, около дома, запираетъ двери, вымѣзаетъ сама изъ окошка, и зажигаетъ спроенїе вдругъ въ разныхъ мѣстахъ. Успѣхъ соопвѣтствовалъ ея безумному желанію, и злодѣй, отправившій жизнь несчастной, погибъ вмѣстѣ съ своими поварищами, жертвою ея ужаснаго мщенія, какъ чипатели видѣли выше; а она, взволнованная сими произшествіями, помѣшалася на время къ своему счастью. Нянька ея, какъ узнали еще во время допросовъ, ушонула почтїи предъ самымъ Соловецкимъ ошровомъ.

Такимъ образомъ одинъ неосторожный шагъ на покатомъ пути порока повернулъ добродѣтельная дѣвушка въ бездну преступленій и несчастій.

Императрица Екашерина II предъ опбъшїемъ своимъ изъ Нижняго призвавъ ея родителей, сказала имъ свое милос-

птивное, утѣшительное слово, а ее, внимав гласу милосердія, повелѣла содержать въ монастырѣ, и въ случаѣ освобожденія отъ болѣзни, подчинить строжайшимъ правиламъ по уславу, какой вообще наблюдается для ссылаемыхъ на покаяніе. — Сама Игуменья вызвалась изъ челоуѣколюбія ходишь за нею и пецись объ исцѣленіи ея души и тѣла.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Спаранія достопочтенной женщины увѣнчавались желаемымъ успѣхомъ; сперва обратила она, разумѣется, вниманіе на временное сумасшествіе больной. Тишина, усидненіе, однообразіе, жизнь безъ суеты и попеченій, сами собою уже много способствовали къ успокоенію ея духа, и припадки голь отъ году случались рѣже и слабѣе, а наконецъ совершенно прекратились. Съ душою, рожденною для добродѣтели, дѣйствовать было еще легче. Игуменья, пользуясь всякою благопріятною минутою, старалась прежде всего ослабить въ ней прежнія впечатлѣнія, заимавъ въ ея воображеніи прошедшую жизнь, и усмирить все ея вниманіе на новые труды, обязанности, предпріятія. Пошомъ начала читашь съ нею Евангеліе и сочиненія Учишелей церкви, шолковала ей высокія истины, на нихъ за-

ключающіяся, указывала на великихъ грѣшниковъ, которыхъ раскаяніе принято Богомъ, и которые сдѣлались лучезарными Свѣтильниками Вѣры и добродѣтели, примѣрами жизни благочестивой и святой, — и такимъ образомъ успѣла успокоить волновавшееся сердце, возродить въ немъ надежду, предсавивъ ей ясно цѣль, средства, путь ко спасенію. Воспитанница вникала болѣе и болѣе въ ея наставленія, забывала міръ со всеми его спрасями, обновлялась духомъ, устремлялась къ небу; и наконецъ, поспригшись въ монахини, посвятила себя Богу. Тогда-то, душа ея, искушенная въ горниль бѣдствія, погрузилась совершенно въ море духовныхъ наслажденій, коихъ алкала еще во время своей невинной юности...

Въ монастырѣ познакомился съ нею случайно одинъ благочестивый мужъ, посвятившій всю жизнь свою на размышленіе о таинствахъ Религіи. „Ни на одной картинѣ Рафаеля, Корреджіо, Дольче, не видывалъ я,“ говорил онъ своимъ друзьямъ, „такого самоопроверженія, такой глубокой скорби, и увѣренности въ своемъ ничтожествѣ, и

вмѣстѣ такою благоговѣйнаго востор-
га, какъ на лицѣ и въ глазахъ этой
монахини. Душа ея какъ будицею освя-
тилась еще на землѣ, и она такъ вы-
соко вознеслась въ области добродѣше-
ли, какъ прежде глубоко низверглась
было въ бездну порока. Тогда-то, „за-
ключаль дослопочтенный спарець, „по-
няль, почувспвоваль я свяное слово
Великаго Человѣколюбца: Яко тако ра-
доспѣ будепѣ на небеси о единомъ грѣш-
никѣ кающемся, нежели о девяти деся-
тихъ и девяти праведникѣ, иже не
шребують покаянїя.“ (Лук. гл. XV. сп. 7.)

М. П.

НАУКИ.

Исторія.

6. (Матеріалы).

*О смерти Императора Петра Второго
и о возшествіи на Престолъ Государы-
ни Императрицы Анны Іоанновны.*

Сочиненіе Архіепископа Теофана Про-
коповича.

Преставился ПЕТРЪ ВТОРОЙ 1730 года Января 18-го дня во второмъ часу по полуночи; по учиненномъ ему (какъ въ Греческой церкви обычно) олъ шрехъ Архіереевъ Елеосвященія, меньше часа; и пребыли Архіереи въ палашахъ до кончины его. Были тамъ же Верховнаго Совѣща Члены, шакожь и изъ Сенаша и Генералишеша не малое число. И тогда Князь Василій Владимировичъ Долгорукій, именемъ прочихъ, прсиль Архіереевъ поумышкашь немного, внушая, что тамъ же скоро имвешъ бышь совѣшпованіе о избраніи Государя новаго. Но скоро попомъ, возвращаясь къ нимъ, сказаль, что Верховному Совѣшу заблаго-разсудилось, къ надходящему дню, и въ палашахъ Верховнаго Совѣща, бышь всѣхъ Членовъ собранію, въ десятомъ часу по полуночи, куда и они Архіереи изволили бы прибышь сами, и другихъ бы какъ Архіереевъ, шакъ и Архиманд-

риповъ, съ собою привели бы, понеже сіи были Синодальныя. И тако Архіереи всякъ во своя опошли. Но уже въ самомъ семъ поспуцкѣ нѣкая была хипроспъ: ибо по опшеслвіи Архіереовъ, Верховники и другіе начальники памъ же оспались, и долго разглагольспво было о Наслѣдникѣ Государю, съ немалымъ разгласіемъ. Князь Алексій Григорьевичъ Долгорукій, невѣспы новопреспавльшагося Государя родипель, дочери своей скипетра домогался. Которой его дерзоспи яко весьма нечаянной многіи удивились. Но онъ, власполубіемъ ослѣпленъ, не устыдился показашъ и нѣкое письмо, якобы Петра Второго завѣлшъ, прежде кончины своей опъ его написанный, которымъ будпо бы онъ державы своей наслѣдіе невѣспшъ Екатерины укрѣпиль. Дивное всѣмъ спало Князю Алексеево безспудіе, (кромя однихъ, чаю, свойспвенниковъ его), и на пребованіе, яко весьма неспрспойное и смѣха достойное, никто не поспомпрѣлъ. Понеже опнюдь не могло бышъ вѣрояшно, дабы учиниль шо Государь, до болѣзни своей, опрокъ хрѣпкимъ соспавомъ цвѣшущій и поль сильное имѣющій здравіе, что многолѣшняго весьма живія надежду подавало; какъ же бы онъ могъ и подумашъ о блиской себѣ смерши, не шо чшобъ нещп-

ся, и промышлять, чему бышь по кончинѣ своей. А когда пришла ему болѣзнь, (кошорая не болѣе двѣнадцать дней удручая его умертвила), во все то время дѣлало ему пошъшку скорого къ первому здравію возвращенія; не по чинобъ ему о будущей смерти повѣщашь, кошя бы и подлинно вѣдано, что ему проче живу не бышь. По опроверженіи же шого домогательства, шребовано другихъ господъ мнѣнія. Разные были голосы, однакоже внѣ фамиліи Государей не выходили. Нѣкто приговорилъ и за бабкою Петра втораго, недавно изъ започенія свободенною. Но сіе прочіи судили яко непристойное и происшедшее отъ челоуѣка, корыстей своихъ ищущаго, самымъ молчаніемъ прилушили. А когда произнеслось имя Анны, вдовой Курляндской Герцогини, дщери Іоанна Царя, большаго Петру Первому брата, купнѣ съ нимъ до кончины своей царствовавшаго, между Екатериною и Параскевою Царевнами, среднія сестры, — шопъ часъ чудное всѣхъ явилось согласіе. Кошорому споритъ не посмѣли и оныѣ, коимъ завладѣнная, и по мнѣнію ихъ не опъемлемая уже въ рукахъ была высочайшая власть, а шогда ошъ нихъ уходила.

О перемѣнѣ формы или образа царствованія, (чего нѣцыи изъ оныхъ гос-

подъ и прежде сего желали, и желанія ушавшъ въ себѣ не могли: какъ уже ясно о томъ покажется), въ семь же тогда собраніи, (не при всѣхъ, но по выходѣ ошъ шуда многихъ прочихъ), говорено, и что о томъ услышено, ниже сего извѣстно будетъ.

Когда день насталъ, и великое всѣхъ Штановъ множество въ Верховный Совѣтъ собралось, куда и Синодальные, и другіе прочіе Архіереи и Архимандриты прибыли, и великій Канцлеръ вслухъ предложилъ, что верховный Совѣтъ Курляндской Герцогинѣ Царевнѣ Аннѣ Россійскую Корону должну бытъ усмашриваетъ, но пребуетъ и всѣхъ всего опечеспва лице на себѣ двлжущихъ Чиновъ согласія. Тотчасъ вси въ единъ голосъ изволеніе свое показали, и ни одинаго не было, которой бы хотя мало задумался. Первый же Архіерей, именовъ всѣхъ опвѣстшвуя, сказалъ, что не только какъ онъ, такъ и вси бранія его на то согласуютъ, но и желаютъ шощасъ, въ престольной церквѣ при всенародномъ присутствіи торжественнымъ молебствіемъ благодарностъ всемилостивому Богу за шолікое полученное ошъ него дарованіе. Но когда сей Архіерей оное слово произнесъ, непріятно шо стало верховнымъ господамъ, опрекли, и бышь

тому тогда не приговорили. Что, яко весьма нечаянное, подвигло всѣхъ до великаго удивленія, и тако великій оный Соборъ роспущенъ.

Спали же многіе разсуждашь, какая бы то была ошъ верховныхъ причина, оплагашъ оное благодарственное молебствіе. И кшо легко, и скоропоспѣжно разсуждаетъ, сію того вину бытъ думаль, что еще неизвѣстно, соизволишь ли Царевна Анна царствовашъ. Но оспроумнѣйшія головы глубочаѣ нѣчто пронциали, и догадывалися, что Господа верховные иной нѣкой ошъ прежняго видѣ Царствованія успроили, и что на ношномъ ономъ малочисленномъ своемъ бесѣдованіи, сократишь власпъ Царскую, и нѣкими вымышленными доводами акибѣ обуздашь, и проспо рещи, лишишь самодержавія запѣяли. Если же и о согласіи Царевны надлежишь сумневашъся, то сумнительства сего тогожъ причиною, то естѣ, похощешъ ли Государыня Анна приняшься заумаленную предковъ своихъ Державу. И догадъ сей какъ былъ неложный, скоро самимъ дѣломъ ясно показалось.

Здѣ же во первыхъ надобно кажешся изъяснишь, кшо они, и сколько ихъ было, копорыхъ въ повѣспи сей нарицаемъ верховными. При Императрицѣ Екатеринѣ сверхъ усшавленнаго Пет-

ромъ Первымъ Сенапа, новое и опъ Сенапа вышшее Правительство учреждено, и украшено оное особливимъ именемъ, Верховный Совѣтъ. Сіежь Собраніе въ томъ вѣщше опъ Сенапа имѣло силу, что и нѣкую власни часпъ, Сенапу опнятую, приняло къ себѣ, и что большую важность возимѣло; однакоже, что ни хощѣль бы верховный оный Совѣтъ вновь уставить, не воленъ былъ сдѣлать то, безъ изволенія Императрицы. А когда ея не спало, а насмалъ Петръ Впорой, дванадешаполѣтний тогда опрокъ, тогда верховный Совѣтъ получивъ себѣ, по своему мнѣнію, совершенную и свободную власть, и могъ, и дерзалъ дѣлать, что хощѣль. Да и тогда еще Правительство оное не могло ничего учинить безъ воли Князя Меншикова, который его Членъ былъ: наипаче когда сей дочь свою Петру Впорому въ невѣснѣ опдалъ публичнымъ обрученіемъ. Всѣхъ Совѣта того Членовъ девѣтъ человекъ было, а по изгнаніи въ ссылку Петра Толсѣаго, потомъ же Меншикова, собраніе оное умалилось. А послѣ того, новымъ прибавленіемъ, спало въ числѣ осмеричномъ. Именно же сіи были: Великій Кацлеръ Гаврило Ивановичъ Головкинъ первый, другой, неизвѣспнаго почитай порядка, Князь Дмишрій Михайловичъ, да брашѣ

его Князь Михайло Михайловичъ Фельд-маршалъ Голицыны, Князь Василій Лукичъ, Князь Василій Владимировичъ, Князь Михайла Владимировичъ, Князь Алексѣй Григорьевичъ, и сіи чептыре единой фамиліи Долгорукіе: одинъ еще изъ націи Нѣмецкой Андрей Ивановичъ Осперманъ. Добавилъ бы число Федоръ Машвѣвичъ Апраксинъ Адмиралъ, но не спало его тогда, когда еще не всѣ здѣ упомянутые къ оному Правительству причтены были. Именованные же Долгорукіе, каковое ни застѣдали мѣсто въ помѣщеніи собраніи, однакоже другихъ поварихъ своихъ весьма были сильнѣйшіе, имѣя основаніе на сродникѣ своемъ, Князь Алексѣй Григорьевичъ, который въ рукахъ своихъ имѣлъ Петра Впорога, и его же Государя, по всякому примѣру Меншикова, приводилъ къ понятію въ жену дочери своея, уже и обрученія совершеніемъ, и пошому одинъ онъ всего Верховнаго Совѣта сильнѣйшій сталъ. Ещежь и сынъ Его Князь Иванъ Алексѣевичъ, о которомъ въ народѣ слухъ обносился, что онъ въ великой у Петра Впорога милости, много Долгорукихъ фамиліи придавалъ мощности. Но скоро явилось, что Иванъ сей пагубу паче нежели помощь роду оному приносилъ, понеже бо и природою былъ злодерзосленъ. И еще къ шому толкиамъ сча-

спіемъ надменный, и ни о чемъ, яко бы себѣ не доводилось; не думалъ, не только весьма всѣхъ презиралъ, но и многимъ зѣло страхъ задавалъ, однихъ возвышая, а другихъ низлагая; по единой прихоти своей; а самъ на лошадахъ; окруженъ драгунами; часто повсему городу необычнымъ спременіемъ какъ бы изумленный скакалъ, но и по ночамъ въ чesпные дома вскакивалъ; гостъ и досадный и страшный. И до шолкой продерзости пришелъ, что кромѣ зависли нечаянной славы, уже и праведному всенародному ненавидѣнію; какъ самаго себя; такъ и всю фамилію свою акибы нарочно подвергалъ. Да и прочіе Долгорукіе; хотя по внѣшнему обходительства виду, буди по бы и умѣренныя являлись; однако же дѣлами своими въ великое власполюбія подозрѣніе приходили. Основаніе или корень такого ихъ безпамятства то было, что возмечтали; буди по бы уже Царская фортуна, чрезъ уготовляемое Петра Второго съ Капериною ихъ бракосочетаніе, въ дома ихъ преселилась; нѣкопторыя же изъ нихъ, поострыя разсуждающіе, хотя уже о событіи желаній своихъ и неусумнѣвались, однакоже; промышляя, дабы опинюдь ни что не осталось, что намѣренію ихъ могло бы препятствовать, различныхъ хитростей употребляли, ревность къ

православію показуя, Бабку Государеву обогативая, поварищей своихъ, да не своей крови, прищворными ласканьями къ себѣ привлекая. Но больше всего возымѣли попеченіе, какъ бы Голицыныхъ примирить и присоюзить себѣ: понеже между двѣма сими фамиліями наследныя зависти, и ненависти, и ссоры, и вражды изъ давнихъ лѣтъ даже до того времени были, что всему Русскому народу извѣстно, и несумнительно. Начали же Долгорукіе всѣхъ къ тому употреблять способностей, часто прѣзжашъ къ Голицынымъ, и ихъ къ себѣ призывать; просить же и увѣщивать прилѣжно; перестать бы обидимъ сторонамъ оиѣхъ прадѣднаго соперничества, и взаимныя распри, яко опечеству зѣло вредныя, упразднить. И со временемъ того доспѣли, что Голицыны съ Долгорукими, прелщенны ли, или опасны будучи, въ союзъ вошли и за одно спали. Слухомъ же обносился, будшо сіе дружество и обидимъ сторонамъ присягою утверждено. Но поужь де само во время опасной болѣзни Петра Второго и вѣщше укрѣпить Долгорукіе пощилися. И уже пора на первое возвратиться.

Син же по верховные Господа, собравъ первѣе, по кончинѣ Петра Второго, какъ уже выше показано, Соезять, когда Царевнѣ Аннѣ Императрицѣ

гоѣская власть согласіемъ всѣхъ присутствовавшихъ присужена спала, многихъ домой оппустили, а сами совѣтовали, какъ бы власть Государеву сократить, и нѣкими уставленіи мало-сильнѣе учинить, на что наипаче Долгорукіе настояли, показуя видъ, будто они народной нѣкобѣ пользѣ служашь, а самымъ дѣломъ желая получить себѣ хотя часишь Царской власти, когда цѣлой оной достать не могли. Сіе коварство ихъ потому не шайно, что они не думали вводить народное владѣтельство, (кое обычно вольною республикою называютъ), но всю владѣнія крайнюю силу осьмочисленному своему Совѣту учреждали. Который владѣнія образъ въ томъ маломъ числѣ владѣющихъ не можетъ нарещись владѣтельство избранныхъ, Гречески Аристокрація, но развѣ сановническое ширанство, или насильство, которое Олигархія у Эллиновъ именуется. Ещеже и другое умышеніе Долгорукихъ было: другихъ они друзей своихъ надеждою только якобы общаго съ собою корыстованія тѣшили на время, а имѣли намѣреніе и оныхъ изъ общества своего выключить. Сія же вся нощной оной зашѣйки ухищренія не трудно будетъ познать чинашадю, какъ изъ разныхъ воспомѣдовавшихъ дѣла сего обстоятельство,

какъ изъ мастерства; котораго господа сѣи въ произведеніи умышленій своихъ употребляли; что слѣдующее сказаніе ясно покажетъ.

И вопервыхъ, когда верховные оные господа благодарственному, какъ выше сказано, молебствію быти не велѣли, и пѣмъ самымъ у людей умныхъ вошли въ подозрѣніе, еще и сами, шоропясь запѣйки свои какъ бы возможно произвестъ скорѣе въ дѣло, акибы нарочно шавнства свои открыли. На другой день по преславленіи Государевомъ оправили въ Курляндію Князя Василья Лукича Долгорукаго, придавъ ему двоихъ будшо бы поварищей. Одинъ же изъ нихъ былъ Голицынъ Князь Михайла Михайловичъ меньшей; но съ такою скоростію, что на разславленныхъ нарочно для того часныхъ подводахъ, казалось, летѣли они паче, нежели ѣхали. Тщились же по предъ всѣми ушайтъ; но потчасъ по всему городу вѣдомо учинилось. Въ то же время по всѣмъ дорогамъ, которыми можно бы кому въ Курляндію пробирашья, крѣпкія заставы распожили, давъ онымъ солдатамъ Указъ, дабы опшуда къ Москвѣ идущихъ пропускали, а опъ Москвы туда шествующихъ удерживали, и письма бы у нихъ обирали. И опъ таковаго ихъ дѣйствія не шокмо догадливые люди, но и шупые

простолюдины ясно уже видѣшь могли, что́ господа верховные запѣвають. И не прудно было разумѣть, что они вымышленный отъ себя новый царствованія порядокъ хопяшь Государыню поднести именемъ всего народа, акибы всенароднымъ согласіемъ утвержденный. Опасаясь же и боясь, дабы отъ кого увѣдомлена Государыня коварства ихъ не познала, спарались такимъ по обереженіемъ, что́бы она о томъ знать не могла, покамышь сама въ руки имъ не доспанеися; многіе же и проклинали таковой поступокъ, яко къ презѣйшему обычаю образецъ, что они такъ дѣлали со ожидаемымъ Государемъ своимъ, какъ по нуждѣ дѣлають съ наступающимъ непріятелемъ.

Жалосное же вездѣ по городу видѣніе стало и слышаніе. Куда ни пріидешь, къ какому собранію ни приспанеешь, неизно что было слышашь, полько горестныя нарѣканія на осмеричныхъ оныхъ запѣйчиковъ: всѣ ихъ жестоко порицали, всѣ проклинали необычное ихъ дерзновеніе, несытое лакомство и властолюбіе. И вездѣ въ одну почипай рѣчь говорено, что ешьяли по желанію господь оныхъ сдѣлаеися, (отъ чего бы сохранилъ Богъ), по крайнее всему отечеству настопишь бѣдшво. Самимъ имъ господамъ не лзя долго быть съ собою

въ согласіи; сколько ихъ есть числомъ, чуть неполико явился ашамановъ междоусобныхъ браней, и Россія возьмется скаредное лице, каково имѣла прежде, когда на многая княженія распоржена бѣдешовала. И неложныя, по моему мнѣнію, были шакковыя гаданія, понеже Русскій народъ шаковъ есть отъ природы своей, что шодько самодержавнымъ владѣшельствомъ хранимъ быти можеть. А естли каковое нибуде иное владѣнія правило восприметь, содержась ему въ цѣлости и благососпоудни опнюдь не возможно. Но о семъ намѣреніе наше есть особливья доказательства написать.

Между же тѣмъ произошло во слухъ, что другій родился союзъ, осмолочному союзу прошивный, знатнѣйшій, сиречь изъ шляхешства. Сноситься и совѣтовать начали, какъ бы дѣйствительно вопреки спашъ верховникамъ и широе ихъ спросеніе разрушитъ, и для того по разнымъ домамъ, вочною порою, собирались. Я, въ то время, всякимъ возможнымъ прилѣжаніемъ спарался провѣдать, что сіа другая компанія придумала и что они къ намѣренію своему лучшее усмотрѣли, и скоро получилъ я извѣстіе, что у нихъ два мнѣнія споръ имѣють: одно дерзкое, на верховныхъ господъ, когда они въ

мѣсто свое соберушся, напасуть незапно вооруженною рукою, и естѣли не похощають опснать умысловъ своихъ, смерти всѣхъ предасть; другое мнѣніе кроткое было, дойши до нихъ въ собраніи и предложить, что запѣйки ихъ не тайны, а всѣмъ извѣстно, что они спроятъ; немалая вина, однимъ и немногимъ государства составъ преодолѣвать. И хотя бы они преподезное нѣчто усмотрѣли, однакоже скрывать по предъ другими, а наипаче же правительствующимъ особамъ не сообщать, неприятно по и смрадно пахнеть. Оба же мнѣнія сіи не могли произойти въ согласный приговоръ. Первое, яко лютое и удачи неизвѣстной, а другое, яко слабое, и недѣйствительное, и своимъ же головамъ бѣду наводящее. И тако нѣкоего другаго средства искасть надлежало. Досталъ же я и о томъ еще вѣдомости, что сіи верховниковъ супоснаты и между собою не единодушны были, но весьма пропавнаго хотѣнія. Нѣкоторые изъ нихъ плщились старое и оны прародителей воспріятое Государства правило удержать непременно; а другіе, да еще сильнѣйшіе, того же хотѣли, что они ихъ въ дружество свое не призвали. И пошому не трудно было мнѣ прорицать, что сіи верховныхъ пропавники ничего не сдѣлають. И по

испинъ все ихъ дѣйствіе день по дню
знапно простывало.

Хотяже и другая сія факція зѣдо ста-
ралась собранія свои утаивать, и одинъ
другаго заклиналъ, дабы нишкнуть (?)
о семь, и всѣ великія на себя налагали
клятвы, елики бы кто вынесеть со-
вѣты дерзнулъ; однакоже ошъ верховни-
ковъ утайшья не могли: были въ по-
лицомъ множесивъ, (понеже до пяти
сошъ человекъ себѣ насчитали), непо-
споянные и вѣроломные, были и ша-
ковые, которые одинъ у одного, а
другій у другаго, изъ верховныхъ имѣли
или искали милоспи и призрѣнія, или
инымъ какимъ образомъ порабощен-
ные. Которые крѣпко хранили тайну,
шіи лщщательно искали провѣдашъ, кто
именно предашель. О нѣкоторомъ и из-
вѣспны спали, но тошъ укрывался,
инако на посѣченіе сужденъ.

Не безъ страхаже было верховнымъ,
когда еще не знали они, какъ дремливое
было прошивниковъ дѣйствіе. Но когда
сіе узнали, показывали себѣ жестоко
грозныхъ и яростныхъ; нарочно ошъ
нихъ разсѣвался слухъ о страшныхъ на
прошивниковъ своихъ угроженіяхъ, и что
мяшежныя ихъ сонмища верховному Со-
вѣшу гораздо вѣдомы, и что непокойныя
оныя головы судятся яко неприятели
ошечества: и скоро пошлелся, или уже

и послано; ловить ихъ за арестъ, и что дурно они на множество свое уповаютъ, понеже въ числѣ верховныхъ и главные полководцы обрѣтающа; и что никому изъ нихъ утаишься и избѣжать бѣды нельзя, понеже немногіе пойманные покажутъ на пышкахъ и прочихъ, и явится, кто каковой казни достоинъ будетъ.

И хотя шаковыя вѣспи пошептомъ въ народъ обносились, однакоже толкой справъ дѣлали новымъ союзникамъ, что многіе изъ нихъ, особливо маломощные, и въ домѣхъ своихъ пребывать опасались, но съ мѣста на мѣсто переходя въ притворномъ платьѣ и не въ своемъ имени, по ночамъ только, куда кого позывала нужда, перебѣгали. Однакоже верховники, поражая спрехомъ соперниковъ своихъ, и сами еще не ощущали въ себѣ безстрашія. Смущала ихъ злая совѣсть, и что неизвѣстно было, чѣмъ окончится дѣло ихъ, толь дерзновенное. Начали же призывать къ себѣ первѣйшихъ изъ проливной компаніи, и принимать съ ласкосердіемъ, и къ общему словію преклонять, ропсая и присягая, что они за собственнымъ своимъ интересомъ не гонятся. И жаловались, что напрасно по въ грѣхъ имъ пославлено, что они совѣта своего всѣмъ прочимъ несооб-

щили: подавъ того вину, что хопѣли они первѣе искушить и опивѣдаль, какову себя покажешь на ихъ предложеніе избираемая Государыня; а по увѣдавъ, имѣюшь они намѣреніе всѣхъ чиновъ созвать, и просить опивѣшовъ, что кому заблагорасудится къ полезнѣйшему впрядь сослоянію Государства, общава скоро то учинишь, и себя яко неповинныхъ прядь всѣми оправдашь. Таковыя же верховниковъ выправки, кто изъ опасныхъ и нескоровѣрныхъ мужей слышалъ, вѣдалъ, что обманное довишелство; но другіе, и числомъ множайшіе, сими пленицами уловлены оспались.

Когда же тако, чрезъ дванадцать дней, а не больше, съ обою сторону различно мяшется, а мы, что по со временемъ хоцеть быти, дождаемся: и се во второй день Февраля, посланные опъ Верховнаго Совѣта, по Сенаторскимъ, Архіерейскимъ и прочихъ Чиновъ домамъ, разносятъ повѣстки, что верховный Совѣтъ на ушрвній день всѣхъ въ собраніе призывается: (нарочно удерживася опъ нарѣченія: указываетъ, и указъ ихъ словомъ призыву умягчевал): тѣже вѣстники, и привносики собранія того вину, будто о Государственномъ ушавленіи совѣтывають будуть. Чудно же во истину сказають, таковыя многихъ явились тогда разгла:

сіа. Одни, да и множайшая часть, говорили, что уже въ запискахъ своихъ Верховный Совѣтъ раскаялся, и хочетъ просить себѣ въ томъ прощенія, какъ то члены его въ недавнихъ разговорахъ и общались. А другіи все иное помышляли, и какъ сами онаго къ собранію призыву не любили, такъ и всѣмъ ходить шуда весьма не совѣтовали: прилѣжно внушая, что то верховниковъ хитрость, и злое изобрѣшеніе, какъ бы имъ прочіихъ или къ согласію записекъ своихъ сильно понудить, или пропавшихся себѣ вдругъ придавить. Въ томъ же день некая тайная носилась поговорка, будто изъ Курляндіи пришло письмо въ Верховный Совѣтъ. И когда сіе опаснѣйшіе оныя услышали, и паче пещились всѣхъ отъ повѣщаннаго собранія отводить. Ибо они при-смаприваясь тогда, каковымъ лицомъ являющъ верховники, примѣчали, что не только сами они, но и слуги ихъ необычно веселы, и радостны были. И по тому не было уже сумнительно, что ухищреніе верховниковъ удалось, и Анна Государыня, ложнымъ якобы всего народа именемъ сведена, на подложные ихъ договоры пристала. И сей многихъ догадъ непогрѣшительный былъ. Но бѣлая часть перемогла лучшую.

Въ прервйй день Февраля превеликое множество къ назначенному мѣсту собралось, гдѣ когда ожидано, что шаговое къ совѣшванію оныхъ верховниковъ произнесется, тогда они, указавъ молчаніе, повелѣли читашь присланное изъ Курляндіи писмо. И дѣломъ явилось сущее то, что опаснѣйшіе прорицали; было по посланіе Императрицы Анны и содержало въ себѣ слѣдующая: . . . (*) Никого почитай кромѣ верховныхъ, не было, кто бы шаковая слышавъ не содрогнулся. И саміи шіи, которые вчера великой ошъ сего собранія ползы надѣялись, опустили уши, какъ бѣдныя ослики; шешпанія нѣкія въ множествѣ ономъ пошумливали: а съ негодованіемъ откликнувшись никто не пошмѣя и нельзя было небояться, понеже въ палашѣ оной, по переходамъ въ стѣняхъ и избахъ много чинно спояло вооруженнаго воинства, и дивное было всѣхъ молчаніе; сами господа верховные шихо нѣчто одинъ съ другимъ пошептывали, и остро глазами пошмапривая, пришворялись, будто бы и они, яко невѣдомой себѣ и нечаянной вещи удивляются.

Одинъ изъ нихъ только, Князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ частно похар-

(*) Въ спискѣ, съ котораго печатано это сочиненіе, письмо пропущено. *М. П.*

живаль; видише, де, какъ Милостивая Государыня, и какого мы онь нея надѣялися; шакое она показала, отечеству нашему благодаряніе: Богъ ея подвигнулъ къ писанію сему; опсель счастливая и цвѣтущая Россія будетъ; — сія и симъ подобная до слышости повторяль. Но понеже упорно вси молчали, и только одинъ онь кричалъ, нарекаль спяль; для чего никто ни единого слова не проговорилъ? Извольль бы сказать, кто что думаетъ! Хотя и нѣль, де, ничего другаго говорить, только благодарить шоль милосердой Государыни. И когда нѣкто изъ кучи шихимъ голоскомъ, съ великою трудностію промолвилъ; невѣдаю, де, и весьма чуждуся, изъ чего на мысль пришло Государыней тако писатъ. На которыхъ его слова ни онь кого отвѣта не было. По томъ Князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій предложилъ словесно, дабы ему и прочей братіи дано время поразсудить о томъ свободно. И на то созволили верховные желая паче отпустить прочь упрямыхъ, и себѣ онь спреха свободить, нежели вмѣняя по въ ползу свою.

Архіереи же Синодальные учали домогаться, чтобы больше не оплакая собратъся, и совершить благодарственное молебствіе. Чему уже и не оспорилъ никто. Повелѣль же Синодъ діаконамъ,

взносить Государыни имя съ полною Монаршескою шишлою, самодержавіе въ себѣ содержащею. Что и сдѣлано; да тожь верховнымъ вельми нелюбо спало, и калялись, что о томъ прежде за-памятовали посовѣтовать. И когда въ тошъ же день Синодъ посылалъ по вся спраны письменныя шипулованія Государыни формы, посылали и они, но шишлы самодержавія, уже прежде обороненной, перемѣнныи не посмѣли. —

И изъ онаго времени видѣшь было, что всякаго почипай чина и званія люди, яко бы дрыхлы и задумаяся ходили, и будшо нѣчто глубоко размышляли. И немощно было иначе и поступать, у кого здравый смыслъ и разумъ былъ. Понеже хотя затѣйка верховныхъ господъ и не шайна была, однако же никто ненадѣялся, дабы они отважились, такъ рабскіе и пѣсные владѣнія успавы на Императрицу накинуть. Надлежитъ же сіе вѣдать, что сія епистолія въ Москвѣ соплешена была, и Княземъ Васильемъ Лукичемъ въ Курландію отвезена, и подложена Государынѣ для подписанія. А дабы Государыни не отпрекла подписанія, Князь онъ Василій неслыханною лжею заклинался, что то требованіе есть отъ всѣхъ чиновъ, и общее всего народа, и о семъ изъ успѣ

самой Императрицы, по приезде Ея во Москву, извѣстно стало.

Въ десятой день Февраля получена въдомость, что Государыня отъ Москвы уже недалече. И скоро потомъ, отъ чина церковнаго, при Архіерея, да при Сенаторы отъ гражданскаго, на встрѣчу Ея Величества выправлены. Да и ступиъ жалостное нѣчто и примѣчаніа доспойное явилось. Когда оныя Сенаторы и Архіереи, по опредѣленію Верховнаго Совѣта, именемъ всѣхъ чиновъ Императрицу привѣтствовать въ дорогу наряжались, нужда имъ была требовать паспорта отъ Верховнаго Совѣта, и получили. А когда доѣхали до заставы, (о чемъ прежде упомянуто), понеже еще далече того мѣста была Государыня, тогда Капитанъ, заставу держащій, съ объявленнаго отъ нихъ паспорта какъ самихъ господъ, такъ служилей считалъ, и потомъ далее шествовать пропустилъ. Въмѣстѣ ли и совокупно Сенаторы къ Государынь, которая тогда въ селѣ Чащникахъ остановилась, прибыли, или порознь и особно, и о томъ не извѣстенъ, и непровѣдывалъ яко ненужнаго, а о семъ отъ нѣкихъ изъ свиты Князя Василья Лукьяча послѣ я увѣдомился, что когда какъ Архіереи, такъ и Сенаторы Государыню привѣтствовали, тогда оный Князь Васи-

лѣй весьма прилѣжно на глаза ихъ и на руки и ошь головы до ногъ приемапривался, и на вся ихъ движенія, именования, оспро наблюдавъ. Толико, сирѣчь, прусливо и опасно было оное власнолюбивое шатаиіе. А правиламъ полищическимъ сходна ли была хипроспъ оная, инымъ на разсужденіе оставляю. Еще же и сего проро ишь ненадобе, что когда нѣкии изъ правительствовавшихъ откланясь Государынѣ, прежде Ея походу къ Москвѣ возвращались, и зѣло скоро бѣжали, и уже при верспы провхали: тогда Государыня изъ кварпиры выхавъ, шопчасъ ихъ миновала, и незадолго изъ глазъ вышли, и въ помѣ бо господа оныи имѣли понеченіе, чтобъ елико мощно спѣшишь; которое поспѣшеніе такъ жестокое было, что въ десить дней, (а еспѣли нужнѣя, въ Ригѣ, въ Псковѣ, въ Новгородѣ, и въ Твери оспановки выключишь, по развѣ въ осмь дней), больше тысячи верспъ убѣгли, съ немалымъ здравіа Государыни нарушеніемъ. И того же дни прибыла Императрица въ село Всесвяцкое, седмь верспъ ошь Москвы разстояніемъ. И здѣ для упокоенія оспановясь, приказала Петра Вшораго, до своего во градъ вшествіа, погребенію предашь, что во ушрїе и совершилось:

Но и тушь приключилось нѣчто непростое, и такое, что трудно сказать, удивленію ли паче или смѣху оное подлежитъ. Дванадсясятаго дня Февраля на всходу солнца всѣ чины въ домъ преславѣшаго Государя сошлись. Но долго ничего недѣлано, и невѣдомо, чего ожидано. Мы думали, что къ церемоніи оной не все изгопвлено: однакожь ничего, чтобъ негопово было, усмотрѣшь немогли. И когда нѣкто изъ знашныхъ особъ, спуживъ долгимъ сѣденіемъ, спросилъ у единого дѣйствія того управителя, для чего похоть досель неначинается, онъ ему опъвѣщаль, что еще недожидались опъ Верховнаго Совѣта опредѣленія, гдѣ и какъ бытъ въ церемоніи покойнаго Государя невѣстъ; а она, де, пребуешъ себѣ какъ мѣста, такъ и народа, (не нарядали)? и всей славы Императорской. И по многіи слыша, великимъ негодованіемъ возроптали, браня и проклиная необычное людей шѣхъ безстыдіе. И ни чего дождашъся невели, успроились вси къ погребальному походу, въ которомъ мечпанная оная Императрица нигдѣ не явилася. Всякъ же можетъ тушь видѣшь, что Князя Алексія его упомянушой невѣсты родителя, и другихъ имъ сродниковъ сіе дѣльцо было, и что они видя себѣ ошняшое, которое мечпали въ ру-

какъ своихъ имѣшь Монаршее скипетро, не оставляли ничего, чтобы ни показалось къ высокоспи ихъ удобное. Прежде уже мы показали, какъ беспудно Князь Алексій оныя показывалъ харшю, яко бы прямой завѣшь опъ Петра Впорого написанный. А когда не удалось, шо избрали они Императрицу, да безъ власти и силы: чтобы сами всемъ завладѣли, и они бы дѣломъ царствовали, а Государыня Царскимъ бы шолько именемъ шѣшилась. Но дабы и видъ славы Царской не всеми опъ дому ихъ оплучался; сія шо шпучка употребилъ зашѣяли. Понеже ешъли бы Каперина ихъ въ погребальной церемоніи Императорское мѣсто заняла, сдѣлали бы оную неравную самой Государынѣ, шо хопя второстепенную: да еще чаю, и на шомъ неостановились.

Та же Февраля въ день (*), который тогда воскресный былъ, Императрица Анна въ Москву вышла съ великою славою, да и сама неимѣла чимъ веселишся и многіи о бѣдномъ Ея состояніи шужили и печалились. Когда вошла въ домъ Царскій, шопчасъ узнали, что она якобы полонена, и заключена въ честную шюрьму. И нельзя ей было иначе думать; понеже Князь Василій Лукич Долгорукій, который изъ Курляндіи при-

---

(*) 15.

везъ Ее въ Москву, у самыхъ дверей свѣплицъ ко пребыванію Ея угошовленныхъ, занялъ себѣ другія свѣплицы, такъ что никому невозможно было до-спуиить до Государыни безъ его позволенія, да и кого попустилъ, зашѣмъ и самъ вхаживалъ, и никто опнюдь, ниже сестры Ея Величества, неволенъ былъ что ни еспъ поговоришь, развѣ присуш-ствующему и слышащему ему.

Между же шѣмъ верховные господа прежнюю присяги форму, копорую народъ на вѣрность Государю своему себѣ обязуешъ, перемѣня, новую выковали, вымаравъ многія, какъ обносилось, рѣчи самодержавію служація. И пошомъ Февраля въ день, всѣхъ чиновъ соизволили для присяги къ первопрестольной церкви, копорая вкругъ по площади многимъ воинствомъ обшавлена была. И тогда въ собраніи Верховнаго Совѣта, нѣкопорые изъ знашнаго шляхетства о перемѣнной присяжной формѣ спорили. А въ палатѣ Синодской, первый Членъ, Архіепископъ Новгородскій какъ къ поваріщамъ своимъ, такъ и ко всѣмъ прочіимъ Архимандритомъ, — а было многое число, — увѣщавательную рѣчь имѣлъ, ясно показуя, что великое весьма дѣло еспъ присяга и вѣчное наводишь бѣдспво, еспъ ли кто присягаешъ на то, что пришивно совѣспи, или чего и самъ

не хочешь, или не въдаешь. И для того наспоаяль Синодъ ошь Верховнаго Совѣща новосоставленной, какъ слышно присяжной формы первѣе требоваль, чшобъ знашь, что въ ней содержится. И тако ошь Синода въ Верховный Совѣщъ секретари посланы ходили, и возвращалися, одинъ къ другому, и доносили, что господа верховные неоприцають прислать въ Синодъ пребуемую форму. Однакожь не присылали. И когда того синадальныя многократно чрезъ посылаемыхъ секретарей домогалися, а верховные многократно прислать обѣщались, се незапно въ Синодъ повѣщено, что господа верховные въ церковь вошли, и духовныхъ тамо дожидаются. Новгородскій /шого въдомостію возмущень, совѣшоваль не ходить шуда. Но какъ увидѣль, что всѣ идушь будшо бы нѣкою силою влекомы, и самъ за ними пошелъ; только же что вошли Архіереи въ церковь, шопчасъ господа верховные спали ласкательнѣо просишь ихъ, дабы первыя они учинишь присягу изволили, яко всего народа пасмырїе, и въ духовныхъ дѣлахъ предводили. И тогда Новгородскій вопросилъ у собраннаго народа молчанія, которое и сдѣлалось, въ той же силѣ какъ говорилъ съ Синодъ, всѣмъ вслухъ о присягѣ проповѣдовалъ. Великое со-

бранныхъ было множество, и все изъ шляхетства. И на слова Архіерейскія краткія, краткіе изъ кучи ошвышъ съ воздыханіемъ произнеслись: что истинное то наспавленіе, и что присяга дѣло страшное. Увѣщевалъ же всѣхъ Архіерей, дабы никто безразсудно присягать не торопился, и домогаться спалъ, чтобъ первѣе форма присяги всѣмъ въ слухъ и съ амвона прочтена была, чтобъ все могли вѣдать, на что присягать надлежитъ, или не надлежитъ. Преко-словилъ же Новгородскому Князь Дмитрій Голицынъ, но изъ рѣчей его Архіерей оный вѣщія къ дѣлу своему доказательствъ выводилъ. Но прочіи изъ верховныхъ опасаясь, чтобъ не пришло до смуты, скоро на пребываніе Новгородскаго позволили. Да и шумъ вѣщія весьма чудная приключилась. Когда вельно Секретарю взыши на амвонъ, и форму присяжную прочесть, и се ни у него не было формулы, которыхъ многія тысячи напечатано. Изъ чего мощно видѣть, что факція оная все торопко и непорядочно дѣлала, и въ зашѣткахъ своихъ больше имѣла страха, нежели упованія.

Когда же принесено и прочтено формулу, спало явно слышащимъ, что хотя нѣкія прежднія рѣчи самодержавіе означающія выключены, однакоже не

включено другихъ, коиорыя ясно бы изображали новый и отъ прежня различующій владѣнія образъ, и осмолочные владѣтели неименованы; чего наипаче весь народъ ожидал дрожалъ; и о подтвержденныхъ Государынѣ договорахъ ничего не упомянушо, и вся присяги перемена въ сихъ рѣчахъ была, что присягающъ Государынѣ и опещенству; того ради какъ Архіереи, такъ изъ мірскихъ начальнѣйшіе, поразсудивъ, что формула верховникомъ не къ пользѣ, и впредь къ разсужденію намѣренія ихъ помѣшки сдѣлать не можеть, приговорили принявъ оную снисходительно. И шако по словамъ оной формы присягу исполнили. Обносаяся же, что сочинена была формула иная, запѣйкакъ верховныхъ господъ служащая весьма, да произнесеть ея господа оные не посмѣли.

Видно же ошъ сего, что господа верховные никакой себѣ вышоржки не получили: однакожь какъ они сами, такъ и сродники, и друзья ихъ, яко бы въ нѣкоемъ благопоспѣшеніи своемъ поржесшвовали, учинилась изъ того другимъ немалая тревога, и разные догады родились. Одни думали, что господа оные пришворяющъ себѣ видъ веселія, чтобъ себе побѣжденныхъ не показать. А другіе радость ихъ въ томъ быль разсуждали, что против-

ная имъ факція кое какъ зашхла и шаковая пишина угодна имъ къ вячшему впредь дерзновенію. Проспые и прусливые говорили, что въ новой оной присяжной формуль нѣкое содержишя шаинство, самимъ полько шворящимъ въ домое, а прочимъ непосшизаемое; что же шо ни было, полькоже нахальная оныхъ господъ бодрость всѣмъ была съ досадою, и прежнее супрошивъ ихъ возшаніе возбуждали. Паче же всего бѣдное самой Государыни соспояніе, акибы предъ очима ходящее, на гнѣвъ и ярость позывало. Не происходишь она, невидишь, не поздравляетъ Ее народъ. А когда шому всюду въспѣ проносилаь, что Князь Василій Лукичъ, какъ бы нѣкій драконъ блюдетъ неприсшунну, и что она безъ воли его ни въ чемъ невольна, и неизвьшно, жива ли, а есть ли жива, шо на силу дышешъ; и что оные шираны имѣють Государыню за спѣнь Государыни, а между шѣмъ злѣйшее нѣчто промышляють, чего другимъ и догадывашься нельзя. Симъ и симъ подобная когда вездѣ говорено, ожидала другой компаніи ревность, и жесточай нежели прежде восплюнулась. Видѣшь было на многихъ, что нѣчто весьма страшное умышляють. Но шихомирныя головы къ шому всѣхъ приклонили, дабы мяшежное оное

господство упразднилъ правильнымъ и безопаснымъ дѣйствіемъ слѣдующимъ.

(Пропущено число мѣсяца) Сшедшися во едино собраніе многіе изъ шляхетства, написали къ Государынѣ челобитную, въ которой объявляютъ, что бывшее въ Курляндію посольство не только безъ согласія всѣхъ чиновъ, но и безъ вѣдома, и нарочно скрытно устроено опъ частныхъ семи чело-вѣкъ, для домашнихъ имъ инпересовъ, и покорно просятъ Ея Величества, чтобъ договорное Курляндское письмо Ей под-верженное, (копя оное лживому доносу проспошою повѣря и подписала), изво-ляла опвергнуть и уничтожить, яко нѣкій незаконный извергъ и уродъ, на гибель, опечесства опъ не многихъ за-тѣйщиковъ изданный. И скоро великимъ множествомъ въ палаты Царскіе вшедь, спали требовать, дабы до Ея Величества приступитъ имъ позволено. И сіе услы-шавъ выбѣгъ къ нимъ Князь Василій Лукичъ, и припворяя, будто бы во всемъ шомъ имъ согласенъ, спалъ сочиненной опъ нихъ челобитной проситъ, объ-щевая шопчасъ оную подать въ руки Ея Величества. Но никто такъ нечув-ственный не былъ, кто бы коварства его не узналъ. Все вопитъ спали: что подданныхъ опъ Государыни и сыновъ опъ машери опрывать не надлежитъ;

а кто не такъ мудрствуетъ, пошь врагъ ешь и Государыни, и Государства. И шако онъ спыда, спраха, и яросли исполненъ, отошоль опъ нихъ.

Была тогда у Государыни сеспра Ея Царевна Екатерина, и она прежде о шаковомъ шляхетства намѣреніи увѣдомлена, слыша нынѣ о собраніи ихъ все, что дѣлалось, Государынь донесла, увѣщевая произыши къ нимъ и послушашъ ихъ челобитья, и свободно о семь говоритъ. Понеже Князь Василій Лукичъ на слухъ онаго собранія выходилъ, какъ уже упомянулось, вышла Государыня въ залу. Стоя подъ балдахиномъ, впустишь просишелей и прошеніе ихъ прочешъ повелѣла. А по проченіи того, приказала пошчасъ подашъ себѣ писмо Курляндское. По томъ произнесла крашкую рѣчь въ шакой силѣ: что хотя весьма тяжелые поданы Ей были царствованія договоры, однако же вѣруя, какъ ей докладывано, что оные опъ всѣхъ чиновъ и опъ всего Россійскаго народа потребуешъ, для любви опечесства своего подписала. А понеже нынѣ извѣстно является, что лжею и лестию сдѣлаць Ей обманъ, того ради оные договоры, яко сущею ниправдою опъ себѣ испорженые, уничтожаешъ, и рукописаніе свое никому впредъ явѣшь за важное приказуешъ. И по сказавъ, пошчасъ

упомянутое письмо, до рукъ ея поданное, разодрала, и на землю бросила. Воскликнуло все предстоящихъ множество, зѣло Ея Величеству благодарствуя, и кланяясь. Были же при томъ нѣкоторые и ошъ верховниковъ, и когда просишли оныя благодаря Государынѣ кланялись, тогда и сіи поклонились. Кое дѣйствіе ихъ паче же всякаго чаянія показалось, подамо въ народъ довольную смѣха манерію.

Издатель за сообщеніе сего драгоценнаго историческаго документа приноситъ усерднѣйшую благодарность просвѣщенному знапоку и собирателю Русскихъ древностей Платону Пешровачу Бекешову.

Документъ напечатанъ шочь въ шочь проливъ списка новаго, но вѣрнаго кромѣ двухъ-трехъ мѣсть, гдѣ смыслъ не ясенъ, и нѣкоторыхъ не-исправностей граматическихъ. Въ Библіотекѣ Графа Толстаго есть также списокъ (см. Каталогъ, Г. Строева и Калайдовича, I. 659). Правописание употреблено мною нынѣшнее.

М. П.

К Р И Т И К А.

Юрій Милославскій, или Русскіе въ 1612 мѣ году. Историческій Романъ въ 3-хъ часяхъ. Сочиненіе М. Н. Загоскина. Ч. I. с. 236. Ч. II. с. 166. Ч. III. с. 263. Москва. Въ Тип. Н. Степанова 1829.

(Сообщено).

Радуясь прекрасному явленію въ Литтературѣ нашей, какъ общему добру, мы съ большимъ удовольствіемъ извѣщаемъ читателей, что наконецъ Словесность наша обогатилась *первымъ Историческимъ Романомъ*, первымъ швореніемъ въ этомъ родѣ, которое имѣетъ народную физиономію: характеры, обычаи, нравы, костюмъ, языкъ. Не одинъ разъ прочитавъ его со вниманіемъ и всегда съ наслажденіемъ, мы считаемъ за долгъ сказать свое мнѣніе откровенно и безпристрастно, подкрѣпляя по возможности доказательствомъ похвалы свои, и осужденія, разумѣется кромѣ тѣхъ случаевъ, гдѣ и то другое будетъ основано на чувствѣ чисто эстетическомъ — вкусъ: онъ у всякаго свой. Еслибъ Романы Валпера Скошша бѣли написаны на Русскомъ языкѣ, и тогда бы Юрій Милославскій сохранилъ свое

неотъемлемое достоинство. Это небывалое явление на горизонтѣ нашей Словесности: романы Нарѣжнаго хотя показываютъ нѣкоторое дарованіе въ сочинителѣ, но выполнены слишкомъ дурно во всѣхъ отношеніяхъ; въ другихъ новыхъ нашихъ Романахъ нѣтъ ничего національнаго, Русскаго.

Эпоха или время дѣйствія выбрано самое счастливое; историческія происшествія и лица вставлены въ раму интриги съ искусствомъ, освѣщены свѣтомъ Истории прекрасно и вѣрно.

Москва во власти Поляковъ и присягнула Королевичу Владиславу. Спрахъ, своекорыстные виды и не имѣніе другихъ средствъ къ спасенію Государства, раздираемаго безначаліемъ, междоусобіемъ и развращеніемъ нравовъ, слѣдствіемъ ширанскаго самовластія Іоанна, слабоумія Θεодора и преступныхъ душей къ престолу Годунова, заставили всѣхъ прибѣгнуть къ сему несчастному посупку. Герой романа, Юрій, сынъ умершаго Боярина, Дмитрія Милославскаго, бывшаго Воеводою въ Нижнемъ Новгородѣ, извѣстнаго своею ненавистію къ Ляхамъ, присягнувъ вмѣстѣ съ прочими Владиславу. Юный, прекрасный, добродѣтельный, набожный и страстнолюбящій свое отечество Юрій — увлекся прятромъ и обшительствами. Личное уваженіе и даже пріязнь соединяетъ его съ Гонсьвскимъ, начальникомъ Польскихъ войскъ, занимающихъ Москву. Слухъ, что

Низовцы, удаленные отъ ужасовъ Московскихъ, слѣдственно лучше другихъ понимающіе настоящее положеніе дѣлъ, уже вразумленные коварствомъ Сигизмунда, собираются возснать народною войною на чуждыхъ утѣснителей, сопровождаютъ сихъ послѣднихъ, и Гонсевскій, вмѣстѣ съ другими, посылаешь въ Нижній Новгородъ Юрія Милославскаго, для усмиренія взволнованныхъ умовъ. Кто лучше его, сына заклятаго врага Поляковъ, добровольно цѣловавшаго крестъ Владиславу, можешь убѣдить непокорныхъ? Съ этой точки начинается Романъ. Расскажемъ въ короткихъ словахъ его содержаніе, обнаживъ главный ходъ отъ явленій эпизодическихъ: влюбленный въ неизвѣстную дѣвушку, видѣнную имъ не давно въ Московской державѣ Спава на Бору, Юрій Милославскій ѣдетъ въ Нижній; въ продолженіи дороги, а особливо въ домѣ Боярина Кручины Шалонскаго, глаза его открываются и раскаяніе въ присягѣ Владиславу имъ овладѣваетъ; въ Нижнемъ это чувство возрастаетъ до высочайшей степени, до отчаянія, и Юрій сказавъ рѣчь въ собраніи сановниковъ Нижегородскихъ, какъ посланникъ Гонсевскаго, и спрошенный Мининымъ: *чтобы онъ сдѣлалъ на ихъ мѣстѣ?* — не выдержалъ и далъ совѣтъ идти къ Москвѣ, ибо Поляки слабы. Въ то же время рѣшается онъ и объявляетъ торжественно, что идетъ въ монахи, ибо не можешь сражаться ни за шу, ни за

другую сторону. Юрій прїѣзжаетъ въ Сергіеву Лавру, объявляетъ Аврааму Палицыну о своемъ желаніи и по причинахъ онаго. Палицынъ принимаетъ его предварительный объѣтъ иночества, разрѣшаетъ отъ клятвы Владиславу и посылаетъ, какъ своего послушника, сражаться съ Поляками подъ Москву. Юрій ѣдетъ; на дорогѣ чтобы избавиться отъ вѣнчаницы дочь боярина Шалонскаго, въ коморой онъ еще прежде узналъ свою любезную, женился на ней, (это обстоятельство оправданно прекрасно), и тогда же часъ отвозитъ свою несчастную молодую въ монастырь Хошъковской, и прощается съ нею навѣки. Москву освобождаютъ, Поляки разбиты и бѣгутъ; Юрій открывается Палицыну въ своемъ вынужденномъ бракѣ и Палицынъ разрѣшаетъ его отъ объѣта идши въ монахи, основываясь на томъ, что бракъ есть уже таинство неразрѣшимое, а послушники могутъ возвращаться въ свѣтъ, и Юрій какъ видно изъ эпилога, дѣлается счастливымъ супругомъ Анастасіи.

Въ чувствительномъ родѣ лучшія мѣста: возстаніе Нижегородцевъ и смерть боярина Шалонскаго; въ комическомъ двѣ шушки Кирши, его колдовство и посвященіе въ колдуньи сшарухи Григорьевны; въ ужасномъ: буйная ярость шишей (Русскихъ Гвериласовъ); въ описательномъ: переправа черезъ Волгу, въ то время, когда ледъ только что пронулся.

Должно замѣтить, что никто не имѣетъ такой комической, добродушной веселости, какъ Г. Загоскинъ; въ этомъ отношеніи талантъ его высокаго достоинства и совершенно оригиналенъ. Читая романъ сей, есть гдѣ заплакать отъ душевнаго умиленія и отъ сердца посмѣяться самому не веселому человѣку. Но нельзя сказать, чтобы любопытство и участіе въ развязкѣ были подстрекаемы сильно.

Не говоря уже о характерахъ нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ, большею частію хорошо выдержанныхъ, разнообразныхъ, прекрасно изображенныхъ, комическихъ положеніяхъ, объ искусной оцѣлкѣ подробностей, впрочемъ не всѣхъ, главнѣйшее достоинство сего романа состоитъ въ живомъ, вѣрномъ, драматическомъ изображеніи нравовъ, домашняго быта, мѣстностей, особенностей и природы Царства Русскаго. Вотъ языкъ, которымъ должны были, кажется, говорить люди Русскіе въ 1612 году; вотъ ихъ образъ мыслей. Кто знаетъ хорошо свое отечество, тотъ спаленъ восхищаться вѣрностію сихъ картинъ; кто не знаетъ его (ибо много есть Русскихъ, незнающихъ ничего въ Россіи кромѣ гостиныхъ Петербурга или Москвы), тотъ, вмѣстѣ съ иностранцами, познакомится съ жизнію нашихъ предковъ и шеперешнимъ бытомъ простаго народа.

Интерпрета романа проста, незапутана эпизодами, хотя ходъ ея не вездѣ равно вы-

держанъ; нѣкоторыхъ мѣстъ не лзя читать или слышать безъ живѣйшаго участія, безъ слезъ, шаковы: рѣчь Минина, возставіе въ Нижнемъ Новгородѣ, смерть боярины Кручины, смерть юридиваго. Впечатлѣніе сего романа самая чистая нравственность: любовь къ отечеству и добродѣтели.

Въ первой Части и нѣсколько во второй примѣтна въ романѣ какая ша неполноша въ описаніяхъ, сжасность, неокончательность и даже неясность. Не знаемъ что тому причиною: новость ли труда или поропливость; дрешій шомъ во всѣхъ ошноеніяхъ написанъ лучше двухъ первыхъ. Можно замѣшить, что посшупокъ Юрія Милославскаго, уже разочарованнаго на счетъ намѣреній Сигизмунда, но продолжающаго дѣйствовать во преки своему сердцу и даже долгу къ отечеству, и наконецъ въ совѣтѣ славниковъ Нижегородскихъ, ошъ одного вопроса Минина, говорящаго противъ себя и опровергающаго собственныя слова (ну если бы его послушались?) — нѣсколько страненъ; можно укорить Юрія слабостью ума или характера. Не говоримъ уже о шомъ, что Гонсѣвскій и другіе, пославшіе его въ Нижній для укрощенія бунта, были весьма неблагоразумны, даже просты, ибо людей не швердыхъ, и всего болѣе въ половину преданныхъ къ ихъ споронѣ, не посылають для отвращенія гибели, въ рѣшительную минушу. Шутка Милослав-

скаго съ Паномъ Капычинскимъ, котораго онъ заспавляешь съѣсть цѣлаго гуся, всемъ извѣстная была: она не въ характерѣ Юрія, добраго и крошкаго чело-вѣтка; Залорожець Кирша гораздо забавнѣе и естественнѣе выгоняешь лишній народъ изъ избы, сказавъ что одинъ изъ протѣжихъ — разбойничій ашаманъ; по прованію *торговъ усъ*. Изъ всѣхъ лицъ романа, языкъ только одного Юрія иногда опзывается новыми выраженіями и мыслями (*). Вошь нѣсколько частныхъ замѣчаній:

Часть первая.

i) Не лзя въ началѣ *Апрѣля*, при необыкновенномъ продолженіи зимы ѣздить цѣликомъ: (стр. 8.) глубокіе снѣга около Нижняго шого не позволяють; развѣ по *насту*; но этого необьяснено. Жестюкихъ мятелей въ сіе время не бываетъ: снѣгъ получилъ *осадку* и вѣтеръ не можетъ взрывать его (стр. 9.) Нехороша фраза: *на безчувственномъ лицѣ изобразилась радость* (стр. 17):

(*) Надобно признаться, что хотя Юрій предоброй и благородный, и храбрый челоѣкъ, но саншкомъ горячо къ нему непривыкаешься; какъ скоро онъ дѣствуетъ съ кѣмъ нибудь вмѣстѣ; онъ уже играешь широкласное лице; въ немъ ничего нѣтъ славнаго; сильнаго, увлекательнаго, самобышнаго. Его спасаютъ; посылають, освобождаютъ, неслушаютъ, разрѣшаютъ и вѣчаютъ. Въ своемъ родѣ Кирша нравятся гораздо болѣе. Лучше всѣхъ написанный и выдержанный характеръ: это шродивый; за нимъ слѣдуешь Турелинъ. *Свойн*.

Вначалѣ сказано, что *Смоленскъ во власти Польскаго Короля*, (спл. 3), а извѣстіе о взятіи его получено Юріемъ послѣ: въ домѣ Кручины Шалонскаго.

3) Слово *бѣглець* (спр. 24.) вѣроятно не употреблялось тогда — въ простыхъ разговорахъ, какъ и вышѣ не скажешь: онъ бѣглець, а онъ бѣглый.

4) *Простоволосая* (спр. 38) значитъ не глувую, а неповязанную плашкомъ женскую голову, что считалось и считается предосудительнымъ, отсюда въ переносномъ смыслѣ составился глаголъ *опростоволоситься*, т. е. дать себя поймать безъ повязки, заспашь въ распахъ.

5) Слово *мытъ* (спран. 39) надобно изъяснить. Его знаютъ, какъ имя Болѣзни.

6) *Я непривыкъ кормиться нищими остатками* (спр. 77). Дурное и двусмысленное выраженіе. *Обѣдками*, вѣроятно, желалъ сказать сочинитель.

7) Неговоряшь колдуну: *тебя умудрилъ Господь* (спр. 105).

8) Причина недостаточна, почему Поляки не стали осматривать чуланъ колдуна (спл. 113): „*кой горть велить ему забиться въ эту западню*“, говорятъ они, но сія причина и прежде существовала, а они все таки выбили дверь; явно, что это нужно было автору и онъ поступилъ самовластно.

9) *Узда замѣнялась мѣдною цѣпью* (сп. 121).
Едвали? развѣ вмѣсто удиль и поводьевъ была мѣдная цѣпочка.

10) Колдуны именно не ходяшь въ церковь; имъ за то вѣришь, что они въ связяхъ съ дьяволомъ! (спр. 122).

11) Спранно, какъ ускакалъ Алексѣй на своемъ пѣшемъ конѣ ошъ преслѣдованія Поляковъ? (сп. 125).

12) Выраженія Юрія: *мѣткіе толпы нитого не-доказываетъ и сольются поколѣнія въ одинъ народъ...* слишкомъ новы и неумѣстны въ разговорѣ съ слугою. Это хотѣлось сказать автору (спр. 127).

13) Неговорится: *зарѣзанный быкъ* (спр. 133), а убитый.

14) *Ревѣль нелѣпымъ голосомъ* (сп. 138) выраженіе несточное.

15) *Дурной гражданинъ едвали можетъ быть хорошимъ отцемъ.* (спр. 148) Весьма часто бываешь: примѣровъ много.

16) Подстилка нѣсколькихъ сноповъ соломы (сп. 161) въ избѣ, куда ждущъ молодыхъ изъ церкви и кучу госшей — невѣроподобна.

17) Дурные стихи плохаго поэта дурно выраженной мысли Байрона, не стоятъ повторенія: *улыбка горести подобна.*

Нагробъ положеннымъ цѣтамъ!...

18). *Бѣдненькой охъ, а за бѣдненькимъ Богъ*; зачѣмъ измѣнять народную поговорку въ народномъ романѣ? (стр. 245); надобно сказать: *голенькой охъ, а за голенькимъ Богъ!*

19) *Воображеніе охладѣло, и Юрій заснул* (стр. 255). Боже сохрани, только успокоилось.

Ча с т ь 2.

1) *Въ слугаѣ нужды готовъ довольствоваться!* (стр. 19) правильнѣе сказать: *неготовъ, а можешь.*

2) *Вспорхнулъ на сѣдло* (стр. 3), *нейдетъ, какъ то, къ Запорожскому козаку*; лучше *взмахнулъ, а при томъ правильнѣе: вспорхнуть съ гнѣзда, нежели вспорхнѣть на дерево.*

3) *Народъ отхлынулъ, какъ вода* (стр. 31) непременно надобно сказать *отъ чего? отъ скалы, или плотины.*

4) *Злые кони сбивающъ сѣдковъ тѣмъ что на всемъ скаку бросаются въ сторону; а поворошишь крушо на скаку, какъ пишешь сочинителю на стр. 32-ой, никакая лошадь не можешь; сама упадешь.*

4) *Околица не можетъ быть затворенная* (стр. 23., а развѣ ворота.

5) *Юрій съ слугою опередилъ солнце* (стр. 36); *чѣмъ? какъ?* Переходъ къ прощанью Юрія къ Шалонскимъ чрезвычайно сжатъ.

6) *Похоронить, такъ далеко отъ торопился, что лучше сказать ужь: похоронилъ* (стр. 43).

7) *Соскузивъ не полугать отъговъ* (ст. 43) дурная фраза.

8) Кирша говоришь неправду два раза сряду. Прежде онъ сказывалъ, что козакъ имъ убить, а шеперь говоришь: *къ счастью онъ отдохнулъ*. Кораблениковъ тоже ему не давали, а только хотѣли дать (ст. 47).

9) *Ангель красоты* (ст. 50), пойдетъ говоришь Юрію: ново.

10) Оправданіе почему Кирша не открылъ опасности Юрію, (чтобъ не поссорить его съ ошцемъ любезной), весьма выискано и козаку не свойственно (стр. 57).

11) Нехорошо сказать: *Аргамакъ вмѣсто того, чтобъ драться съ лошадейю и пр.* (ст. 68).

12) Читатель остается въ неизвѣстности, зарядилъ ли пистолетъ свой Юрій? (стр. 71) а это знать нужно.

13) Отвѣтъ Запорожца Кирши на вопросъ Алексѣя: для чего онъ не предупредилъ ихъ о разбойникахъ? самый странный; онъ говоритъ: *я боюсь, что вы несумѣете притвориться*. и. п. Это пустое оправданье; да развѣ онъ не могъ также хватить Омляша по головѣ не дозжая до оврага, гдѣ спрятааны его товарищи? Какой опасности подвергалъ онъ и себя и своихъ благодѣтелей, безъ всякой причины! Непонимаемъ даже, для чего Автору было это нужно?

14) На стр. 79, опять наши путешественники въ водополь и распушье, только начавшееся, когда глубокіе снѣга напишались водою, вздять польсу и оврагамъ безъ дороги. У насъ въ это время почти вовсе проѣзда не бываетъ и по дорогамъ, особливо около Нижняго.

15) *Закраинною* называется ледъ примерзшій къ берегу, а не разсѣлина между льдомъ и берегомъ, какъ выразился сочинитель на стр. 85: *перепрыгнуть черезъ закраинну.*

16) На стр. 89. Юродивый играетъ на песчаной кося съ ребятишками; это невозможно: тогда все было еще покрыто льдомъ, снѣгомъ и прибывшею, полою водою.

17) *Милославскій, провелъ большую часть ночи, размышляя о своемъ положеніи, которое казалось ему вовсе незавиднымъ* (стр. 108). Последнія слова похожи на шушку, а Юрій былъ въ ужасномъ состояніи.

18) Пабасенка Минина объ упоающемъ отцѣ и сыновьяхъ его (стр. 133) рассказана неясно и примѣненіе ея къ положенію Милославскаго невѣрно.

Должно замѣтить, что выраженіе *мѣжь тѣмъ* чрезмѣрно часто и иногда некстати употребляется въ цѣломъ романѣ. А всего досаднѣе оно послѣ прекраснаго, исполненнаго чувства обращенія Автора, на стр. 121.

„О какъ недостаточенъ, какъ безсиленъ языкъ человеческой для выраженія высокихъ чувствъ

души, пробудившейся отъ своего земнаго усыпленія! Сколько жизней можно опдашь за одно мгновеніе небеснаго чистаго восторга, который наполнялъ въ сію торжественную минушу сердца всѣхъ Русскихъ! Нѣшь, любовь къ опечеству не земное чувство! она слабѣй, но вѣрнѣй опголосокъ непреодолимой любви къ тому безвѣстному опчеству, о которомъ, непоспигая сами шоски своей, мы скорбимъ и шоскуемъ почти со дня рожденія нашего.

„Межь шѣмъ всѣ спѣшили по домамъ и пр.“ и пр.

Ч а с т ь 3.

1) Запорожець, сполько преданный Юрію, узнавъ о мнимой его смерти, вскрикиваетъ: *ахъ Боже мой, Боже мой*..... и велитъ козакамъ подать кису съ водкой и пирогомъ . . . (сп. 8) это не въ характеръ Кирши: онъ слишкомъ горячо привязанъ къ Милославскому.

2) Лошади *шарахнулись и стали* (спр. 16): Шарахнулись незначитъ испугались, а бросились отъ испуга.

3) *Чтоже прибыли, то Юрій и живъ* (сп. 21); и правильнѣе по смыслу рѣчи, и лучше сказать: *если Юрій и живъ*.

4) Сочинитель говоритъ на одной и шойже 58 стр.: *и въ наше время многіе воображаютъ Муромские лѣса.*

Жилищемъ вѣдьмъ, волковъ,
Разбойниковъ и злыхъ духовъ.

А нѣсколько строкъ ниже: *о вѣдмахъ не говорятъ уже и въ самомъ Кіевѣ; злые духи остались въ однихъ операхъ и пр.*

5) Авшоръ прекрасно выдержалъ характеръ Запорожца Кирши, который не согласился вышаскивать ушонающего въ болотѣ земскаго ярыжку (ст. 96), но кажется въ оправданіе Кирши надобно бы сказать, что вышаскивая разбойника, подвергались опасности ушонушь честные его товарищи. Припомъ нехудо объявить, что дорога по такимъ непреходимымъ топямъ дѣлается отъ гати, которая перегибая превращается въ черноземъ, а по оному распушь не одиъ уже болотныя шравы, и корнями связываютъ зыбкую шрясиу. Этого не всѣ знаютъ. Слая болкокъ, бѣгущая къ ушопшему, хошя производитъ эффектъ на чимателя, но это несправедливо. Ни какое чутъе немогло слышать запаха отъ человека зашянушаго глубоко въ шину; штъмъ болѣе по шешествіи одной минушы.

6) *Въ теченіи сего разговора (ст. 98).* Не хорошо. Лучше: *въ продолженіи.*

7) Опять искаженіе пословицы: *Не спросясь броду, не бросайся въ воду.* Надобно сказать: *не суйся въ воду.* При нѣкоторомъ размышленіи всякой почувствуетъ что *бросаться и соваться* не синонимы.

8) На стр. 112 сочинитель говоритъ, что *Троицкая Лавра отстоитъ отъ Москвы недалеко*

шестидесяти *четыре*хъ верстѣ. Тутъ надобно сказасть положительно: во сколько-то верстахъ.

9) *Я едва смѣю надѣяться, что ты не отринешь и пр.*, не хороша фраза.

10) *Хлѣбы пересидѣли* (см. 142); говорится: *пересидѣлись*.

11) (Сп. 175) невѣроятно, чтобъ у Анастасіи, бывшей въ рукахъ грабителей шишей, нашлись, какъ нарочно, на пальцахъ два золотыхъ перстня для обрученія.

12) *Онъ приподнялъ раненаго, въ которомъ шитатели впрямую узнали уже боярина Кручину*. Ни какъ нельзя узнать: сочинитель овисалъ мѣстоположеніе, неизвѣстное читателямъ.

13) Анастасія обвинявшись съ Юріемъ черезъ нѣсколько минушь, прижимаетъ руку его къ своему сердцу и говоритъ: *чувствуешь ли какъ бьется мое сердце? Оно живетъ тобою и пр.* И дѣйствіе и слова не въ характеръ того времени. Анастасія могла взять руку Юрія и поцѣловать. Также прощаясь съ нимъ у воротъ Хошъковскаго монастыря, по нашему мнѣнію следовало бы ей поклониться въ ноги своему спасителю, супругу и господину.

Искренно признаемся, что большая часть нашихъ замѣчаній маловажны; это послужитъ доказательствомъ Автору вниманія, съ которымъ мы читали его сочиненіе, и желанія видѣть трудъ его въ совершеннѣйшемъ видѣ. Хотѣли было мы вы-

пишешь нѣсколько страницъ изъ лучшихъ мѣстъ, но поискиниѣ затруднились въ выборѣ: весь Романъ есть одна изъ пріятнѣйшихъ и замѣчательныхъ страницъ въ мѣстописяхъ нашей Словесности (*).

Къ сожалѣнію должно прибавишь, что не смотря на хорошую бумагу и буквы, печашь нехороша, и что безчисленное множество знаковъ восклицаній, двоеточій и пире, часто не вѣрно поставленныхъ, досаждають читашелю. Правописаніе также нѣсколько капризно. Виньеты гравированы недурно, но нарисованы очень плохо. Мы увѣрены, что скоро понадобится второе изданіе, въ которомъ конечно постараясь избѣгнушь эсихъ мѣлочныхъ недостатковъ.

С. А—въ.

(*) Быть можеть нѣкошорые изъ читашелей спросять: неподражаніе ли это Валшеру Скошпу? вошь наше мѣстие: еспльнѣ исписалъ знаменитый Шотландецъ, быть можеть, не существовалъ бы и Юрій Милославскій или авился въ свѣтъ подъ другою формою, но вошь все вліяніе Валшера Скошпа, какое только можно допустить. Подражанія мы рѣшительно не замѣтили.

С М Ъ С Ъ.

Отрывки изъ дневника.

*Прогулка Русскаго путешественника
по Помпеѣ въ 1829 году.*

П и с ь м о I.

Съ какимъ благоговѣйнымъ шрепетомъ радости понимаемъ мы первыя строки писателя, котораго гусная полпа вѣковъ ошь насъ заслоняеть! Представъше же, друзья мои, какимъ восторгомъ исполнилась бы душа ваша, когдабъ чудный сонъ перенесъ ее въ стогны древняго Римскаго города, когдабъ вся древняя жизнь открылась очамъ вашимъ? — Эпошь сонъ сбыочень: пріѣзжайте въ Помпею.

Чувство, съ которымъ приближаемся къ ней, неизяснимо. Еще нѣсколько шаговъ. . . и 1750 лѣтъ, — такая бездна времени, — вдругъ ошдѣляеть васъ ошь міра насоящаго, и оживяеть шощъ міръ, который прежде вы знали мершвымъ въ однѣхъ книгахъ. Такое волшебство, кажется, возможно для одной фантазіи, — и его-шо представляеть вамъ дѣйствительность.

Скажу еще болѣе: здѣсь фантазія шупѣеть передъ существенностью. Вы ходите по древнему городу, который какъ будто вчера только былъ опустошенъ и оставленъ устрашенными жителями. Вы видите всѣ слѣды ихъ жизни, частной и общественной; вы гуляете подъ тѣмъ

же открытымъ небомъ, подъ копорымъ гуляли они, не такъ какъ въ Геркуланумѣ, гдѣ вы спускаетесь на нѣсколько сажень въ землю и бродите при свѣтѣ факела по царству лавы и мрака. Прежде нежели поведу я васъ, друзья мои, по Помпѣи, принесемъ благодарность предусмотрительному Везувію, который былъ орудіемъ судьбы, видимому не пренебрегающей ученіемъ человѣческимъ.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ не подумашь, что она печется о ученomъ наследіи племень грядущихъ! Древность, не избѣгнувшая времени и человѣка, двухъ соперниковъ въ разрушеніи, спаслась подъ пепломъ истребительнаго Везувія. Сокровище науки искуплено крашкимъ бѣдствіемъ человѣчества. Сколько минушь, сладкихъ для сердца и ума, породила послѣдняя минута Помпейскихъ спрдаальцевъ. Милліоны поколѣній приходятъ на ихъ гробъ учисься, воспоминашь, и въ дань благодарности благословляюшь ихъ память!

Но оставимъ Поззію, въ копорую неволью замлскаешь предметъ нашъ, и скажемъ ясною прозою что Помпей, по выраженію Н. Н., сохранилась подъ пепломъ Везувія точно также, какъ сохраняюшь въ Россіи виноградъ подъ просомъ. Тысяча семь сотъ пшлдесять лѣшь этому пеплу, а зданіямъ Помпей сколько, про то знаютъ ея безмолвенные жители.

Надобно сказать вамъ, или напомнишь, что Везувій, (котораго напрасно громогласные пушс-

шественники называютъ разрушительнымъ исполномъ: эту клевету онъ обличаетъ спасеніемъ Помпеи) извергаетъ два рода веществъ: пепель и лаву. Лава преимущественно лилася на Геркуланумъ. Она, остывая, превращается въ темно-сѣрый, почти черный камень удивительной крѣпости. Ее надо видѣть около кратера Везувія или на Искіо, этомъ полухшемъ волканѣ: здѣсь-то передъ вами окаменѣлыя громады тѣхъ полнъ, кошорыя лились нѣкогда огненнымъ потокомъ. Частію сія-то лава, хотя уже немного остывшая, частію пепель съ водою (*), облекли стѣны Геркуланума, въ которомъ до сихъ поръ открыты для любителей только одинъ театр и часть улицы. На Геркуланумѣ построены Королевской дворець Портичи, который при красотѣ своей Архитектуры, вѣрно не стоить сокровищъ, служащихъ ему основаніемъ. Геркуланумъ былъ городъ Греческій и своимъ богатствомъ и вкусомъ превосходилъ Помпею: что же въ немъ откроется нѣкогда нашимъ потомкамъ (**)?

(*) Извѣстно, что Везувій извергаетъ и воду: по раковинамъ, въ ней находимымъ, и кошору что во время изверженій бываетъ опливъ въ морѣ, заключаемъ, что онъ вытискиваетъ сію воду изъ своего влажнаго сосѣда.

(**) Открытіе Геркуланума стоило бы чрезвычайныхъ пожертвованій со стороны Правительства. Не только Королевской дворець, но и большія предмѣстія: Портичи и Резина, на немъ построены. Лучшія произведенія скульптуры открыты въ Геркуланумѣ: въ немъ копались много, открыли было нѣсколько улицъ

Читавшіе Плинія младшаго могутъ вспомнить, что Везувій, при опаснѣйшихъ изверженіяхъ, выпускаешъ изъ своего огромнаго жерла облако то бѣлаго, то чернаго дыма, подобное зюмпообразной соснѣ. Эпошъ эпитешъ не сочтите произвольнымъ, друзья мои: вы, какъ жилили съ вера, привыкли къ нашимъ продолговатымъ соснамъ и не знаете формъ Итальянскихъ, которыя собираютъ всѣ свои вѣтви къ вершинѣ, облакая огромный стаянъ свой. Изъ сего-то облака сыплешся пепель по вѣпру: такъ засыпана была Помпея, такъ и теперь еще хранилеш большая часть оной, ближайшая къ Везувію. На ней расшутъ виноградные сады и тополи, какъ прежде росли на шой, которая теперь воскресла передъ нами и по которой прошу васъ прогулишся со мною.

Еще подѣзжая къ ней, вы видите огромный валъ; эпош кучи пепла, съ нея сняшаго. Вошъ мы у *Диомеловой* виллы и намъ бросаешся въ глаза довольно большой дворъ, окруженный колоннами или садъ съ поршикомъ вокругъ; посреди былъ резервуаръ для воды, гдѣ содержалась рыба. Но войдемъ же въ заставу Неаполишанскаго прави-

---

и форумъ; но такъ какъ ошъ служишъ основаніемъ живому городу, шо вывувъ сокровища древнія, ошаш зарыли отшрышое. Теперь составленъ прозкъшъ, по которому хоташъ подкопашься подъ самый дворецъ до шѣхъ поръ, какъ позволишъ настоящая лава, ибо прошивъ ея адаманшовой швердосши можешъ дѣйствовать одинъ порохъ.

пельства, охраненную множествомъ часовыхъ и чичерони, копорые не позволяють любопытному другу развалить забыться до ночи въ оградѣ древней и разочаровываешь его строгосью дисциплины новѣйшей. Входимъ на право въ домъ виллы; нѣсколько ступеней, огражденныхъ двумя небольшими колоннами, вводяшь насъ въ апсидумъ (ш. е. дворъ, а по нашимъ понятіямъ, лучше зала безъ средняго пополка), четвероугольной, съ поломъ мозаиковымъ. Среди его еще четвероугольникъ (impluvium), огражденный красивыми колоннами, сохранившими ярко свою красную краску; сюда стекала дождевая вода съ навѣсовъ портика; по бокамъ два колодца, въ отвѣрстіи коихъ видны углубленія, сдѣланныя на мраморѣ для веревки. На право въ стѣнѣ ниша для Пенаца; здѣсь нашли статуя Минервы. На лѣво съ боку входъ въ баню, со всѣми ея принадлежностями, о копорыхъ скажемъ ниже; попомъ вокругъ портика столовая или триклиній, комнаты хозяйки, спальня съ тремя окнами въ садъ, гдѣ видно мѣсто постели и туалеты, комнаты для пріѣзжихъ, пріемная (exedra), еще столовая, кабинетъ и террасы или галлерей съ бесѣдками виноградными, изъ коихъ видъ на садъ, на Везувій и на море (*): здѣсь мы разъ обѣдали въ гостяхъ у Діомеда, на что надо

(*) Теперь вида на море нѣтъ, какъ увидимъ ниже.

имѣть особенное позволеніе отъ высшаго правительстѣва. Всѣ комнаты, мною высчитанныя, получили свои наименованія по предметамъ, въ оныхъ найденнымъ, и по остроумнымъ догадкамъ опытныхъ антикваріевъ. Въ нижнемъ этажѣ множество другихъ комнатъ для семейства и слугъ, изъ чего можно заключить, что владѣлецъ былъ важною особою въ городѣ и имѣлъ большое семейство. На дворѣ подъ вѣтвѣмъ большимъ поршикомъ, окружающимъ сей дворъ или садъ, находятся своды или четвероугольный сурте-портіке (подземный; сокровенный поршикъ), служившій вмѣсто погреба для храненія винъ, масла и проч. и для прогулки во время жаровъ лѣтнихъ. Здѣсь показывающіяся у стѣнъ своды продолговатыя глиняныя амфоры или сосуды, въ которыхъ нѣкогда хранилось вино. У входа же найдено было 18 скелетовъ; между ними скелетъ одной женщины, съ которой сняли множество золотыхъ женскихъ украшеній. До сихъ поръ на стѣнѣ видны отпечатки ея шѣлы и многихъ головъ дѣтскихъ, происшедшіе отъ засыренія. Думаютъ, что это была жена хозяина, искавшая съ дѣтми спасенія въ погребѣ. У двери, ведшей изъ двора къ морю, которое прежде обливало стѣны самой Помпей, а теперь только издали изъ нея видно, нашли два скелета съ ключами. Думаютъ, что это былъ хозяинъ Диомедъ, съ своимъ слугою хотѣвшій спастись бѣгствомъ отъ всеобщаго разрушенія. Диомедомъ названъ егѳ

потому, что противъ виллы возвышаются гробницы съ надписями, по которымъ видно, что здѣсь сохранялся пепель дѣшай Діомеда, владѣтеля виллы Аугустъ Феликсъ (*). По этому вы можете видѣть, что все имена зданій въ Помпей совершенно произвольны. Найдете много и новыхъ владѣльцевъ (**).

Выходимъ изъ виллы и по древней мостовой отправимся *улицею гробовъ* къ заставѣ города. Вамъ извѣстенъ прекрасный обычай древнихъ — гробницами уставлять земные пути живыхъ. Такъ, около Рима, древнія дороги узнаются по множеству огромныхъ каменныхъ массъ, обросшихъ травою и кустами. Такъ въ Неаполь, на мѣстѣ прежней дороги, надъ гробомъ Павлицина, посѣщается гробъ Виргилія: такъ, не доѣзжая до *cola di Gasta*, сего великолѣпнаго цвѣшущаго мыса, покоющагося въ сладострастныхъ объятіяхъ моря, гдѣ была вилла Цицерона, видимъ мнимую его гробницу. — И такъ, вопъ городъ и дома мертвыхъ: они все мраморные, изящной формы, четверугольные, на pedestалахъ, съ красивыми надписями; на иныхъ барельефы изображаютъ божества или знаки отличія гражданскаго, какъ то *bisellium* или *sella curulis*. На одномъ, я

(*) M. Arrius f. L. Diomedes sibi. suis, memoriae Magister
Pag. Aug. Felic. suburb.

(**) Такъ на пр. дома Ц. Юсифа II, Франциска II,
Короля Прусскаго и проч.

помню, изображено съ одной стороны совершѣніе обряда погребальнаго, а съ другой корабль, плывущій по морю и мапрсы по веревкамъ; по догадкамъ Антикваріевъ, это гробъ какого нибудь почтеннаго гражданина, известнаго обширною торговлею. Особенно красива *гробница Неволет Тихи*. Онъ большею частію окруженъ оградами, въ которыя можно входить по ступенямъ. Вступая въ внутренность нѣкоторыхъ гробницъ и видя въ стѣнахъ ниши, гдѣ стояли урны съ пепломъ почившихъ. Вѣроятно, всякое значительное семейство имѣло свою ограду и домъ вѣчный. Есть и простые памятники, коихъ форма похожа на круглый плоской абрисъ головы на продолговатой шеѣ, воткнутой въ землю: такъ болѣе всего надъ пепломъ малолѣтнихъ. Между этихъ гробницъ находится *погребальный триклиній*, гдѣ совершали призыву по умершихъ. Посреди ограды, исписанной павлинами, лебедями и оленями, еще видны слѣды пѣдестала, подъ коимъ по признакамъ возвышалась бесѣдка виноградная.

На другой сторонѣ улицы видны еще не вполне открытыя развалины *гостинницы* гдѣ находились лавки, въ коихъ много открылось драгоценнаго. Здѣсь вѣроятно останавливались путешественники, судя по тому что въ ковюшнѣ найдены скелеть осла, осташки тележки и желѣзные круги колесъ. Въ этой же улицѣ показываютъ пустое мѣсто, окруженное оградой, называя его

виллю Цицерона безъ всякой причины. Цицеронъ, эпонъ охотникъ до вилль, (за то ужь ему и приписываютъ около 20), говоритъ, что имѣлъ въ Помпей виллу. На этомъ основавшись, назвали ее Цицероновою. Въ ней замѣчательны только мѣста для бань, и пеперь по пустырю цвѣтеть одна хлопчатая бумага. Между гробницами еще красошою искусства замѣчательна одна, воздвигнутая Мамміи, общественной жрицѣ по опредѣленію Декуріоновъ: передъ гробницею находится большой полукругъ, могущій служить сѣдалищемъ, и около его надпись. Почти напротивъ сей гробницы есть довольно большое зданіе въ родѣ ниши, архитектуры неопличной: въ его углубленіи можно сидѣть. Думаютъ, что это было мѣсто отдохновенія, ибо улица гробовъ служила народнымъ гульбищемъ.

Описаніе никогда не имѣетъ силы изобразить предметъ такъ, какъ онъ есть, а тѣмъ болѣе древній, совершенно чуждый понятіямъ нашимъ. Примѣсь новизны всегда преняшствуешь върности представленія умственнаго. Но для большей точности, считаю за нужное предупредить васъ: не представляйте ничего въ большомъ колоссальномъ видѣ, а сколь можно менѣе. Мы гуляемъ не по первому изъ городовъ Лапинскихъ: Помпей принадлежала къ числу второстепенныхъ. Это былъ не обширный, не величавый городъ, а городокъ красивый, торговый, по остаткамъ кое-

го видно, какъ далеко распространились изящныя искусства у Римлянъ изъ ихъ колоссальнаго средоточія, — и какъ облагородили онѣ всюду наружныя формы жизни частной и общественной.

И шакъ, все вдоль улицы гробовъ, по московой, устланной огромными камнями, на которыхъ видны колесы (*) ошъ древнихъ колесъ, или по широкимъ шропуарамъ, мы входимъ на ошлогую гору. . . . Передъ нами застава и ворота Помпей. Съ обѣихъ сторонъ простирающяся стѣны, построеныя изъ дикаго камня. Тройныя ворота и толщина стѣнъ показываютъ, что городъ былъ укрѣпленъ прочно: Исторія говоритъ, что онъ выдержалъ осаду Силлы.

Тѣсная улица съ шропуарами, не столько уже широкими, начинается множествомъ лавокъ съ мраморными прилавками, въ которыхъ видны ошверстїя, гдѣ хранились вещества для продажи. У многихъ замѣтны очаги, и на мраморѣ высохшіе слѣды чашекъ! — Эшѣ лавки были родъ маленькихъ трактировъ или кофейныхъ домовъ, которые и у насъ обыкновенно являющяся при въѣздѣ въ городъ. Только представляйте себѣ все это въ видѣ самомъ миніашюрномъ, какъ и все послѣдующее до зданій общественныхъ. На однихъ дверяхъ лавки виденъ непристойный знакъ Прїапа,

---

*) По нимъ узнается широта экипажей древнихъ.

охранявшаго отъ воровъ и несчастій. Въспь далье, какъ говорившь, шаможня; противъ нея сходы къ морю.

Взойдемъ въ шакъ называемый *домъ Саллюстїя*, не знаменишаго писателя, а какого - то, вѣрояшно, просвѣщеннаго гражданина Помпея. Имя Саллюстїя на стѣнѣ дома, написанное красными буквами, и едва замѣнное, послужило поводомъ къ названію. Говорившь, что у древнихъ былъ обычай писати на стѣнахъ домовъ имена ихъ владѣльцевъ. Часто находяща на нихъ, а особливо около форума, большія красныя надписи, служившія вмѣсто афишей о зрѣлищахъ публичныхъ. Сначала зайдемъ въ пекарню, прилежащую къ дому: здѣсь находимъ ручныя толчеи для муки и печку для печенія хлѣбовъ, очень похожую на печи русскія. Возлѣ пекарни лавка. Потомъ, опять прямо съ улицы, входимъ въ довольно просторный (*) дворъ или залу (*atrium*), съ поломъ мозанковымъ, въ среднѣ коего опять видимъ *impluvium*, для спеченія воды и мѣсто фонтана. На право и лѣво маленькія комнатки для гостей и споловал зимня (**). Идемъ прямо

(*) Просторной, большой — слова ошносительныя: у насъ былъ бы тысяй, узкой.

(**) Лѣтомъ, обыкновенно, древніе обѣдали въ галлеяхъ, подъ навѣсомъ винограднымъ.

через tablinum или через коридоръ , и входимъ подь узкой портикъ , перестѣкающей весь домъ ; шущь мраморная ванна и каналъ для воды. По шремъ ступенькамъ взойдемъ на галерею , кошорая по признакамъ ограждена была рѣшеткою и завѣшана виноградными вѣшьями. На стѣнѣ видна живопись , изображающая клѣшчашую рѣшетку , переплетенную виноградомъ , вѣроятно , въ симметрию настоящей , и голубое небо. На лѣво у стѣни мраморный низкой четверугольный приклиній , формы нашихъ широкихъ дивановъ , посреди котораго столбикъ , на коемъ утверждался споль. Вышедъ изъ ванны , находящейся у галереи , потчасъ же можно было *ложиться* за споль. Широка приклинія , противъ коего находился фонтанъ , а возлѣ на право крошечный садикъ для благовонныхъ травъ , позволяла многимъ возлежать на немъ , головами къ столу , а ногами упершись въ стѣну. Въ сей-шо галереѣ , откуда недалеко и кухня , хозяинъ пировалъ съ друзьями. Во всемъ видны роскошь и вкусъ. Опять сойдемъ въ априумъ , и на лѣво въ частные покои хозяина : видимъ портикъ , imbricium и фонтанъ ; на стѣнѣ картина , изображающая Диану и Алкмеона , не важная по живописи , но чудно сохраненная ; по бокамъ расписанныя комнашы , и одна изъ нихъ довольно велика. Всѣ безъ оконъ , свѣтъ получаютъ изъ середняго априума. Замѣчательнъ прекрасный мраморный полъ изъ кусковъ разно-

дѣлннхъ. Видны лѣшницы, показывающія, что былъ еще верхній этажъ, теперь уже не существующій. Я не буду васъ вводить ни въ домъ *Весталокъ*, ни въ дома *Хирурга*, *Пансы*, *Поэта*, *Адмирала*, *Грацій*, *Вакханокъ* (*). Расположеніе въ нихъ все тоже, съ немногими мѣстными перемѣнами. Все тожь же широкой дворъ или atrium съ портикомъ, окружающимъ покатымъ къ центру impluvium (дождемъ) съ фонтаномъ посрединѣ; кругомъ маленькія тѣсныя комнашки или лучше скажешь, раскрашенные чуланчики, въ которыхъ едва можно поворошиться, большую часть безъ оконъ, получающіе свѣтъ изъ atrium. Одна комната побольше, ш. е. зимняя столовая; мраморная ванна для купанья. Входъ прямо съ улицы, изъ кошорой видно все, что въ домъ дѣлается; въ иныхъ комнатахъ есть окошечки на улицу; при входѣ выбито на полу: salve или что нибудь другое. Сзади галлерей съ лѣтнею столовою, или родъ сада, ш. е. нашего полисадника. Всѣ дома очень низки и тѣсны. Иныя имѣютъ нѣсколько atriumовъ, и по моему мнѣнію эти atriumы можно принять за этажи, такъ что вмѣсто этажей въ вышину, какъ у насъ, можно было ихъ дѣлать на этажи горизонтально. По лѣшницамъ, примѣтно, что были антресоли, но

(*) Названія произвольныя, условныя, по предметамъ въ домахъ найденнымъ.

это вѣрно какія нибудь клѣшочки. Даже скорѣе можно предположить, что эти мѣстности вели на кровли, вѣроятно плоскія, на подобіе Неаполишанскихъ, замѣняшія террасы. Правда, что въ Диомедовой Виллѣ очень видны два эшажа, но тамъ это обуславливается мѣстоположеніемъ. Впрочемъ я говорю предположительно и предложу доказательствъ въ послѣдствіи. Лучшій изъ всѣхъ домовъ, доселѣ ошрытыхъ, есть такъ названный по двумъ картинамъ домъ Кастора и Полкукса, о которомъ скажемъ ниже. Но всѣ сіи дома болѣе или мѣнѣе чѣмъ нибудь замѣчательны, или красотой расположенія, какъ домъ Позша, или разнообразіемъ и богатствомъ мозаиковъ, какъ домъ Шампіонеша.

Однако не будемъ забѣгать впередъ и пойдемъ пише. Поворошивъ не много лѣво, мимо *публичнаго фонтана*, идемъ прямо по улицѣ и опять на лѣво. По тишинѣ ея очень видно, что жители Помпеи болѣе ходили пѣшкомъ, нежели ѣздили. Наша карета только бы умѣстилась на ней, а поворочиться невозможно. Да и все устроено для пѣшихъ. На перекресткахъ возвышаются надъ мостовою два овальныхъ камня для того, чтобы можно было пѣшеходу, въ случаѣ грязи, перейти по нимъ на другую сторону. И эти камни пошому продолговатой формы и такъ узки, что тележка съ осторожностью можетъ проѣхать надъ ними, не заѣздивши о нихъ колесами. Бошь

идемъ мимо дома *Поэта*, изъ коего взяты мозаикъ для дворца Королевскаго, изображающій собаку на цѣпи съ надписью: *save canem*, и мимо дома *Пансы*, замѣчательнаго прекраснымъ поршикомъ и большимъ (*) садомъ, по коему заключающъ, что онъ служилъ для собраній общественныхъ. . . приходимъ къ *публичнымъ банямъ*. Минуемъ прощонародныя и войдемъ въ лучшя. Онѣ удивительно сохранились. Коридоромъ входимъ въ большую залу или *spoliatorium*, гдѣ раздѣвались и сидѣли, дожидаясь мѣста. Прямо двѣ двери: одна ведетъ въ садъ съ поршикомъ, какъ и всѣ сады Помпейскіе, по кошорому можно было прогуливаться послѣ купанья; другая въ *frigidarium* или холодную баню. Это большая ропонда, не высокая; потолокъ украшенъ барельефами; въ стѣнахъ полукруглыя ниши, гдѣ вѣроятно были спашуи. Почти въ величину самой ропонды большая, глубокая, круглая, бѣломраморная ванна, куда сходяшь по ступенямъ. Въ нее втекала вода изъ бронзоваго языка, вѣланнаго въ стѣну, а въ ней самой видно отверстіе, откуда она вытекала. Эта ванна такъ хороша, что невольно возбуждаешъ охоту къ купанью и къ роскоши Римской.

Изъ передней залы направо *Terpidarium* или *sudatorium*. Въ стѣнахъ маленькія ниши для вазъ.

(*) Все отпосредственно къ Помпеѣ: онъ съ полдесятины; это самой большой.

Посреди стоитъ большой бронзовой костеръ (brazier), которой наполнялся горячими углями и растворялъ воздухъ благошворною теплотою. По бокамъ бронзовыя лавки. Здѣсь-то роскошные Римляне, вышедъ изъ бани, напирались благовонными маслами, содержанными въ вазахъ. Потолокъ украшенъ легкою рѣзьбою, и все дышетъ вкусомъ, во всемъ упоищенность роскоши. Отсюда входите въ calidarium или теплую баню. Направо большая четвероугольная ванна въ ширину всей залы, куда втекала теплая вода. На лѣво, въ другомъ концѣ комнаты, большой мраморный бассейнъ, красивой формы, въ который падала холодная вода, бившая фонтаномъ. Вышедъ изъ теплой бани, можно было умыть лицо въ этомъ бассейнѣ холодною водою. По краямъ надпись, означающая имя владѣльца и цѣну бассейна. Въ вѣнцахъ мѣстахъ этой залы на полу и въ стѣнахъ свѣтлыя отверстія, чрезъ которыя можно видѣть, что между цикашуркою и являющею спѣною, между поломъ и почвою земли, былъ промежутокъ, который наполнялся паромъ теплоты, и такимъ образомъ нагрѣвалась вся комната. — Тѣ же самыя принадлежности находятся въ худшихъ баняхъ для черни, и въ частныхъ баняхъ виллы Диомедовой; только въ послѣднихъ въ самомъ меньшемъ видѣ. Это зданіе дастъ намъ вообще понятіе о народныхъ зданіяхъ Римскихъ. Объ этомъ скажемъ послѣ, а теперь далѣе въ путь. Вотъ мы вышли на

большую улицу форума, на Тверскую Помпей; возьмемъ на лѣво, а потомъ выдемъ на форумъ. Она особенно замѣчательна предъ прочими широкою, красивыми домами, изъ коихъ лучшей, какъ сказали мы, есть *домъ Кастора и Поллукса*, открытый въ присушествіи самого Короля Неаполитанскаго и его министра. Онъ всѣхъ лучше сохранился (*) и отличаетъ обширностью, вкусомъ украшеній, богатствомъ живописи. Въ немъ два большихъ двора или атриума съ прекрасными поршиками изъ колоннъ весьма красивыхъ; посреди глубокіе резервуары и фонтаны. Всѣ комнаты расписаны, на многихъ картины, отличающіяся прелестью рисунка. Колоритъ дуренъ, но удивляешься, какъ могли устоять сіи краски противъ времени. Цвѣты такъ свѣжи, какъ будто вчера были кончены. Особенно замѣчательны двѣ картинки, представляющія сцены изъ трагедій. Здѣсь можно имѣть понятіе о маскахъ и древнемъ костюмѣ. Въ Королевскомъ музеѣ хранятся лучшія картины, найденныя въ Геркуланумѣ и Помпѣѣ. Вообще всѣ онѣ подтверждаютъ мнѣніе Нѣмцевъ о живописи древнихъ, что они болѣе были ваятели, нежели живописцы въ самомъ дѣлѣ; рисунокъ всегда правиленъ и изященъ, формы исполнены граціи, этой

(*) Вѣроятно по тому, что въ присуствіи Короля вырывали его гораздо осторожнѣе.

милой, сладострастной круглошю ваянія, по шай-на колорита осталась ими неразгаданною. Особенно прелестны летучія положенія, которыя преимущественно выбирались живописцами.

Комнаты въ домахъ большею частію росписаны черною или красною или голубою краскою, а по нимъ разныя мѣлкія украшенія, какъ-то: птицы и другія живошныя, плоды, маленькіе ландшафты; не рѣдко по большимъ стѣнамъ изображены храмы или входы въ публичныя зданія, изъ коихъ видны фигуры женскія. Нѣтъ ни одного дома безъ живописи, и пестрота въ краскахъ чрезвычайная. Особенно щеголеваты стѣны арабески, которыя Рафаель росписалъ свои прославленные логи, подражая въ нихъ украшеніямъ банъ Нероновыхъ въ Римѣ. Сюжеты картинъ болѣе мифологическіе; иногда взоръ вашъ оскорбляется и нескромностью. Въ кухняхъ особенно изображаются двѣ змѣи, какъ нѣкой знакъ охранительный: мысль понятна, если вспомнимъ, что змѣя была посвящена Эскулапу. Въ одной кухнѣ возлѣ такихъ змѣй изображено жертвоприношеніе богу Комусу. Въ этой же главной улицѣ, ш. е. улицѣ форума, замѣчательны два фоншана въ двухъ домахъ, построенные въ родѣ большихъ нишей. Ихъ мѣлкія мозаиковыя украшенія изъ раковинъ и разноцвѣтныхъ камней сохранились въ невѣроятной цѣлости. Въ этой же улицѣ есть красильня, въ которой

можно видѣть способъ крашенія у древнихъ. Большая часть сей улицы еще не опрыска. Она по видимому таинствъ большія сокровища. Въ присущствіи нашемъ опрыски были при картинки прекрасныя: прелесть формъ удивительна. Видно, что она была общимъ достояніемъ всѣхъ художниковъ: до того искусства образовательныя быды усовершенствованы, что всякой маляръ рисовалъ граціозно и правильно, какъ у насъ теперь всѣ пишутъ гладкими стихами (*). По инымъ картинамъ, какъ на пр. по ландшафтамъ, окружающимъ помнянныя фоншаны, можно заключить, что древніе вовсе не имѣли понятія о перспективѣ; по другимъ же, а именно въ домѣ Кастора и Поллукса, который опрыскъ очень не давно и ни однимъ еще аншикваріемъ не описанъ, видно что перспектива была имъ известна: рѣшетка сада съ выдавшимися фоншанами, представлена на стѣнѣ довольно хорошо.

Эту улицу все продолжаютъ рыть. Я присутствовалъ при этомъ и замѣтилъ, что работники очень неосторожно копаютъ древность; по настоящему надо бы опрыскавъ Помпею руками, щупать сокровища въ землѣ, а не по многихъ драгоценностей невозвратно лишиться насъ желѣз-

---

(*) Произведенія, найденныя въ Геркуланумѣ, еще несравненно выше Помпейскихъ.

ный заступъ Неаполитанскаго невѣжды Лаззарони (*). Кспаша объ Лаззарони: на нѣкоторыхъ домахъ этой улицы есть выѣски, представляющія работниковъ, что-то несущихъ. Костюмъ ихъ очень похожъ на костюмъ нынѣшнихъ Лаззарони. Странное и не случайное сходство!

(*Окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ*).

(*) Хорошо бы было именно руки отрыть цѣлой домъ, — хоть это и Египетская работа, — для того чтобъ видѣшь, какъ всѣ ушвары домашнія были расположены. И это хорошо бы сдѣлать теперь, ибо открываея улица, ведущая прямо къ Везувію, изъ коей вѣроятно не успѣли вынести многого ушрашенныхъ жишелки.

Отрывки изъ частныхъ писемъ (*).

О Шеллингѣ.

Минхенъ $\frac{7}{19}$ Октября, 1829.

Я сей часъ возвратился опъ — Шеллинга. Ходилъ просить позволенія слушать его лекціи, и проговорилъ съ нимъ около часа. — Но что тебѣ сказать о Шеллингѣ? Не можешь вообразить, какое странное чувство испытываешь, когда увидишь наконецъ эту сѣдую голову, которая можетъ быть первая въ своемъ вѣкѣ; когда сидишь съ глазу на глазъ съ Шеллингомъ? — Такъ какъ завтра уже начинается курсъ, слѣдовательно откладывать моихъ визитовъ Профессорамъ было долге нельзя, — то я и отправился сего дня прямо къ Шеллингу. Меня встрѣшила дѣвушка лѣтъ девятнадцати, недурная собой, съ маленькой сестрою лѣтъ девяти, и когда я спросилъ, здѣсь ли живетъ der Herr geheime Herrath v. Schelling, сказала маленькой: sieh doch nach ob der Pforte zu Hause ist? А сама между тѣмъ начала говорить со мною по французски о погодѣ. На-

(*) Подъ симъ заглавіемъ Издашель, желая подѣлиться свѣжими заграничными извѣстіями о разныхъ любопытныхъ предметахъ съ своими читателями, будешь помѣщать отрывки изъ писемъ къ нему и его знакомымъ опъ нашихъ путешественниковъ по Италіи, Франціи и Германіи. Письма разумѣется не назначались авторами къ печати и пошому вся ответственность за выборъ, дорожной слогъ и иронъ беретъ на себя. М. П.

конецъ маленькая дочка возвратилась, и сказала, что Шеллингъ проситъ меня взойдти на минушу въ приемную комнату, а самъ сейчасъ выйдетъ. Гостинная — маленькая комната шаговъ въ одинадцать вдоль и поперегъ и не только имѣющая видъ простоты, но даже бѣдности; вся мебель состоятъ въ маленькомъ диванчикѣ и трехъ стульяхъ, а на голыхъ стѣнахъ, нѣсколько законченныхъ, виситъ одинъ маленький эстампъ, представляющій очерки какой-то фигуры, едва видной въ лучахъ свѣта, и вокругъ нее молящійся народъ. Но я не успѣлъ рассмотреть этого эстампа хорошенько. Минуть пять я ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, наконецъ отворилась дверь — и вошелъ Шеллингъ, — но совсѣмъ не такой, какимъ я себя воображалъ его; я часто слыхалъ отъ видѣвшихъ его, что ни какъ нельзя сказать по его наружности: это Шеллингъ! и думалъ найдти спарика дряхлаго, больного и угрюмаго, — человека, раздавленнаго подъ тяжелой ношею мысли, какого видалъ на поршрешахъ Канпа; но я увидѣлъ человека, по наружности лѣтъ сорока, средняго роста, сѣдаго, нѣсколько блѣднаго, но Геркулеса по крѣпости сложенія, съ лицомъ спокойнымъ и яснымъ. Глаза его свѣтло-голубые, лице кругловатое, лобъ крупный, носъ нѣсколько вздернутый къверху сокращенчески, верхняя губа довольно длинная, и нѣсколько выдававшаяся впередъ, но несмотря на

по, черты лица довольно стройныя, и лице, хотя округлое, но сухое; вообще онъ кажется весь составленъ изъ однихъ жилъ и костей. Опредѣлите выраженіе его лица всего труднѣе: въ немъ ничего опредѣленнаго не выражается, и вмѣстѣ съ тѣмъ лице ко всѣмъ выраженіямъ способное; М. говорившій, что выраженіе лица на портретѣ Жана Поля слишкомъ индивидуально, назвалъ бы выраженіе Шеллингова абсолютнымъ. Только въ нижней части лица видна какая-то энергія, и легкой опшѣнокъ задумчивости въ глазахъ, когда онъ перестаетъ говорить. Но когда онъ, опустивъ на минуточку глаза въ землю, вдругъ взглянетъ, какая-то молнія блеснетъ въ его глазахъ, обыкновенно совершенно спокойныхъ. — Вошь все что можно сказать о наружности Шеллинга, но если будетъ случай замѣтить хорошенько его профиль, постараюсь вырѣзать его силуэтъ, и тогда пришлю. — Онъ встрѣтилъ меня извиненіемъ, что заспавилъ дожидаться, и просилъ войдши въ другую комнату, которая, какъ кажется, его кабинетъ. Здѣсь, говоря съ Шеллингомъ, я ничего не могъ замѣтить, кромѣ кучи бумагъ на большомъ столѣ, и нѣсколькихъ рядовъ книгъ на доскахъ, прибывшихъ къ стѣнѣ. — Когда я сказалъ, что желаю слушать его лекціи, онъ отвѣчалъ, что очень радъ, если хотя чѣмъ нибудь можетъ мнѣ быть полезенъ, и просилъ адресоваться къ нему во всемъ, что онъ можетъ

сдѣлашь. Онъ посадилъ меня на диванъ, а самъ сѣлъ предо мною на стулъ, и съ вопроса долго я намѣренъ остаться здѣсь, началъ говорить о здѣшнихъ способахъ, собраніяхъ по части искусствъ и библіюшекахъ; потомъ спросивши въ какомъ состояніи осталась библіютека Московскаго Университета послѣ пожара; началъ разпрашивать о Москвѣ, Лодерѣ, съ которымъ былъ знакомъ; на какомъ языкѣ нѣмецкіе Профессоры читають у насъ лекціи, многоли занимаются Латинскимъ языкомъ въ Университетѣ; „Ну хорошо, сказалъ онъ между прочимъ, „въ Медицинскомъ отдѣленіи искони уже введенъ Латинскій языкъ; жъ необходимъ; но еслибы на примѣръ читать въ Москвѣ Философію на Латинскомъ языкѣ, думаете ли вы, что нашлись бы слушатели?“ Я отвѣчалъ, что большая часть слушателей, способныхъ понимать лекціи философическія, были бы способны понимать ихъ и на Латинскомъ языкѣ, но что впрочемъ Нѣмецкимъ языкомъ занимаются въ Россіи еще гораздо больше. — Отъ Университета онъ перешелъ къ образу жизни Москвичей, говорилъ что воображаетъ въ Москвѣ большое разнообразіе во всѣхъ отношеніяхъ, смѣшеніе Азіятской роскоши и обычаевъ съ Европейскимъ образованіемъ; разпрашивая о состояніи нашей Литературы, говорилъ, что онъ слышалъ, что она дѣлаетъ быстрые шаги; что у насъ драматическое искусство процвѣтаетъ, особенно что есть оп-

личные комки, — но въ послѣднемъ по несчастію я не могъ подшвердить его мнѣніе. — Потомъ онъ перешелъ къ настоящей войнѣ. — Россіи, сказалъ онъ, суждено великое назначеніе, и никогда еще она не выказывала своего могущества въ такой полнотѣ, какъ теперь; теперь въ первый разъ вся Европа, по крайней мѣрѣ всѣ благомыслящіе, смотритъ на нее съ участіемъ и желаніемъ успѣха; жалюшь только, что въ настоящемъ положеніи, ея требованія, можетъ быть, слишкомъ умѣренны. — Онъ говорилъ о трудности Русскаго языка для иностранцевъ, и какъ важно между тѣмъ было бы его изученіе; хвалилъ его звучность, говорилъ, что очень много слышалъ о нашемъ Жуковскомъ, и что по всѣмъ слухамъ это долженъ быть человекъ ослительный. Очень хвалилъ Тютчева: *das ist ein sehr aufgezeichneter Mensch*, сказалъ онъ между прочимъ, *ein sehr unterrichteter Mensch, mit dem man sich immer gern unterhält*. — И когда наконецъ я всталъ, что бы идти, онъ спросилъ мое имя, и сказалъ, что ему очень приятно было бы, еслибы я иногда навѣщалъ его по вечерамъ; и это приглашеніе повторилъ два раза.

Вотъ тебѣ покуда все, что могъ запомнить изъ словъ Шеллинга. Голосъ его довольно тихій и густой; онъ говоритъ не медленно и не скоро, и нѣсколько оспривисто. Разговоръ его такъ простъ, живъ и неразмѣренъ, что невольно забы-

ваешь, что говоришь съ эшимъ огромнымъ Шеллингомъ; вообще онъ очень умѣешь сдѣлать положеніе своего соразговаривающаго ловкимъ.

Петръ Киреевской.

О нынѣшней славѣ Россіи въ чужихъ краяхъ.

Читатели замѣтили уже великое слово Шеллинга о Россіи. Вотъ что писалъ одинъ Русскій изъ *Дрездена* въ Ноябрь мѣсяцъ 1829: „Знаменитый Беншамъ помѣстилъ статью въ журналъ *Scotsman*, гдѣ сказано между прочимъ: „На старости лѣтъ я надѣялся видѣть конецъ Турецкаго тиранства и Турецкой монархіи: лучшая часть Европы и нѣсколько милліоновъ людей были бы возвращены независимости и просвѣщенію! Искренно жалю, что завистливая полицика моей націи помѣшала (?) Русскимъ оказать это благодѣяніе міру.“

„Въ здѣшнихъ газетахъ пишутъ, будто бы послѣдняя Нижегородская ярмарка была такъ жива и прибыточна, какъ еще никогда не бывала; что Азіатцы купили у насъ бездну всякихъ издѣлій, особенно полотень и панчи. Здѣшняя Лейпцигская ярмарка была, напротивъ того, очень плоха, и именно отъ того, что на ней не было ни Русскихъ, ни Ар-

мянъ. — Пишутъ также, что въ Троицкую крѣ-
пость приходятъ караваны въ нѣсколько тысячъ
верблюдовъ; прѣзжіе рассказываютъ, что цѣна
хлѣба у насъ очень поднялась, а всѣ фабричныя
издѣлія подешевели, иныя въ половину, и доброшою
не уступають иностраннымъ.“

Вотъ отрывокъ изъ Рима, отъ 27 Ок-
тября о томъ же предметѣ: „состояніе Рос-
сіи теперь слава Богу: мы подѣ Византійей-
Богъ послалъ намъ Царя твердаго. Душа его
растворена ко благу. Минута его есть ми-
нута художника, совершавшаго подвигъ: такія
минуты бывають зародышемъ счастья народнаго,
благодѣтельной царскихъ. Пушкину надобно воспѣть
наши подвиги: османовитесь у востокъ Констан-
тинополя и вмѣсто меча и огня предложите ему
оливку и елей! Чудо, достойное Русскихъ! Какъ
любятъ насъ иностранцы! Англійскіе путеше-
ственники богаче и болѣе соряютъ деньгами, но
Русскіе несравненно болѣе уважаются. Не давно
ль одномъ кофейномъ домѣ одинъ Римлянинъ хо-
тѣлъ убить смуломъ другаго, который утвер-
ждалъ, что открытасъ намъ торговля по Черно-
му морю и въ Дарданеллахъ будетъ вредна Испа-
ліи. Здѣсь были слухи о взятіи Константинопо-
ля: какъ Испаліанцы радовались! Право, какъ
братья наши, а вѣдь они не смотрятъ на доказа-

пельства Джіампи не Славяне. Французы гордые
говоряшь объ насъ съ почтеніемъ. Англичане од-
ни, — да ихъ всѣ презираюшь. Это племя Кан-
ново въ народахъ годится на одні изобрѣшенія:
ибо для этого нужны стихіи дьявольскія.

Н р а в ы.

Рекомендація Министра (*).

Довольно рано поушру, шо есть въ 11-мъ
часу, и въ пріемный день докладываюшь Мини-
стру, что какой-то чиновникъ съ рекоменда-

Издатель получилъ сіи спашьи при слѣдую-
щемъ письмѣ: „Посылая, М. Г., въ объявленное
Вами отдѣленіе вашего Журнала *кравы* при
спашьи, я спрашиваю Васъ, можетели вы напе-
чаташь нѣкоторыя спашьи о злоупотребленіяхъ
преимущественно тѣхъ, кои можно дѣлать на
полицейскихъ мѣстахъ. Прося у васъ ошвѣта пе-
чатнаго имѣю честь и проч. Декабря 21. 1829.

Благодаря васъ за присланнныя спашьи увидо-
мляю касательнo прочихъ, что мы имѣемъ законную
цензуру, кошорая разумѣется непронусишь не
позволишеднато. Въ ободреніе вамъ указываю еще
напримѣры негодяевъ полицейскихъ, представленныя
въ Выжигидѣ, и принятыя благосклонно отъ высша-
го начальства. Отъ себя скажу вамъ шолько, что,
благодарный за общія замѣчанія, я не пошерплю
личношей, и не напечаашаю ни слова изъ тѣхъ
спашей вашихъ, гдѣ ихъ замѣчу. Вашъ покорный
слуга, Издатель.

ительнымъ письмомъ просить позволенія пред-
 ставившись Его Высокопревосходительству. Ми-
 нистръ былъ человекъ неласковый на пріемы. —
 „Чортъ бы его взялъ,“ закричалъ оцъ. „Что ему на-
 добно? впусти его.“ — Чиновникъ входитъ широкими шагами, униженно кланяется и объясняетъ, что
 Его Высокопревосходительство общался при слу-
 чаѣ замолвишь за него словечко. „Вошь тебѣ разъ,“
 заръвелъ Министръ! „Ты башюшка сумасшедшій: я
 съ роду тебя не видывалъ.“ — „Точно такъ Ваше Вы-
 сокопревосходительство, но вошь письмо той особы,
 кошорой вы изволили общашь — попросишь за ме-
 ня,“ и чиновникъ подалъ письмо съ низкимъ покло-
 номъ. Письмо было оцъ такого человека, кошорому
нельзя было отказашь. Министръ бѣсился, но дѣ-
 лашь нечего. — „Ну хорошо,“ сказалъ оцъ, „хоть я
 тебя не знаю и ты просишь важнаго мѣста, на кошо-
 рое много искашелей, но шакъ и бышь: *для его* Ся-
 шельства я напишу письмо къ *N. N.*, а онъ *для*
меня дастъ тебѣ мѣсто. Садись и пиши.“ Чинов-
 никъ сѣлъ за писменный сшоль, взялъ бумагу,
 перо, обмакнулъ его въ чернилицу и съ подо-
 босшрасшіемъ ожидалъ дикшовки. „Пиши,“ на-
 чалъ Министръ ходя большими шагами по ко-
 мнашь: „Милостивый Государь мой. . . Ну пиши
 какъ его зовуть?“ — „Я не знаю Ваше Высоко-
 превосходительство“ съ прешешомъ и едва слыш-
 нымъ голосомъ отвѣчалъ чиновникъ. . . . „Ну
 вошь башюшка, вѣдь ты глупъ! Незнаешь какъ

зовушь того, кого надобно просить за тебя! . . .
 „Кажется Иванъ Федоровичъ или Федотовичъ. . .“
 „Ну пустьъ будешь онъ Федотовичъ пиши: Милос-
 тивой Государь мой Иванъ Федотовичъ! На-
 писаль?“ . . . „Написаль Ваше Высочество“ — „Покажи. . . Ну батюшка, ты се
 всемъ дуракъ. За чѣмъ ты поставилъ знакъ во-
 склицанья? вѣдь онъ не Министръ и неравный
 мнѣ: приспало ли моему знаку восклицанія,
 стояшь передъ нимъ во фрунтъ? Точку, сударь,
 ему — точку. Пиши: податель сего письма извѣ-
 стень мнѣ. . . Ну да чортъ тебя знаешь, какъ
 ты мнѣ извѣстенъ!“ . . . „Письмо Его Сіятельства“
 промолвилъ чиновникъ. . . „Ну, ну пиши: извѣс-
 тень мнѣ за способнаго и знающаго чиновника,
 а потому прошу васъ, Милостивой Государь мой,
 доставить ему мѣсто, коего онъ желаетъ; а я
 за оное останусь вамъ благодарнымъ . . . бла-
 годарнымъ! . . . Чортъ васъ побери обоихъ. . .
 Есть за что мнѣ благодарить! . . . Ну пиши:
 съ моимъ почтеніемъ честь имѣю, и прочее,
 какъ обыкновенно. Написаль? Давай подпи-
 шу, да и провались отъ меня. . . . Ахъ
 ты болванъ,“ закричалъ Министръ видя себя отъ
 гнѣва, взявъ письмо и прочитавъ его. — „Ну какъ
 тебѣ быть правителемъ дѣлъ, когда ты подъ
 диктовку прехъ словъ написать не умѣешь! Ты
 написалъ: имѣю честь быть. . . Да развѣ я могу
 быть? . . . Ты можешь быть, онъ можетъ быть,
 (указавъ Министръ на человѣка прошедшаго ми-

мо дверей). А я могу пребыть; развѣ нечипываль рескрипшовъ? какъ шамъ пишешся? пребываемъ. Я вѣдь Министръ. Выскобли, сударь, выскобли, вошь шакъ“ ... Чиновникъ выскоблиль; Министръ подписаль. Рекомендація подѣйствовала, мѣсто было дано искателю, и онъ черезъ нѣсколько лѣтъ подлыми происками приобрѣлъ довольную значительность, и даже, несправедливую впрочемъ, славу умнаго челоука. Но Министръ всегда улыбался, когда слышаль последнее и говориль: „полноше; онъ дуракъ; онъ думаль, что я могу быть!“ N.

1871. 24. 1860.

Единодушіе.

Г. NN въ пріятельскомъ обществѣ хвалиль городъ, въ кошоромъ всегда жилъ, изъ кошораго пріѣхаль въ П. по дѣламъ; у насъ царствуетъ гостепримство, говориль онъ; живущъ весело, скучными дѣлами не занимающа, общество шакъ единодушно. Это правда, подхвашилъ одинъ изъ присутствующихъ: у васъ большое единодушіе, II если четверо играютъ въ вистъ, шо вѣрно ужъ шрое за одно.

N.

Современный вопросъ.

Г-ну N. N. понадобилось 2000 рублей и онъ обратился съ просьбою къ одному своему старинному знакомцу, занимающему весьма выгодное мѣсто. „У меня нѣтъ своихъ денегъ“ ошвѣчалъ онъ, „но прѣзжай завтра: я найду тебѣ.“ N. N. прѣехалъ; и старый знакомецъ встрѣчаетъ его словами: „деньги готовы. Одинъ изъ моихъ чиновниковъ ссудитъ тебя двумя тысячами. Гей! человекъ, попроси ко мнѣ Алексѣя Васильевича.“ — Черезъ пять минутъ явился чиновникъ. — „Ну вотъ и онъ,“ сказалъ его начальникъ. „Есть деньги любезный!“ „Есть Ваше Превосходительство.“ — „Моему пріятелю N. N. нужны двѣ тысячи рублей: я знаю ты не даешь безъ залога! но я за него порука. Разумѣется вексель законный и проценны Хрістіанскіе; но вотъ что, почтеннѣйшій,“ продолжалъ онъ, оборотясь къ N. N.: „тебѣ нужны ассигнаціи, а мои чиновники, люди ошличные, ведутъ себя чисто и у нихъ вѣрно нѣтъ ассигнацій. Алексѣй Васильевичъ, я надѣюсь, что у тебя деньги небумажками?“ „Помилуйте Ваше Превосходительство,“ ошвѣчалъ чиновникъ, „въ цѣломъ домѣ сибирской нѣтъ; все золотомъ и серебромъ.“ — „Возьми почтеннѣйшій золотомъ,“ продолжалъ Его Превосходительство. „Онъ дастъ тебѣ съ промѣномъ. Я зналъ напередъ, что нѣтъ ассигнацій. Я берегу

свою репутацію. Или будь чистъ, или вонь поди!" —

Теперь спрашивается, почему у чиновниковъ нынѣ встрѣчается чаще золото, чѣмъ ассигнаціи?

~~~~~

Т Е А Т Р Ъ

Тридцать лѣтъ или жизнь игрока, трилогія въ 3 суткахъ, соч. Виктора Дюканжа, перев. Ф. Ф. Якошкина и Дивертисманъ. На большомъ Театрѣ, Воскресенье 22 Декабря.

На сей разъ зрителей было довольно. Мелодраму сію любишь Московская Публика; ее же нѣкоторое время не играли! Мы съ удовольствіемъ увидѣли также нашу первую артистку Г-жу Львову Синецкую, въ роли Амалии: мы давно ее видѣли ее на сценѣ. Вообще пѣса шла хорошо. Пожаръ былъ выполненъ прекрасно. Г. Мочаловъ, отлично играющій ролью Адольфа Жермани, и въ эшо представленіе не уронилъ своей славы: Г-жа Синецкая также играла всю роль прекрасно. У перваго лучшаго мѣста были: когда онъ ревнуетъ жену, начало ссоры и начало 3-го дѣйствія. Намъ не понравилось соглашеніе на убійство Алберта. Г. Мочаловъ какъ то шянулъ слова на распѣвъ; пусть надобно было говорить ошрмвисто, шепотомъ, но за то пусть же вырвалось у него неподражаемо: *того ты отъ меня хочешь?* Г-жа Синец-

капъ отличнаго выполнила сцены: съ Варнеромъ, съ мужемъ, гдѣ онъ выманиваетъ у нее деньги, и въ 3-хъ сущкахъ встрѣчу съ сыномъ: Г. Ленскій, игравшій Алберша (сына), примѣтно былъ расстроганъ и сыгралъ весьма не дурно. Г. Третьяковъ довольно хорошо выполнилъ роль Дормана, дяди Амаліи. Не можемъ похвалить Г. Козловскаго; его странное произношеніе, неумѣстное какое-то молодечество, весьма непріятны на сценѣ. Еще замѣтимъ ему, впрочемъ это замѣчаніе относится и къ Г. Мочалову, что когда они сговариваются убить Алберша, то говорящъ слишкомъ громко: Алберша сядущій въ той же хижинѣ могъ ихъ услышать. Г. Волковъ и прочіе играли по обыкновенію. Скажемъ о Г-жѣ Божановской, что примѣтно было ея желаніе сыграть хорошо, ея участіе къ происходящему на сценѣ, но произносила она дурно: надобно ей поправить эшоша недоспашокъ.

Сначала публика принимала какъ то холодно и Г-жу. Синецкую и другихъ, но въ послѣдствіи прекрасная игра ея и Г-на Мочалова вызвали многія и сильныя рукоплесканія; ихъ вызвали обоихъ, но за чѣмъ и покакому праву выходилъ съ ними Г. Козловскій?

И,

1829 года Декабря 25 дня.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е.

Его Королевскому Высочеству Принцу Оранскому угодно было назначить 25.000 Голландских флориновъ въ награжденіе тому, или тѣмъ, кои представлятъ похищенные изъ дворца его драгоценныя вещи, въ томъ видѣ, какъ оныя означены и описаны въ обнародованныхъ правительстввахъ описяхъ и рисункахъ, равномерно и тѣмъ, кои доставяшъ свѣденія, могущія дать Правительству способъ къ опысканію и обратному полученію оныхъ вещей въ цѣлости. Награжденіе сіе будетъ удвоено, если въ томъ же время съ надлежащею достовѣрностію показанъ будетъ Правительству учинившій или учинившіе сію покражу.

Его Королевское Высочество равномерно соизволилъ опредѣлить значительныя награды тому, или тѣмъ, кои представяшъ часть или только одну какую либо изъ похищенныхъ вещей, или доставяшъ по предмету сему свѣдѣнія, по коимъ опыскана будетъ одна или нѣсколько изъ сихъ вещей.

Награды сіи будутъ соразмѣрны съ цѣною опысканныхъ или обратно полученныхъ вещей.

Двора Его Величества Короля Нидерландскаго Камергеръ и Чрезвычайный Посланникъ и полномочный Министръ при Его Величества Императорѣ Всероссийскомъ.
Б. de. Геккеренъ.

не опшдальны, но представляють со-
браніе сходныхъ обыкновеній; когда на-
конецъ онѣ кажутся въ противорѣчіи
съ природою страны, ибо тогда досто-
вѣрно, что она принесены изъ страны
другой, но что сохранились привычкою,
или введены по необходимости.

4. Физиологическое изученіе человѣ-
ческихъ поколѣній есть послѣднее сред-
ство, объясняющее происхождение на-
родовъ, средство, пренебрегаемое до сихъ
поръ, но на которое съ такимъ благо-
разуміемъ Эдвардъ обращаетъ вниманіе
Историковъ. Часто, наблюдая самъ
естественное различіе народовъ и пере-
селенцевъ, и давно зная пользу сего изу-
ченія, я съ удовольствіемъ видѣлъ, что
сей знаменитый Физиологъ засвидѣтель-
ствовалъ важность сего познанія Физи-
олого-Историческаго. Изысканія сего ро-
да были слишкомъ далеки отъ обыкно-
венныхъ моихъ занятій, а потому я и
не осмѣлился бы предсавить ихъ на
судъ публики. Но можешь быть, не бу-
дешь бесполезно, если я покажу здѣсь,
сколько общіе результаты собствен-
ныхъ моихъ наблюденій сходствовали съ
таковыми же Эдварда.

Извѣстно, что Физиологи изъ срав-
ненія различныхъ народовъ, населяющихъ
земной шаръ, узнали извѣстное число
поколѣній, опшдчающихся цвѣшомъ ко-

жи, образованіемъ головного черепа, количествомъ мозга, свойствомъ и числомъ волосъ, и проч. Они согласились раздѣлить родъ человѣческой на пять большихъ отдѣленій, расположивъ ихъ по силѣ умственныхъ способностей.

1. Племя Кавказское или бѣлое, 2. Сѣверное или смуглое, 3. Малайское, или желтое, 4. Американское или красное 5. Африканское или черное.

Каждое изъ сихъ поколѣній занимаетъ опредѣленную часть земнаго шара, и невольно сохраняетъ, даже и тогда, когда нѣсколько человѣкъ одного поколѣнія переходящъ въ другое, свои свойства, наследственно отъ отца къ сыну; между тѣмъ, какъ по смѣшеніи двухъ недѣлимыхъ разныхъ поколѣній, дитя, отъ сего родившееся, вполнину заимствуетъ свойства отъ того и другаго. Это показываетъ, (колоніи племенъ Кавказскаго представляющъ тысячи примѣровъ), сколь мало имѣютъ вліянія климаты, и напрошивъ, какъ много наследство. Ни одного изъ сихъ великихъ поколѣній нельзя считать безпримѣрнымъ, и если мы рассмотримъ важнѣйшее для насъ, поштому что составляемъ часть онаго, по увидимъ, что поколѣніе Кавказское заключаетъ въ себѣ многія подраздѣленія, кои не трудно узнать. Посему съ перваго взгляда всякой от-

личить Жида, Славянина, Германца, Британца, Бискайца и Римлянина, если будутъ имѣть случай предварительно видѣть нѣсколько недѣлимыхъ изъ сихъ подраздѣленій, и, какъ живописецъ или особенно какъ анатомикъ, обратишь вниманіе на фізіогномію.

Син подраздѣленія сохраняются ли, подобно большимъ опраслимъ чрезъ наследство, независимо опъ вліянія климатовъ? Едвардъ рѣшительно сіе утверждаетъ. Живое доказательство сего найдете повсюду въ Европѣ: это племя Жидовъ; оно вездѣ одинаково, ибо ихъ правила, а еще болѣе правила Христіанъ, заставляють ихъ вступать въ бракъ всегда съ лицами изъ своего племени. Разсмотрите ихъ въ Голландіи, въ Германіи, въ Россіи, въ Америкѣ, повсюду наконецъ, куда дѣятельный духъ ихъ увлекъ, — вездѣ ихъ найдете однихъ и тѣхъ же. И такъ не климатъ производитъ существенное отличіе въ племенахъ, ибо уже много вѣковъ Жида живутъ во всѣхъ климатахъ. Не пицъ или какому нибудь правленію сіе надобно приписать, ибо они ведутъ всѣ возможные образы жизни. И такъ наследственность есть существенная причина сохраненія ихъ первоначальнаго образа. Не измѣнился ли сей образъ съ тѣхъ поръ, какъ они стали извѣсны въ Исторіи? Пить.

Едвардъ замѣчаетъ по сему случаю, что на древнихъ карпинахъ, какова Тайная Вечеря Леонарда Винчи, физиогноміи Іудеевъ совершенно сходны съ нынѣшними; этого мало: онъ утверждаетъ, что во множествѣ фигуръ, изображенныхъ на гробѣ одного Египетскаго Царя, на гробѣ, который показывали въ Парижѣ и въ Лондонѣ, удивительно опличаются отъ всѣхъ группа лицъ Іудейскихъ; случай, особенно обратившій вниманіе Бельзони и другихъ наблюдателей. И такъ вошъ народъ, которой существуетъ много вѣковъ, въ продолженіи всего историческаго времени, не измѣняя своего первоначальнаго образа, и сохраняется во всѣхъ климатахъ и при всѣхъ правленіяхъ своею силою и наследственностію.

Другія Европейскія покорѣнія труднѣе опличаютъ, потому что они гораздо болѣе перемѣшались черезъ браки. Однакожъ сохранившія по какой нибудь физической или моральной причинѣ свою безпримѣсность остаются чистыми. Такъ легко опличить Бискайцевъ, отдѣленныхъ отъ своихъ сосѣдей языкомъ и нравами; такъ древніе Магары или Угры, оставшіеся въ первобытной чистотѣ касательно своихъ нравовъ, опличаются самыми чертами лица и отъ Славянъ, иногда бывшихъ основаніемъ народонаселенія Венгрии до нашихъ дней.

Венгровъ , и отъ Германцевъ , пришедшихъ послѣ занявъ сію землю. Увидя полки Миланскаго гарнизона , Едвардъ опличилъ сіи различныя племена. Сіе самое различіе замѣтилъ и я еще прежде, во время путешествія моего въ 1827 въ частъ Венгріи , ближайшую къ Вѣнѣ. Я находился въ Ейзенгартъ; случись Феррошава, день торжественнаго праздника, привлекшій множество народа изъ соседственныхъ деревень , и я, смотря на проходившихъ мимо меня , съ перваго взгляда могъ опличить Славонца; Мадяра, Германца и Жида. И такъ четыре племени , не говоря уже о Цыганахъ, кочующихъ въ Венгріи, такъ какъ и въ другихъ странахъ Европы , не говоря о потомкахъ Римскихъ колонистовъ , коихъ черты и языкъ встрѣчаются въ нѣкопрыхъ мѣстахъ Панноніи , четыре племени , говорю я , живутъ на одной землѣ и не смѣшиваются , потому что чрезмѣрная ненависть и презрѣніе однихъ къ другимъ не позволяютъ лицамъ разнаго племени вступать въ супружество.

Въ странахъ , гдѣ по счастливому спещенію обстоятельствъ болѣе смѣшались разныя племена , труднѣе опличить одинъ лишь отъ другаго. Посему разматриваніе образовъ настоящихъ жителей Германіи, Италіи, Фран-

ціи и Англіи, какъ происшедшихъ отъ разныхъ народовъ, требуетъ большаго труда. У нихъ очень часто были браки между лицами разныхъ племенъ; но Едвардъ дѣлаетъ по сему случаю новое замѣчаніе, которое имѣетъ нужду, бытъ можеть, въ новыхъ наблюденіяхъ, опносительно своей несомнѣнности и общности, — но которое имѣетъ признаки справедливости и сѣдовѣтельно важно. Онъ замѣчаетъ, что если ублюдки, происшедшіе отъ большихъ первоначальныхъ поколѣній, занимають средину между отцемъ и матерью, то ублюдки отъ вѣдороспеленныхъ поколѣній всегда болѣе походятъ или на отца или на мать, а не на обоихъ вмѣстѣ. Посему Мулатъ, происшедшій отъ Арабки и Кавказца, занимаетъ совершенно средину между ними и по цвѣту и по свойству волосъ и по образованію головы. Напротивъ того, взгляните на примѣръ въ Нижней Нормандіи на ублюдка, происшедшаго отъ племени Норманскаго, завладѣвшаго сею странюю, и кельшическаго, занимавшаго прежде сію страну: очень мало найдете лицъ, занимающихъ средину; напротивъ, и теперь еще очень легко отличить Нормандцовъ отъ Кельшовъ. Посмотрите на многочисленныя семейства, происшедшія отъ родителей разныхъ поколѣній,

и увидите, какъ часто однѣ дѣши походятъ болѣе на отца или на его семейство, а другія на мать или на ея семейство, но очень рѣдко на шѣхъ и другихъ вмѣстѣ.

Въ животнохъ замѣчается тоже самое расположеніе, по видимому противное: именно ублюдки, происшедшіе отъ разныхъ видовъ, каковы лошаки, мулы и пр., походятъ на отца и на мать, занимаютъ почти средину между ними по своему образованію, и будь для насъ неизвѣстно ихъ происхожденіе, мы сочли бы ихъ среднимъ родомъ между ними. Напротивъ, ублюдки отъ проспыхъ породъ часто исключительно бываютъ похожи или на самца или на самку, что часто замѣчается въ помѣси кошекъ и собакъ. Въ семь случаевъ Эдвардъ ссылается на наблюденія Колладона, который, воспитывая нѣсколько дѣтъ бѣлыхъ и сѣрыхъ мышей, замѣтилъ, что ублюдки ихъ были или бѣлые или сѣрые, но никогда сѣро-бѣлые. Я думаю, что есть случаи, когда ублюдки болѣе или менѣе бываютъ похожи на самца и на самку, шаковы напримѣръ ублюдки разныхъ породъ барановъ; но по крайней мѣрѣ извѣстно то, что если сіе часто бываетъ въ ублюдкахъ разныхъ породъ или совершенно отличныхъ видовъ, то слишкомъ

рѣдко въ ублюдкахъ, происшедшихъ отъ смѣси самой близкой; сіи послѣдніе весьма часто производяшъ одинъ видъ какой нибудь, а не оба вмѣстѣ.

Сіе расположеніе, безъ всякаго сомнѣнія неизъяснимое, какъ и все, принадлежащее къ наследственности, но которое необходимо допустить, какъ находящееся въ природѣ, производяшъ два дѣйствія, по видимому противныя. Если два племени, смѣшанные въ какой нибудь странѣ, сколько нибудь равняются количествомъ, то они оспаютъ безпримѣнными; если же онѣ слишкомъ неравнаго количества, то меньшее численнѣйшее постепенно исчезаетъ отъ взаимнаго соединенія.

Едвардъ справедливо замѣчаетъ, что мы далеко распроспранили идею о древнихъ переселеніяхъ. Въроятно число переселенцевъ было гораздо меньше, нежели какъ говорятъ, и вообще не столь значительна въ отношеніи къ народонаселенію странъ, начавшихъ гражданскую жизнь, въ коихъ они поселились, такъ что ихъ вліяніе на свойства природныхъ жителей часто было не важно и въ продолженіе времени отъ смѣшенія совсѣмъ исчезло. Такимъ образомъ мы согласны, что Франки овладѣли землею Галловъ; но по ихъ малочисленности, не благоразумно и изъ-

лишне было бы утверждать, что теперь можно оплечить их попомковъ.

Когда же внимательно, и глазами, привычными къ подобнымъ наблюденіямъ, пробъжая нѣсколько провинцій, то довольно хорошо можно представить себѣ средній образъ обитателей страны и узнать границы сего образа. Для полученія сего результата необходимо имѣть нѣкоторыя предосторожности; я укажу на тѣ, кои мнѣ удалось приобрести долговременнымъ опытомъ въ наблюденіяхъ сего рода.

(Окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ).

Сочиненіе Г. Едвардса вышло подъ заглавіемъ:
des caractères Physiologiques des races humaines, considérés dans leurs rapports avec l'histoire; par W. T. Edwards, in 8°. Paris. 1829. p. 129.

К Р И Т И К А . . .

Русскія Книги.

Исторія Русскаго народа. Соч. Н. Полеваго. Томъ I. Москва. Въ Тип. А. Семена, 1829 въ малую 8-ку LXXXII, 368. VII. 14.

Самохвальство, дерзость, невѣжество, шарлатанство въ высочайшей и отвращительнѣйшей степени, высокопарныя и бессмысленныя фразы, всѣ прежнія недоразумѣнія, выписки изъ Карамзина, переведенныя на варварскій языкъ и пересыпанныя яркими неаппостями Автора, нѣсколько чужихъ сужденій, непонятыхъ и не развитыхъ, ни одной мысли новой, ни истинной, ни ложной, ни одного объясненія историческаго, ни одного предположенія, ни вѣроятнаго, ни сомнительнаго, ни одной догадки, — и по нѣскольку строчекъ на страницѣ, написанныхъ правильно изъ готовыхъ выраженій; вошъ отличительной характеръ новаго сочиненія, если ужъ негрѣхъ называть сочиненіемъ всякую безобразную компиляцію. —

Чишашели Московскаго Вѣстника вѣрно удивляющаго пону, въ какомъ начинается эта рецензія, но какъ, спрашиваю, можно говорить иначе съ журналистомъ, которой въ чадѣ своихъ страстей забылся до того, что ругается надъ

священными трудами вѣхъ нашихъ писателей въ самыхъ оскорбительныхъ выраженіяхъ, звонить о новыхъ своихъ мысляхъ, — и только переписываетъ, порицать старое, неприбавляя рѣшительно ничего своего, сшудить всю Русскую Литтературу, *морозить* Публичку? —

Съ нимъ говорили иначе: съ какою *пощадю* (*) указаны были его нелѣпости въ брани на пятидесятилѣтній трудъ безсмертнаго Добровскаго о Славянскомъ языкѣ, нелѣпости, показавшія очевидно, что дерзкой не прочитала или не поняла даже заглавія той великой книги, которую поносить осмѣлился! Чшожь вышло? Онъ ни мало не сознался въ своей преступной неосмотрительности, и въ слѣдующихъ рецензіяхъ съ такою же *основательностію* обругалъ Робертсона, Гиббона, Юма, Ся, Шлецера, Карамзина. Въ какомъ тонѣ, повпорю, должно говорить съ нимъ, или лучше ему? —

Всякой Литтераторъ долженъ сказать ему свое мнѣніе прямо, не подслащивать горькой истины, и пожалѣть, что безпристрастное сужденіе можетъ иногда *казаться* бранью.

Вошь все, чего стоила новая Исторія Русскаго народа, — но у насъ есть читатели, которые, прочитавъ книгу, особенно историческую, не могутъ или не хотятъ сами разобрать ее вни-

---

(*) Моск. Вѣстникъ 1828 года N 12, с. 395.

машельно, сдѣлать свое заключеніе, и шребуешь, чтобы журнальные рецензенты помогли имъ въ этомъ отношеніи, ясно указали хорошее и дурное. — Такимъ чишапельмъ предлагаются *доказательства* на всѣ положенія, исчисленныя въ началѣ. —

Самохвальство. „Ушвердишельно скажу,“ говоришь Авшоръ, „что я вѣрно изобразилъ Исторію Россіи, шполь вѣрно, сколько мои отношенія“ (разумѣешь гражданскія) „мнѣ позволяли.“ (IX).

Спрашиваю: кто, кромѣ боговдохновеннаго Моисея осмѣлится сказать шакъ о своей Исторіи?

Чтобы еще яснѣе увидѣшь это отвращительное самохвальство, сравните заключеніе Карамзина объ его многолѣшнемъ шрудѣ (мужъ незабвенный! прости, что призываю всеу драгоцѣнное швое слово): „одно шлаволюбіе не могло бы дашь мнѣ швердосши постоянной. . . еслибъ. . . я не имѣлъ надежды бышь полезнымъ, то ешь сдѣлашь Россійскую Исторію извѣстнѣе для многихъ, даже и для строгихъ судей моихъ.“

„Исторія Россіи предметъ огромной, достойной Философа и Ишторика, по умѣли ли мы до нынѣ почтншь важность его своими шрудами, обработашь его шакъ, чтобы намъ можно было указашь любопытному наблюдателю на какое нибудь швореніе, и сказашь ему: читай, ты узнаешь Россію.“ (XXX).

До нынѣ, до *Исторіи Русскаго народа*, ни Татищевъ, ни Шлецеръ, ни Миллеръ, ни Карамзинъ, не умѣли у насъ почтись трудами отечественной Исторіи! Можешь ли благонамѣренный писатель, любящій науку и знающій нашу историческую липшерашуру говорить съ хладнокровіемъ послѣ такой выходки? —

„Я зналъ подробности событій и чувствовалъ ихъ, какъ Русскій; былъ безпристрастенъ, какъ гражданинъ міра.“ (IX).

„Мы разумѣемъ здѣсь Исторію собственно, то есть такого рода творенія, въ которыхъ стройною полною (!) оживаетъ для насъ міръ прешедшій, гдѣ усилія ума человѣческаго, коими сей міръ возсозданъ, воодушевлены, скрыты въ повѣствованіи живомъ; творецъ такого шолько созданія можешь назваться Историкомъ (XXIII).“ И потомъ въ пятидесяти мѣстахъ Авторъ называетъ себя Историкомъ Русскаго народа!“

Какое время избираетъ онъ для посвященія своего сочиненія Нибуру?

„Когда образованность и просвѣщеніе соединяють всѣ народы союзомъ дружбы, основанной на высшемъ созерцаніи человѣчества (!), когда высокія помышленія, плоды Философскихъ наблюденій, и великія испины прешедшаго и настоящаго составляютъ общее наслѣдіе различныхъ народовъ и быстро раздѣляются между обитателями отдаленныхъ одна отъ другой странъ (VII).“ И такъ *Исторія Русскаго народа* есть плодъ философ-

скихъ наблюдений, великая истина, высокое по-
мышленіе?

Довольно ли? —

Невъжество. Здѣсь надо начать да саро, съ
самого заглавія. Что такое Исторія Русскаго
народа? Развѣ Исторія народа не заключается въ
Исторіи Государства? Развѣ народъ, не состав-
ляющій Государства, можетъ имѣть Исторію?
Развѣ правительствово не есть часть народа, не
есть его представитель? Развѣ не изъ него обра-
зуется?

„Я полагаю,“ говоритъ новой Историкъ (XII)
„что въ словахъ (!) Русское Государство, за-
ключается главная ошибка моихъ предшественни-
ковъ (*). Государство Русское начало существо-
вать только со времени сверженія ига Монголь-
скаго. Рурикъ, Синеусъ, Труворъ, Аскольдъ; Диръ,
Рогволодъ основали не одно, но отдѣльныя;
разныя Государства. — Кіевское Государство...
дѣлилось потомъ особо отъ Сѣвера; и представ-
ляло особую систему феодальныхъ Русскихъ Го-
сударствъ. При такомъ взглядѣ измѣняеіся совер-
шенно (!!) вся древняя Исторія Россіи, и можетъ
быть только Исторія Русскаго народа, а не Ис-
торія Русскаго Государства.“

Чтобъ показать читателямъ невѣроятной
недостатокъ соображенія въ этой рѣчи, Реден-

(*) Въ словахъ главная ошибка!!

зентъ послѣ прежнихъ своихъ вопросовъ предлагаешь простой примѣръ: представимъ себѣ, что кто нибудь объявляетъ о сочиненной имъ Исторіи Князя Суворова. Вправѣ ли читатель требовать отъ этого Автора описанія подвиговъ нашего Героя въ Польшѣ, Турціи, Италіи до полученія имъ княжескаго достоинства? Или Авторъ симъ заглавіемъ налагаетъ на себя обязанность описать только послѣдній годъ его жизни съ полученія Рескрипта отъ Императора Павла? Кажется и сомнѣваться не лзя въ справедливости перваго требованія, между тѣмъ Биографъ Суворова, по утверженію новаго нашего Историка, сдѣлалъ въ томъ главную ошибку, что назвалъ ее Исторією Князя Суворова, а не просто Суворова, и что при послѣднемъ взглядѣ измѣнилась бы совершенно вся Исторія! Не правда ли, что это смѣшно, между тѣмъ сравненіе параллельно вѣрно: пусть читатели внимательно разсмотримъ примѣръ. —

Единодержавное Государство наше основалось въ 15 столѣтіи, но оно основалось изъ всѣхъ прежнихъ княженій, Кіевскаго, Новгородскаго, Галицкаго, Владимирскаго, Тверскаго, и Исторія всѣхъ сихъ Княженій есть необходимая часть, начало Исторіи Государства Россійскаго. Слово Государство здѣсь самое точное: обнимая народъ, оно прилично вмѣстѣ и Княжеству, и Царству, и Имперіи. Муденьшиишъ Исторію Нѣмецкаго народа,

но это потому, что Нѣмецкой народъ не имѣлъ и не имѣеть средоточія, Государства, не такъ какъ Русской: онъ разсыпанъ по Австрiи, Пруссiи, Баварiи, Саксонiи и проч. —

Еще замѣчаніе: понимаешь ли новый Историкъ, что онъ принялъ обязанность писать Исторію Русскихъ въ Галлиціи и Венгріи?

Теперь объ оглавленіи Исторіи Русскаго народа:

Часть вперую новой Историкъ оканчиваетъ перенесеніемъ столицы великаго Княжества въ Владимиръ, при Андрей-Боголюбскомъ, или 1157 годомъ. — Но Боголюбскій сдѣлался Великимъ Княземъ, и слѣдовательно перенесена такъ называемая столица во Владимиръ, уже въ 1169 году; въ 1157 же году онъ былъ въ Владимирѣ только удѣльнымъ Княземъ, и потому Карамзинъ одну половину его Княженія, т. е. до 1169 года, отнесъ къ 2 шому, а другою, съ 1169 года, началъ шретій. —

Третій шомъ у новаго Историка оканчивается 1224 годомъ, а четвертый начинается владычествомъ Монголовъ, — но владычество Монголовъ начинается только съ 1237 года, со времени втораго ихъ нашествія. И такъ тринадцать лѣтъ останутся безъ описанія?

Петру Великому посвященъ изъ двѣнадцати шомовъ одинъ. И такъ Петръ, преобразователь, законодатель, мореплаватель, воинъ, хозяинъ, основатель нашего могущества на Сѣверъ, обогащатель, сославляетъ только двѣнадцатую часть

жизни Русскаго народа. Кому, имѣющему поверх-
ностное понятіе, безъ высшихъ взглядовъ, о нашей
Исторіи, не кинется въ глаза такая нелѣпая не-
соразмѣрность? — Еще болѣе: царствованіе Петра
Великаго уравнено царствованіемъ Екатерины I,
(два года), Петра II, (два года), Анны и Ека-
завиты, царствованіемъ, въ которыя только что
шли наши часы, заведенные безсмертнымъ Пеш-
ромъ? —

При обзорѣи матеріаловъ для Русской Ис-
торіи, какъ бы вы думали, кого пропустилъ новой
Историкъ? — Байера, Миллера и Шлецера. Онъ
не нашелъ мѣста сказать объ ихъ трудахъ что
нибудь вообще, кромѣ частныхъ указаній! !

Онъ думаетъ, что Скандинавы жили только
на полуостровѣ (3), между тѣмъ какъ Ская-
динавія, имя вымышленное позднѣйшими писате-
лями, не имѣла точныхъ предѣловъ, и Скандина-
вами назывались многіе *разноплеменники*, жившіе
на островахъ Балтійскаго моря, и по берегамъ,
и на полуостровѣ.

Онъ говоритъ, что Скандинавы только въ
Франціи назывались Норманнами (17), между тѣмъ
какъ ихъ называли такъ почти вездѣ на югѣ и
западѣ. Хотѣлъ онъ вспомнить мѣсто изъ Лиут-
пранда, *Кремонскаго Епископа* (пис. X вѣка),
которое у насъ повторялось раз-сто во всѣхъ
изслѣдованіяхъ: „есть народъ на сѣверѣ, кото-
рой мы называемъ Норманнами по мѣсту ихъ
жилищства. Или: на сѣверѣ онъ Констанціино-

поля живутъ: . . Руссы, кошорыхъ мы называемъ Норманнами.“ —

О Скандинавахъ говоритъ онъ цѣлая справка, а объ Славянахъ, которые сославляютъ покрайней мѣрѣ другую, равную часть Русскаго народа, нислова, кромѣ позднихъ извѣстій Нестора.

На чемъ основывается мнѣніе, что Финны суть аборигены Европы, предпочтительно даже предъ Пелазгами, Германцами и Венедами, которые будто бы „пришедъ изъ Азіи встрѣтили въ Европѣ, гнали ихъ или соединяли съ собою (34)?“ Гдѣ была почка прикосновенія у Пелазговъ съ Финнами?

Заселеніе Европы представлено такъ, что при самомъ напряженномъ вниманіи непоймешь ничего, — и самъ Клапрошъ едвали бы узналъ здѣсь слѣды своего сочиненія, изъ кошораго сославленъ эшошъ опривокъ.

О Лашышахъ, народѣ классическомъ въ Россійской Исторіи, предкахъ Ливы, у новаго Историка только нѣсколько строчекъ, и какихъ (42): „Мнѣніе, что Лашыши были смѣсью Финновъ, Гошеовъ и Славянъ несправедливо,“ говоритъ онъ, и принимаетъ мнѣніе Вашсона, а Вашсонъ то самъ именно утверждаетъ первое. — Вѣдь это невѣроятно! — Пусть читатели прочтуть 47 ую справку въ Исторіи Русскаго народа и 172, 173, въ Матеріалахъ для Исторіи просвѣщенія въ Россіи Г. Кеппена. — Какъ объяснить шеперь мѣсто въ нашемъ Историкѣ? Вотъ какъ: Г. Кеппенъ,

изложивъ мнѣніе Ватсона, предсказавшея его заключенія : 1. „Лавыши суть собственно народъ *Словенскаго* племени , преобразованный шокмо по переселеніи своемъ въ нынѣ еще обитаемыя имъ страны. 2. Они смѣшаны съ *Готами* , которые до ихъ прихода уже состояли въ связи съ *Финнами*. 3. Они образуютъ народъ средній (*Ubergangsvolk*) между Словенами и Германцами, отчасти же составляющъ и переходъ къ народамъ Финнскаго происхожденія.“ — Нашъ Историкъ просмотрѣлъ два первыя заключенія , и , увидѣвъ какъ нибудь послѣднее , рѣшилъ безъ остановки, что первое мнѣніе несправедливо. — Повторяю, вѣроятно ли это ?

О Волохахъ , которые отшѣснили Славянъ отъ Дуная , о которыхъ у насъ толковали очень много , о которыхъ Историкъ самъ давно уже обѣщаль подробное изслѣдованіе , — строка.

„Съ половины VI вѣка одни Франки были обладателями Галліи (15).“ Не несомноль читать такія неслѣпости въ книгѣ , объявленной съ приязаніями на переворотъ въ Исторіи? Хотябъ онъ прочелъ Тьері , отъ книги котораго отщипнулъ нѣсколько мыслей , и которой именно утверждаетъ противное (*).

(*) Il est certain, qu'il ni la première conquête des Franks, ni même celle des fondateurs de la seconde dynastie, ne purent operer, entre les différentes parties de la Gaule, surtout entre le nord et le midi, une véritable reunion. Elles n'eurent d'autre effet que celui de rapprocher, malgré elles, des populations étrangères l'une à l'autre, et qui

При извѣстїи о грамотѣ Фошіа восьмь ученое указаніе новаго Историка (99): „*Fotii epistolis* (Лондонъ, 1651).“ Рецензентъ не могъ понять: кому принадлежишь невѣжественная ошибка (пво-ришельной падежъ, вмѣсто именишельнаго, или пропускъ предлога), случайно взглянулъ въ Нѣмецкой подлинникъ Шлецера, и чтоже увидѣлъ шамъ? Эшо указаніе, но разумѣеся съ предлогомъ *in*; Историкъ просмотрѣлъ его въ предыдущей спрокъ, ибо послѣдующая по ошибкѣ-вѣрно начинаеся абзацомъ. — Каково? А *Fotii* вмѣсто *Photii* находишь и шамъ.

„Походъ Олеговъ былъ за сно лѣтъ до Нестора“ (119). Несторъ родился по изысканїямъ въ 1056 г., пришелъ въ Печерскій монастырь 17 лѣтъ, то есть 1073, и началъ писать положимъ сорока лѣтъ, слѣдовательно въ 1096, а по-

---

bientot se separèrent violement. *Avant le douzième siècle* les rois établis au nord de la Loire ne parvinrent jamais à faire reconnaître, seulement pour cinquante années, leur autorité au sud de ce fleuve. Ainsi quand bien même on supposerait, que dès la première invasion des Franks, une monarchie à la façon moderne s'établit dans la portion de la Gaule, où ils fixèrent leur habitation, ce seroit encore une chose absurde, que d'étendre cette monarchie à tous les pays qu'elle embrassa dans les siècles postérieurs, et à la suite d'une nouvelle conquête. Cette seconde conquête, qu'on pourrait nommer politique, pour la distinguer de la première, qui fut une conquête territoriale, s'effectua graduellement depuis le treizième siècle jusqu'au dix-septième où elle parut entièrement accomplie. *Lettres sur l'histoire de France, 101.*

Онъ означилъ , какъ снопами
 Богъ раздвинулъ свѣтъ и тьму ;
 Какъ повѣсилъ надъ звѣздами
 Въ небѣ солнце и луну ;
 Какъ по оставу планеты
 Океанъ першомъ провель ;
 Какъ изъ нѣдръ ея безъ смѣшны
 Сонмъ швореній произвелъ.

*

Разъ , шомясь своей утрашой ,
 Наяву онъ видѣлъ сонъ :
 Вдругъ молишвою крылашой
 Въ небо былъ перенесень ,
 Слышалъ Ангеловъ напѣвы ,
 Сонмы ихъ изобразилъ ,
 И въ средѣ ихъ образъ Дѣвы
 Кистью быстрой уловилъ.

*

Но любимое видѣнье ,
 Что утранилъ Серафимъ ,
 Въ недосступномъ отдаленѣ ,
 Все шуманилось предъ нимъ .
 Тщешно не смыкались вѣжды
 И пылалъ молишвой взоръ :
 Погасалъ ужъ лучъ надежды ,
 Не сходилъ къ нему Фаворъ .

*

Чшо земныя краски плѣнья,
 Солнца пышныя лучи? —
 Передь лучемъ Преображенья,
 Какъ передь солнцемъ блескъ свѣчи.
 Къ смерти неспивоваль унылый,
 Не сверша души завѣшь,
 И въ разсѣлинахъ могилы
 Чшожь онъ видишь? — Божій свѣтъ! . . .

*

Лучь свернула . . . и послышала
 Кисть Божественнымъ огнемъ;
 Море яркаго кристалла
 Прошло надъ полошномъ . . .
 И ужь Бога ликъ открышый
 Онъ очами ясно зрѣлъ;
 Но видѣнемъ несышый,
 Бросилъ кисть . . . и улешѣлъ!

*

Тамъ его видѣнье вѣчно;
 Тамъ, безъ горя и безъ слезъ,
 Созерцаешь онъ безпечно
 Диво шайное небесъ,
 У Оавора величавый
 Спражемъ сталь — и на крылахъ
 Свѣтъ Божественныя славы
 Блещетъ въ радужныхъ лучахъ.

Шесиревъ.

Римъ, 3 Декабря 1829 года.

ходъ Олеговъ былъ въ 906 году; — Слѣдовательно почти за двѣсти лѣтъ до Неспора.

„Такъ погибъ Святославъ, явленіе своего вѣка и народа столь же блестящее, какъ Александръ и Пирръ, Густавъ Адольфъ и Карлъ XII, удивляющіе метеоры, яркимъ но бесполезнымъ свѣтомъ озарившіе мѣрнымъ современнымъ (188)!“ Дикаго Святослава можно сравнить съ Густавомъ Адольфомъ и Александромъ!! Александръ, первой Европеецъ, положившій основаніе господству Европы надъ Азією, давшій новую жизнь древней торговлѣ, распространившій варъчіе Греческое до Инда, и шѣмъ проложившій путь Христіанской религіи въ Азіи, — Густавъ Адольфъ, увѣковѣчившій въ Германіи реформацію, кошорая измѣнила лице ея и всего человѣческаго рода, — озаряли бесполезнымъ свѣтомъ мѣръ, имъ современный!! — Нибуръ! Проси ему, хоть онъ хулу глаголетъ: невѣдаешъ бо, что шворишь. —

Прикасаешься ли Рецензеншу къ подробностямъ послѣ сихъ общихъ выпускахъ нелѣпостей?

Дерзость. Вотъ что и какъ говоришь онъ объ Исторіи Карамзина (XXXVII): „это повѣствовательной разсказъ (*), а не Исторія, и

(*) Повѣствовательной разсказъ! разговорной разговоръ!

Карамзинъ такъ писалъ его, что 5 глава была еще не дописана имъ, а начало ея, вмѣстѣ съ первыми чешырма главами, была уже переписана и готова къ печати. Когда же думалъ Историкъ? —

Карамзинъ недумалъ! И это говорить кто? — Карамзинъ, ясный и покойный, двадцать пять лѣтъ жившій схимникомъ, недумалъ!! И почему же? Потому что у него была переписана и готова къ печати четвертая глава, между тѣмъ какъ писалась пятая! — Хотя бы вспомнилъ ослѣпленный, что это говорить издатель 12 тома, а не Авторъ, что Карамзинъ никогда не намѣревался печатать тома до окончанія.

„Карамзинъ почиталъ доказательствомъ любви къ отечеству желаніе *раскрасить*, *разцвѣтишь* истину (XXXVI).“

Вотъ нелѣпость, которую уже въ другой разъ осмѣливаются изводить на Карамзина, криво толкуя его слова, и даже не указывая на тѣ, кошорыя подали поводъ къ такому заключенію. — Это не дерзость даже, — это святошашство! —

„Карамзинъ, при самомъ началѣ труда своего возведенной въ достоинство Исторіографа Имперіи, осыпанъ былъ почестями и богатствами.“

Какъ! Почести и богатства можно почитать наградою Карамзину, Карамзину! — Вниманіе, благоволеніе Императоровъ Александра и Николая, благодарность и почщеніе народа —

вошь, что было наградою позабвенному нашему Исторіографу. Пусть нѣкоторые наши магнаты удивляются, что Литераторъ, за сочиненіе, могъ получить по ихъ выраженію Анну черезъ плечо! Это дикіе невѣжды, которые не понимаютъ, что такое народъ, что такое писатель, что такое просвѣщеніе? Но какъ могъ выговорить подобное слово челоуѣкъ, которой умѣешь какъ нибудь читать, какъ нибудь писать? Хотя бы онъ справился въ Адресъ-календарь: тысячи лентъ и пенсій, тысячи достойныхъ и заслуженныхъ гражданъ, — и ни одного Карамзина! И развѣ не знаешь онъ, что въ началѣ своего труда Карамзинъ *отказался* отъ всѣхъ своихъ литературныхъ доходовъ, поспригся въ историкъ, и на двѣнадцать лѣтъ умиралъ для свѣта, безъ богатствъ и почестей!

Рецензентъ самъ утверждалъ и теперь утверждаетъ, что Исторія Карамзина, при великихъ достоинствахъ, имѣетъ свои недостатки, происшедшія вообще отъ состоянія Россійской Исторіи въ наше время и отъ личныхъ свойствъ Исторіографа; Рецензентъ утверждаетъ, что недостатки въ Исторіи Карамзина должно обнаруживать людямъ знающимъ и имѣющимъ на то право своими трудами, въ общее поученіе, — но взводитъ на него клеветы, по говорить, что онъ недумалъ, — это непростишительно, это верхъ — но у меня нѣтъ слова для выраженія мысли. —

Литературные враги Рецензента, видяшь уже, я надѣюсь, различіе между голосомъ чистой любви къ наукѣ, хоть нѣсколько неосторожно произнесеннымъ, и голосомъ частныхъ видовъ можешь быть вскорѣ увидяшь ясное, — и усшыдяиися.

Но не одинъ Карамзинъ поверженъ въ прахъ нашимъ Историкомъ:

„Спришперъ,“ говоритъ онъ, „прудобивый собиратель выписокъ и ученой чловѣкъ писалъ лѣтъ двадцать (Россійскую Исторію), и въ трехъ огромныхъ томахъ довелъ ее до 1462 года. Твореніе Спришпера неизмѣнъ достоинства даже втрной Лѣтописей.“ (XXXV). — Эшо обь Спришперъ, первомъ знамокъ Византійскихъ лѣтописей въ свое время, коего *Меморіалъ* поклонились въ землю всѣ Европейскіе ученые со Шлецеромъ впереди, и коего Исторія, до Карамзина, была лучшимъ руководствомъ по единоголасному утвержденію всѣхъ нашихъ ученыхъ (*).

А вошь приговоръ Ташицеву (XXXIV) „Ташицевъ написалъ собственно сводную лѣтопись; но при изданіи сей книги ее назвали Исторією Россійскою; непомоули, что огромная первая часть занята у Ташицева выписками о Скивахъ и Сарматахъ.“ —

(*) Замѣчашь ли еще, что Спришперъ ошъ роду не собиралъ выписокъ, а самъ дѣлалъ ихъ, и изъ 40 томядмовъ Византійскихъ писателей извлекъ 4 кварташа о народахъ, вошедшихъ въ составъ Россіи?

Эпо можно сказать о Тапищевѣ, достойномъ воспитанникѣ Пешра Великаго, объ одномъ изъ просвѣщеннѣйшихъ людей своего времени, коимъ прежде всѣхъ у насъ (1719 года) возымѣлъ великую мысль писать ошечественную Исторію, а безъ всякихъ почти пособій, безъ нужнаго приуготовленія, исполнилъ свое предпріятіе съ рѣдкимъ здравымъ умомъ, осторожностію и благоразуміемъ, написалъ книгу, теперь еще полезную и важную для изслѣдователей. — Чшо еще? Приведенныя слова показываютъ, что Историкъ считалъ ея какъ Добровскаго и Вашсона, ибо въ предисловіи не издалель, (знаменишый Миллеръ), но самъ Тапищевъ именно называетъ ея Исторіею, а выписки о Скиѣахъ и Сарматахъ не составляютъ и двадцатой доли первой части. —

Какимъ тономъ и что говоритъ онъ еще о многотрудной, ученой экспедиціи Г. Строева, коего пожертвованія на пользу наукъ достойны всеобщаго почтенія? Г. Строевъ взялся о смотрѣть... желаемъ Академіи успѣха, и увидимъ, что изъ этого выйдешь!! (LXX).

Необходимость собрать и осмотрѣть *все* списки Историкъ называетъ — мечшою (LXX).

Отзывъ или лучше поступокъ съ Каченовскимъ также выше всякаго вѣрояшія. Здѣсь Рецензентъ долженъ предупредить своихъ читателей: отъ Байера, ошца нашей Исторической критики, донашего времени одинъ изслѣдователь несомнѣвался въ подлинности

Русской Правды, и Эверсъ, знаменитѣйшій изъ живущихъ нынѣ, шретьяго года цѣлое сочиненіе о древнѣйшемъ Правѣ Руси основалъ почти на Русской правдѣ Ярослава 1. — Каченовскій представилъ, первый, свои ученныя, сильныя подозрѣнія, изливающія свѣтъ на весь первый періодъ нашей Исторіи. Въ 21 N. Телеграфа с. 89 вопъ какъ отозвался объ нихъ Историкъ разбирая важное сочиненіе Барона Розенкампа: „нахвостыныя изъ разныхъ книжонокъ, книжекъ и книгъ клочки, которые нѣкоторыми изъ жалкихъ невѣждъ выдаются подъ именемъ изслѣдованій о Русской Правдѣ.“

А въ 22 N разбирая Исторію Г. Кайданова вотъ что сказалъ онъ же (с. 258): самыя невѣрныя сказанія, извѣстныя, опровергаемыя самымъ поверхностнымъ взглядомъ, втѣщены въ начертаніе Исторіи Россійскаго Государства, какъ то: . . . мнѣніе, что Ярославъ, написалъ уложеніе, известное подъ именемъ, *Русской правды*.

Теперь въ Исторіи мы видимъ ужь положеніе, что Ярославъ задалъ Русской Правды. „Върояшно“ (с. 276) говоритъ Авторъ, „смѣшивая (?) извѣстіе лѣтописцевъ о правахъ, данныхъ Ярославомъ Новгороду, съ законами, которые собраны и списаны были шамъ (?) подъ именемъ Русской Правды, приписали (?) впоследствии (?) Ярославу сіи законы“ и проч. — А въ примѣчаніи: „предлагаемъ наше мнѣніе о Русской Правдѣ,“ и

ни слова, ни своего, ни чужаго, въ доказательство новаго мнѣнія. — Чипашеди! вѣрипе ли вы глазамъ своимъ? Невѣрыпе — для своего спокойствія. — По этому же не хочу я говорить о 157 примѣчаніи. Пусть чипашеди, если хотяшь, сравняшь его сами съ 417 примѣчаніемъ у Карамзина!

Шарлатанство. „Я бралъ (изъ Гиббона) все, что касалось до Греческой Имперіи, *слигалъ только источники Гиббона*, и повѣряя ихъ новѣйшими открытіями (89)!“ — Прочешъ текстъ Гиббона — трудъ; прочешъ его примѣчанія — работа; сличить его съ источниками — не возможность, ибо у насъ во всей Москвѣ нѣтъ тысячи книгъ, которыя были источниками Англійскаго писателя; не говорю уже о рукописяхъ.

Исказивъ извѣстія Клапрота о переселеніи народовъ, выдавъ его предположенія за истину, новый Историкъ заключаетъ: „въ немногихъ словахъ мы вѣстили событія тысячелѣтій; дѣла, бывшія за долго до Р. Х., и дѣла совершившіяся въ печеніе восьми столѣтій послѣ Р. Х. Мы означили только главнѣйшія черты великой картины древняго бытія народовъ (38).“

Безпрестанно встрѣчаются общія великолѣпныя утвержденія, а въ самой Исторіи ни малѣйшаго доказательства въ ихъ основаніе. На примѣръ въ окончаніи Рюрикава Княженія сказано: „здѣсь новой періодъ владычества Варяговъ въ Россіи.“ — Спраши-

дается, чѣмъ отличаетъ владычество Варяговъ при Рюрикѣ отъ владычества ихъ при Олегѣ? — И нѣтъ ни слова въ отвѣтъ. — Съ такимъ же основаніемъ сказано: „Варяжская аристокрація (при Владимирѣ) не существовала, но слѣды ея оставались въ независимости воинскихъ дружинъ и силѣ полководцевъ, еще напоминая феодализмъ Варяговъ (201).“ — Но когда была у насъ эша аристокрація? Какія свѣдѣтельства остались объ ней? — „Владимиръ вполне замѣнилъ его (феодализмъ) Азіатскою Монархією, сходною съ основными правами Славянъ.“

А чѣмъ отличаетъ Исторія Русскаго народа отъ Исторіи Государства Россійскаго, въ смыслѣ самаго Автора? — Воишь чѣмъ: у Карамзина написано, глава: положимъ 1, Рюрикъ; глава 2 Олегъ; глава 3 Игорь; а у новаго Историка просто: глава 1, 2, 3. — У Карамзина: Игорь пошелъ на Царьградъ, а у новаго Историка: Руссы пошли на Царьградъ. —

Года за два новой Историкъ объявилъ, что Хронологія Нестора почерпнула изъ извѣстнаго писателя Никифора Патріарха, и обѣщавъ представить изысканіе, — теперь опять восклицаетъ (282): „и такъ нѣтъ сомнѣнія: источникъ всемірной (которая очень не важна для насъ), хронологіи Нестора опысканъ,“ и опять ни слова въ доказательство.

„Такъ я читаю текстъ Несторовъ до самаго появленія въ ономъ лѣточисліи. Мнѣ кажется, что до нынѣ, читали его не въ надлежащемъ порядкѣ и смѣшивали современную Несторову Этнографію съ Исторіею (28).“ Да кто смѣшивалъ? Издатели разумѣется должны были читать текстъ, какъ онъ находится въ рукописяхъ, а Историки, Сприштеръ, Карамзинъ и другіе, пользовались имъ не придерживаясь его безпорядка.

—————

Высокопарныя и безсмысленныя фразы. . .

„Дикое стремленіе новыхъ вѣковъ хотѣло ожить въ древнихъ формахъ. . . погибшихъ на всегда для потомства, долженствовавшаго созидать новыя (XVII).“ — Въ какихъ же древнихъ формахъ хотѣло ожить стремленіе, если формы погибли и если оно должно было созидать новыя? — Стремленіе хотѣло ожить!

„Древніе не имѣли *будущаго* въ общей судьбѣ человечества, ибо идея человечества была имъ неизвѣстна (XVII).“ А чрезъ нѣсколько строкъ: „во все вмѣшивалось у нихъ (древнихъ) какое то уніиѣ, какое то предчувствіе измѣненія въ *грядущемъ*.“

„Умственный инстинктъ, коимъ одаренъ человекъ, соприкасаясь всему, ко всему прилагается (XI).“

„Много времени протекаетъ, пока шопъ или другой вѣкъ находитъ для себя втрое мѣрло въ

общемъ духѣ своего времени ; служащемъ переходъ къ новой борьбѣ (XIV).“

„Онъ (Историкъ) Живописецъ , вѣнцель прошедшаго бытія : опъ него пребуешь челоѳечество только вѣрнаго , точнаго изображенія прошедшаго , для безконечной шлябмы природы съ челоѳкомъ , рѣшаемой судьбою непосшижимою и вѣчною (XX).“

Какова самая первая фраза (XI) ; „естъ различіе между просшымъ , врожденнымъ челоѳку желаніемъ знать прошедшее и шѣмъ испытующимъ стремленіемъ челоѳческаго ума ; которое поставило (!) въ ряду другихъ познаній нашихъ Историю.“ Разберіше , переведите ее , и чтоожъ выйдешъ : естъ различіе между младенцемъ и Гердеромъ , — и шупъ же „мы ошибемся если будемъ смѣшиватъ первое дѣйствіе ума съ полнымъ его развитіемъ.“ У кого могушь связыватъся такъ мысли ? Это даже психологическое явленіе .

Прежніа недоразумѣніа . Рецензентъ устаетъ ужъ и скучаетъ , чашатель вѣрно шакже , — воля иѣсколько доказательствъ изъ шылчей : „преданіе не сохранило намъ другихъ уставовленій и учрежденій Ольги , стремившихся къ укрѣпленію силъ Русскаго Княжества и единодержавія (157).“ Ольга думала объ укрѣпленіи силъ и единодержавіи ! Но знаешь ли Историкъ , что Свяшославъ владѣлъ однимъ осшрогомъ Кіевомъ да землею Древлянскою : ибо только сін мѣша отдалъ сыновьямъ .

(Владимира сами Новгородцы вышребовали). — Новое гражданское общество было тако слабо связано, что Свяшославъ хотѣлъ оставишь его, и поселишь въ другой ошдаленной спорой Болгаріи, зимоваль послѣ у пороховъ Днѣпровскихъ, не могли дойти до своего острога. —

„Новая система правленія (! ! при Ольгѣ!) проникла слѣдственнo повсюду скрѣпляя части въ единое цѣлое (157).“

„Всѣ гордыя мечшы Свяшослава погибли“ (184). У Свяшослава мечшы ! ! —

Пусть читатели взглянуть, какія мысли и чувства приписываетъ онъ Олегу, Владимиру, Борису, Глебѣ, Ярославу, Новгородцамъ, чѣмъ доказываетъ подлинность договоровъ Олега, Игоря. На всякой страницѣ почти новой Историки предлагаетъ разногласныя мнѣнія, сравниваетъ ихъ, склоняется на ту или другую сторону, рассуждаетъ, сомнѣвается о дѣйствіяхъ, вставляетъ свои пошлыя аподегмы, восклицаетъ, — и осмѣливается говорить, что онъ читатель новыхъ учителей Истории. — Развѣ этому они учать!

Въ примѣръ *противорѣчій* безчисленныхъ, доказывающихъ, что Историки не перечель даже ни разу своей Истории, Рецензентъ указываетъ на сужденіе о Скандинавахъ и Славянахъ: „Замѣтимъ и противоположность гражданскую: Славяне и Скандинавы равно дорожили необуздан-

ною своею свободою; но первые страшились только чуждаго ига, и повиновались своимъ Князьямъ; другіе не знали никакой власти надъ собою. Первые не дорожили своимъ мѣстопребываніемъ и разсѣвались повсюду; вторые всегда собирались въ одно мѣсто, любили осыдлую жизнь, знали земледѣліе, привязывающее человека къ землѣ, имъ обрабатываемой, и скотоводство, заставляющее всего болѣе (!) цѣнить мирное спокойствіе (69),“ а впереди вездѣ первое говорится о Скандинавахъ, а послѣднее о Славянахъ.

Въ примѣръ *выписокъ изъ Карамзина*, переведенныхъ на варварской языкъ вошь слова о Русскихъ войнахъ при Святославѣ:

у Карамзина: *у новаго Историка:*

Россіяне оказывали чудное остервененіе, и думая, что убишый не-пріятелемъ долженъ служить ему рабомъ въ адѣ, вонзали себя мечи въ сердце, когда уже не могли спасшися, ибо хотѣли шѣмъ сохранить вольность свою въ будущей жизни (I. 187). —	<i>Думая, что воинъ умершій въ плѣну будешъ рабомъ побѣдителя въ будущей жизни, Руссь убивалъ самъ себя, не славаясь въ плѣнѣ, если не было уже возможности спасшися (181).</i>

Объ языкѣ говорить нечего: нѣтъ живой страницы, не только главы, что внимательные

чишатели видѣли уже изъ примѣровъ предложенныхъ по другимъ отношеніямъ. Вотъ въ образцѣ еще одно заглавіе: хронологическое показаніе событій Исторіи Русскаго народа (364). — Событій Исторіи!

Доказалъ ли Рецензентъ все, что сказалъ сначала? —

Мысли въ предисловіи взяты изъ Кузенья, Гизо, Тьери, о Скандинавіи изъ Дешпинга, Капфига, о переселеніи народовъ изъ Клапрота, но все взятое непонятно и искажено; Рецензентъ въ случаѣ нужды представилъ утвержденія новаго Историка *avec le texte en regard* изъ названныхъ писателей, вмѣстѣ съ примѣчаніями, въ коихъ ясно изложено процессъ превращенія крупицъ муки въ аржентъ. По этой же причинѣ нѣкоторые Русскіе хозяева мыслей, явившихся въ Исторіи Русскаго народа, не вступающа за свою собственность.

Вотъ чѣмъ кончались величавыя зачатки; вотъ сочиненіе, которое представлено Публикѣ вслѣдъ за объявленіемъ, что Карамзинъ принадлежитъ не къ нашему времени, что мы имѣемъ теперь лучшіе образцы для прозы, и получили высшее Философское понятіе объ Исторіи. —

Рецензентъ, не желая лишней довѣренности къ своей спашѣ, долгомъ поставилъ еще преду-

предить читателям, что онъ писалъ ее не въ спокойномъ расположеніи духа, не съ хладнокровіемъ, какое требуется отъ критика, какое проповѣдывалъ онъ всегда другимъ, и, смѣешь сказать, до сихъ поръ сохранялъ самъ. Онъ никогда не думалъ, чтобы могъ написать такую рецензію, — но онъ не думалъ также, чтобы когда либо могла быть напечатана подобная книга. Да не скажешь, что перомъ его водило пристрастіе, — нѣтъ! Негодованіе. — Безъ пристрастія скажешь онъ и теперь, что уважаетъ Г. Полеваго, больше многихъ превосходительство и сѣятельство, какъ человека съ природнымъ умомъ и трудолюбіемъ, которой самъ себя далъ образованіе, достигъ даже до того, что можешь пускать пыль въ глаза иному ученому, — какъ журналиста ловкаго, смѣливаго, готоваго, которой умѣешь выбирать для Русской нынѣшней публики пріятное и занимательное чтеніе, — какъ рецензента, которой смѣшно иногда шумить надъ дюжиною книжкою, — какъ читателя, понимающаго нныя хорошія мысли порознь, — какъ издаателя, которой даешь работу типографіямъ и бумажнымъ фабрикамъ, — но здѣсь и предѣлы его достоинствъ: не учившись классически, имѣя особенное устройство умственнаго организма, онъ не знаетъ и не можешь сказать ничего въ порядкѣ, связи, не можешь передать и чужихъ мыслей такъ, чтобы

первая не ссорилась у него съ третьюю, а вторая съ четвертою; прибавьте качества, исчисленные выше и являющіяся у него безпрестанно, почти во всякой строкѣ, и не удивляйтесь что всякой благой и умной читатель оштрашивается отъ его нестройныхъ воплей.

Пожалѣемъ, что дѣльная наша Историческая литература обезображивается такимъ чудовищемъ, какъ Исторія Русскаго народа.

Порадуемся, что нѣкоторая часть нашей публики дочла наконецъ несчастнаго Никонора и принимается за телеграфскія Исторіи.

Въ этомъ смыслѣ пожелаемъ отъ чистаго сердца втораго и третьяго изданія досужему автору.

М. П.

Иностранныя книги.

Des sciences occultes, ou Essai sur la Magie, etc. — О наукахъ таинственныхъ, или опыты о магіи, знаменіяхъ и чудесахъ, соч. Евгенія Сальверта, 2 т. Парижъ, 1829.

Множество странныхъ и таинственныхъ происшествій признаются у всѣхъ народовъ и во всѣхъ вѣроисповѣданіяхъ: ихъ привыкли почитать, особенно въ послѣднія времена, за обманъ и лицемерство, или пустыя мечты. Но Г. Сальвертъ, напротивъ, вѣритъ въ дѣйствитель-

ность явленій; только причины ихъ кажутся ему подозрительными или худо понимаемыми; онъ думаетъ, что сіи магическія явленія и сіи чудеса силъ сверхъестественныхъ, суть просто явленія съ запушанными причинами. И такъ съ помощію познаній и изученія онъ покушается объяснить ихъ, и показатъ, какъ люди, подвергавшіеся симъ испытаніямъ, или бывшіе свидѣтелями оныхъ, могли ошибиться; какъ нѣкоторые люди, бывшіе по большей части хранителями тайнъ и чудесныхъ преданій, сами не поняли ни естественныхъ причинъ, ни дѣйствій, посредствомъ которыхъ производили чудеса; какъ наконецъ могли они, безъ всякаго обмана, разсвѣтатъ ложныя мнѣнія о участіи силъ сокровенныхъ. Такое сужденіе, разсудительное и совершенно историческое, достойно ума безпристрастнаго и возвышеннаго: и оно сообразно съ вѣкомъ, въ которомъ живемъ мы. Нѣтъ ничего занимательнѣе, по нашему мнѣнію, какъ слѣдовать за сими мнимыми заблужденіями человечества, и видѣть; что въ самомъ дѣлѣ оно не было такъ обмануто и такъ лживо, какъ полагаютъ писатели послѣдняго вѣка.

(Изъ *Globe P.*.)

~~~~~

Обращаемъ вниманіе нашихъ читателей на Русскую статью о семъ предметѣ, помѣщенную въ Вѣстникѣ Европы, 24 Но 1829.

С М Ъ С Ъ.

*Прогулка Русскаго путешественника
по Помпеѣ въ 1829 году.*

(Окончаніе)

Возвращимся назадъ по этой улицѣ, пройдемъ триумфальныя большія ворота, мимо храма Фортуны, гдѣ была найдена статуя Цицерона, къ вратамъ *форума*. Во многихъ памятникахъ Помпеи вы замѣтите большое разрушеніе. Дѣло въ томъ, что изверженію 79го года, въ первый годъ царствованія Императора Тита, засыпавшему Помпею, предшествовало страшное землетрясеніе въ 63-мъ году при Неронѣ. Оно нанесло много вреда городу; нѣкоторые жители со страха удалились; другіе по любви къ родинѣ и собственности остались и не успѣли еще загладить слѣдовъ землетрясенія, какъ почилъ со всѣмъ стоимъ добромъ подъ лепломъ Везувія. Въ противномъ случаѣ Помпея предстала бы намъ во всей цѣлости, но зависливая судьба хотѣла не все передать попомству, кажется, съ тою мыслию, чтобы заславить человека ученіемъ и трудолюбіемъ ошгадать ея на вѣки сокровенное. Помпу-то въ Помпеѣ вы видите болѣе богатая

развалины погорѣлаго или опустошеннаго каменнаго города, изъ коихъ при помощи воображенія, мысли и труда, можете построить себѣ цѣлый, совершенно древній городъ и объяснить частную и общественную жизнь древнихъ въ ихъ взаимномъ отношеніи.

Есть два входа на форумъ; мы выберемъ большія триумфальныя ворота. Около другаго входа находящіяся стѣны, гдѣ нашли нѣсколько скелетовъ. Сколько воспоминаній и мыслей взорветъ вашу душу прежде нежели успеете вы осмотрѣть всѣ подробности форума. Вотъ великая сцена и средоточіе жизни Римской! Здѣсь всѣ сокровища искусства образовательнаго посвящены великой идѣ отечества.

Начнемъ же наблюденія. Здѣсь, напримѣвъ, прошу васъ увеличить размѣръ свой: вы среди зданій общественныхъ. Развалины сіи какъ богаты, что воображеніе легко можете воздвигнуть себѣ цѣлое. Вы увидите продолговатый четвероугольный портикъ изъ прочныхъ колоннъ дорическихъ, вложите на нихъ сіи падшіе коринты и на нихъ воздвигните легкіе ряды колоннъ Ионическихъ: тогда предстанетъ вамъ сіе нѣкогда шумное вѣче, или, говоря языкомъ сѣвернымъ, сія открытая зала совѣта народнаго. Въ самомъ дѣлѣ форумъ наружностью похожъ на наши торжественныя залы, усѣяванныя колоннами; но только раздвиньте этъ душные стѣны, снимите тяжкой пополокъ . .

Тогда получите приближенную идею о форумѣ, гдѣ небеса, ошколѣ испекающъ неизмѣнные законы челоука и государства, созерцали дѣло гражданъ, и внимали слову, свободно къ нимъ возносившемуся.

Въ оградѣ сихъ колоннъ и между ими виднѣе множество *пидесталовъ*, симметрично разсѣленныхъ. Нѣкогда они были украшены изваяніями усоншихъ почешныхъ гражданъ Рима и Помпей. Сии поборники блага общешвеннаго, завѣщавшіе народу или дѣла или рѣчи свомъ, и по смерти, въ изваянныхъ ликахъ, присуществовали при совѣшахъ народныхъ.

Но обойдемъ же весь форумъ: спорону нашего вшешвія примемъ за основаніе сего параллелограмма, прошивоположную за вершину, и бока въ длину назовемъ правымъ и лѣвымъ.

Почти всѣ зданія общешвенныя здѣсь были сосредоточены. Въ основаніи возвышался храмъ *Юпитера* или *казнохранилище народное* (*aerarium*). Богу боговъ вѣрена была свашыня сокровищъ общешвенныхъ; перуны Юпитеровы сперегли ее. По великолѣпнымъ мраморнымъ ступенямъ, прежде украшеннымъ статуями, вы входите въ каменную ограду храма, среди коей стоить *пидесталь*: здѣсь нашли сташую Юпитера и два скелета. Иные говорятъ, что эшо были воины, сперегшіе храмъ и не дерзнувшіе въ минушу всеобщаго бѣдствія измѣнить опщизнѣ. Лучше шакъ

думать изъ любви къ человѣчеству; но духъ Римской, не смотря на постоянство формъ ирружныхъ въ городахъ, уже ослабѣвалъ во время гибели Помпей. Врядъ ли идея отечества могла такъ побѣдоносно торжествовать надъ деспотизмомъ непреклоннаго Везувія.

На правомъ боку, черезъ нѣсколько лавокъ, обширный *храмъ Венеры*. И въ этихъ развалинахъ видна еще ясно прелесть зданія. Стѣны обширной ограды (*enceinte*) все расписаны. По ступенямъ, передъ коими стоялъ жертвенникъ, входите въ другую ограду, гдѣ находилась статуя богини. У ступеней лежитъ одна мраморная колонна прекрасной формы. Вообще замѣчу, что колонны храмовъ, посвященныхъ Венерѣ, всегда отличаются легкостью, нѣжностью искусства и выборомъ мрамора. Это красавицы между всеми колоннами. За сею внутренней оградой находится много комнатъ для жриць. Въ семь-то храмъ юныя дѣвы, обнаживъ свои прелести, хороводами славили богиню.

Небольшая улица, изъ которой входите въ сей храмъ, отдѣляетъ его отъ *Судилища народнаго* (*Basilica*). Здѣсь рѣшалась участь преступленія. Зданіе имѣетъ видъ храма. Передъ нимъ были фонтаны и мѣста для отдохновенія. Основанія недостроенныхъ колоннъ портика, вѣроятно сокрушенныхъ землетрясеніемъ 68 го года, знаменуютъ огромность какъ ихъ, такъ и всего зда-

нія : въ глубинѣ его возвышеніе, на подобіе ограды жершвенной во храмахъ ; передъ нимъ пѣдесталь статуи. На семь-то возвышеніи возсѣдали жрецы правосудія. Подъ симъ самымъ мѣстомъ, гдѣ изрекался приговоръ, находится подземные своды, куда приводили преступниковъ во время суда, шакъ что они могли слышать бесѣду своихъ судей и постепенно приготовлялись къ своему жребію. На стѣнахъ сего зданія найдено было много надписей, изъ которыхъ видно, что народъ позволялъ себѣ шушить надъ общесипвенными лицами и произносить свое мнѣніе письменно.

Вышедъ изъ трибунала, завернемъ на право въ домъ *Шампіонета*, шакъ названный по имени Генерала Французскаго, при которомъ его рыли. Онъ не великъ, но отличается мозаиками, удивительно разнообразными, и несравненнымъ видомъ на море и горы Кашелламаре. Здѣсь-то можно видѣть, какъ далеко ошхлынуло море, уступивъ землѣ часть своихъ владѣній. На мѣстѣ его влажнаго царства теперь простираются долины, устланныя хлопчатною бумагою.

На вершинѣ форума находятся три большія залы, вѣроятно *куріи*, шакже судилища вѣрошепенныя. Передъ ними, въ оградѣ колоннъ форума, противъ самаго Юпитерова храма нѣсколько большахъ и маляхъ пѣдесталовъ, на коихъ не нашли статуй. Вѣрошпно, землетрясеніе сокрушило ихъ и не успѣли еще воздвигнуть новыхъ. Это были статуи первѣйшихъ мужей оше-

чественной Истории. На одномъ изъ пьедесталовъ чашаеся имя Кв. Самюстія, гражданина Помпейскаго.

На лѣвой сторонѣ отъ восточной, приняшихъ нами за основаніе, обширной *Цантеонъ* или *храмъ Августа*, гдѣ жрецы, по совершеніи обрядовъ священныхъ, угощали народъ роскошными жертвенными пиршествами. Здѣсь найдены статуи Друза и Ливіи. Далѣе мѣсто или площадка Декуріоновъ, *храмъ въ честь Ромула и домъ, воздвигнутый жрицею Эвмахию*, въ которомъ былъ огромный прудъ съ чистою водою изъ фонтановъ, гдѣ жрецы и жрицы мыли одежды и бѣлье священное.

Прибавимъ еще, что форумъ огражденъ былъ триумфальными арками или воротами и желѣзными рѣшетками, что всѣ сіи здавія построены изъ кирпича и облицованы были въ бѣлой мраморъ шакъ, что весь форумъ съ своими колоннами представлялъ одно бѣломраморное цѣлое. Такъ было въ Помпеѣ: каково же величіе колоссальнаго Рима?

Осмолрѣвъ подробности форума, подойдемъ къ пьедесталамъ Помпейскихъ гражданъ, стоящимъ у вершины, и обратимся лицомъ къ востоку. Отсель мы видимъ весь форумъ; передъ нами храмъ Юпитера, а надъ нимъ, на горизонтѣ, возвышается широкой, полуотбитый конусъ Везувія дымящагося и гордо взирающаго на добычу, осыпашую имъ у времени. Отсель можеше видѣть

Куплеты изъ водевиля: Щедрый (*).

Офицеръ, возвращавшійся изъ Персидскаго похода, поётъ:

За честь Россіи шли мы дружно,
 Побѣда намъ была вѣрна,
 Опъ вась далеко вѣтеръ южной
 Делѣль наши знамена.

*

Ни горы дикаго Кавказа,
 Ни Грузіи палачій зной,
 Ни Мусульмане, ни зараза,
 Не ворошили насъ домой.

*

Впервые Русскаго солдата
 Балканъ надменный увидалъ,
 Святые берега Евфраша
 Впервые Русскій конь топталъ.

*

Гдѣ надъ землей едва рожденной
 Такъ пышно первый день разсвѣлъ,
 Тамъ горстью Русскихъ занесенной
 Напомнилъ Римлянъ нашъ орѣлъ.

*

(*) Достойный Аршинъ нашъ М. С. Щепкинъ пред-
 полагаетъ дать эцотъ водевиль въ свой бенефисъ.

Я видѣлъ Карсъ , гдѣ свиситъ каршечной
 Сулилъ могилы намъ однѣ ,
 Гдѣ Русскіе пошли безпечно
 По мосту страшному къ спѣнкѣ.

*

И гдѣ усяля врагъ гошовой
 Рядами пушекъ вышоту ,
 Гдѣ новыи шагъ велъ къ смерти новой ,
 Мы пѣли *по мосту-мосту*. —

*

И слышны были пѣсни эти
 Въ Адрианопольскихъ лугахъ :
 Тамъ полумѣсяць на мечешъ ,
 Тамъ наши ружья на спѣнахъ.

*

Тамъ кончились шруды похода ;
 Но скажутъ слово , мы пойдѣмъ
 И пѣсю Русскаго народа
 Въ спѣнахъ Царьграда запоѣмъ.

Н. Пасловъ.

Н е т е р п ѣ н і е .

Какъ близко счастье казалось предо мною!
 Какъ вѣжно мы свыкались съ нимъ! —
 О другъ мой! вѣчною враждою
 Ошныиъ я клянусь къ приличіямъ людскимъ!
 Чтoбъ угодить обрядамъ свѣта,
 Чтoбъ счастье роскошью ненужной озлопшиъ,
 Для эшоголь, скажи, любовь мою помиишь!
 А я — я не могу иначе и любишь,
 Какъ съ вешерпѣиємъ поэта.
 Такъ! я вешерпѣливъ! но чѣмъ виновень я,
 Когда душа моя
 Любишь спокойнѣе не можешь? . . .
 И радость и шоска равно ее превожиишь:
 Свѣшла какъ небеса, какъ моря глубь пемна,
 Всегда въ волненіи подобно какъ природа;
 Всегда, подобно ей, сама себѣ вѣрна,
 Ея законъ — одна свобода,
 Но жизнь ея — любовь одна!
 Не пребуй, чтoбъ была въ семь сердецъ пишина!
 Волканъ зашихнувъ на мгновенье,
 Сильнѣй бросаешь огонь въ минушы изверженья,
 И чѣмъ мрачнѣе ночь кругомъ,
 Тѣмъ ярче огонь сей пламенѣеть!
 Когда нибудь покой симъ сердцемъ овладѣешь,
 Но можешь бышь шогда, когда оно исплаѣешь
 Своимъ жѣ собственнымъ огнемъ!

М. Дмитриевъ.

Игра въ шахъ и матъ.

(Списано съ натуры).

Дѣйствіе въ Польшѣ, въ 1806-мъ году, въ богатомъ замкѣ Княгини *. Молодая, умная Княжна *Людвика* садится за шахматный столикъ съ *Миловымъ*, Русскимъ Офицеромъ. Чрезвычайно богатый Графъ *И.*, несчастливый соперникъ *Милова*, имѣя большой вѣсъ у родителей и въ домѣ, и пользуясь имъ, предоставляетъ себѣ удовольствіе, не оставаясь ошъ *Людвики* и мучить влюбленную чету всюю привязчивостію ревности. Теперь онъ слѣдитъ за игрою, вмѣшиваясь въ разговоръ *Княжны* и *Милова*.

К Н Я Ж Н А

(Послѣ нѣсколькихъ ходовъ видя, что *Миловъ* задумался):

Ну, выступайте же, пора!

Медлительность — не оспоружность!

М И Л О В Ъ.

Ахъ! еслибъ я имѣлъ возможность! . . .

О Н А.

У васъ прекрасная игра!

О Н Ъ.

(Посматривая, изкосясь, на *Графа*):

Но эшотъ слонъ! . . . . .

Г Р А Ф Ъ Н.

Онъ вамъ помѣха!

И, знаеше ли? . . . мой совѣтъ :
 Когда надежды больше нѣтъ ,
 Зачѣмъ же бышь предметомъ смѣха ?
 Не лучше ль иначе идти ,
 И безъ напрасныхъ мукъ и гнѣва
 Другіе выбирать пути ?
 Вамъ приглянулась *Королева* !
 Но по всему къ ней ближе *Слонъ*.
 И мудрено! . . .

М и л о н ъ (съ жаромъ).

Исчезнешь онъ! . . .

Надменный! — съ воли, по неволѣ,
 Онъ долженъ уступить мнѣ поле!
 И вошь — не заслоняй меня! —
 И бѣдень, но имѣю душу!
 И знатности твоей не шрушу:
 Иду. . . Погибни онъ коня!

(Береть слона конемъ).

К н я ж н а (грозя ему перстомъ).

Горячность! . . . Сыграножъ прекрасно!
 Дозволишь? — И я скажу:
 „Вамъ горячиться страхъ опасно!“

О н ъ.

Игрой я слишкомъ дорожу!

О н а.

Я чувствую. . . . Но осторожность!

Обдуманность пусть бышь должна!

Вспылишь . . . и потчасъ *цѣль* видна,

И къ доспигенію возможность

Уйдешь, какъ обольщенье сна! —

Графъ (*досадуя, но не понимая прѣлагаго смысла*)

Да! Да! Вотъ новая преграда:

Смотрите! Прошивъ васъ *Ладья*;

Нѣтъ, лучше *Башня* — стѣна ограда —

Ее звать буду *башней* я!

Опять *запала* вамъ дорога:

Какъ выдши? — Есть . . . , бывала примѣръ. . .

М и л о в ъ.

Будь честень! Уповай на Бога!

И хошь и бѣдный Офицеръ,

Собьетъ онъ башню. . . , Вотъ и сбилъ!

(*береть башню офицеромъ*)

(*Къ Графу*): Не правдала, ходъ удаченъ былъ? —

О н а.

Ходъ эпошь дерзокъ, но онъ милъ! . . .

Люблю ошпагу съ благородшвомъ!

Г р а ф ъ (*ревниво и подозрительно*).

Но ваша *худая* игра

Меня дивитъ какимъ-то сходшвомъ. . .

К н я ж н а (*остерегая взглядомъ Милова*).

Да, правда! . . . Кончишь намъ пора!

(*Значительно къ Милову*):

И такъ . . . послѣднее рѣшеніе !
 Когда ужъ, истощивъ шerpѣнне,
 Увидите ?

М и л о в ъ .

Я поперплю . . .

А шамъ *прямой*, кошъ скромной сшежкой

Иду я просто . . . къ *Королю* (*) —

И я ужъ шушь съ смиренной *пешкой*,

Но . . . (*ставитъ пешку противъ Короля*) важ-
 ной, можешь быть, въ *игрѣ*.

По отношеніямъ . . . Есть связи . . . .

Съ поддержкой, при иной порѣ,

Шагнуть и *пешкѣ* можно въ *Князи*.

(*Опомнись*).

Не то, просише ! разумѣль :

Про *Доведь* я сказашъ хошѣль ;

Про *Шагъ*, что дѣлаемъ порою,

Отважно пользуясь *игрою*.

О н а (*съ улыбкою*).

Рѣшимость вашу похваля,

(*Съ ней путь къ успѣху будетъ глаже*),

И по *игрѣ* вѣдь вамъ должна же

Пропивишься . . и *Короля* . . . .

(*Заслоняетъ Короля*)

(*) По предварительному условію, подъ именемъ Короля разумѣлась одна важная особа, покровительствующая Милову.

Г Р А Ф Ъ.

Ага! рокировалъ! . . . А Пешкѣ

Досталось больно по носамъ :

Вошь шакъ и на жишейской стезжѣ —

Не шановись не по гинамъ! . . . . .

(Встаетъ съ надменностію).

Игра окончена — и госпи

Всаяющъ изъ-за другихъ шоловъ,

И празды шахмашъ, каршы, косши. . .

Какъ старшій, зоркій пшицеловъ

Графъ Н. за ними примѣчаетъ,

Въ нихъ мѣшишь взглядомъ, ихъ слова

Толкуеть, шорожъ ихъ прилѣжный! —

Милость мой мучишься въ шоскѣ. . .

Но, мимоходомъ, што-шо вѣжно

Его пронуль. — Рука въ рукъ! . . .

Онъ понялъ, списнуль, поклонился,

Ревнивцу скучному слегка

Сказаль: „Пора!“ и распростился.

Идешъ. . . . бѣжишь . . . въ огнь рука! .

Онъ въ садъ. . . Темно! . . . Въ дали рѣка

Каскадомъ прыгая, кипѣла

И шуча черная одѣла

Пусшую неба вышиу. . .

Какъ вызвать онъ хошѣлъ луну!

Какъ онъ горѣлъ и надрывался! . . .

Огня по карѣмамъ не видать,

Мѣстетко спишь. Хошь пробивался,

Порой, какой-то зыбкій лучъ,
 Онъ пошчасъ подъ завѣсу шучь
 Опять скользилъ. Порывъ съ Востока,
 Полнеба жигонъ обнажилъ!
 Круглился мѣсяць одиноко
 И вдвое ярче засвѣшилъ:
 Миловъ чишаешь два . . . при слова:
 Мелькнула тѣнь . . . и скрылось снова. . . .
 Но вошь *шесть строгекъ* — и какихъ!
 Онъ угадавъ ихъ смыслъ . . . . и въ нихъ:
 „Богатый Графъ у ногъ моихъ,
 „А я въ шокѣ. . . на все готова!
 „Что дѣлать — дѣлай: я своя!
 „Не измѣню въ моемъ отвѣстѣ:
 „При нихъ, при немъ, при цѣломъ свѣстѣ
 „Скажу: „Его или нитя!“

Людвика.

Моя Людвика! онъ сказалъ,
 И брызнули ошь сердца слѣзы;
 Идешь. . . За нимъ мечны и грѣзы:
 „Или нитя!“ . . . онъ повшорилъ.

Ө. Глинка.

П Р О З А.

*Отрывки изъ Путевыхъ записокъ Ита-
лианской Тироли — Сѣверная Италия
Тоскана — Ниоба. —*

Италианской Тироли. Счастливы поютъ край, гдѣ цвѣты сосиавляютъ непрерывную цѣпь отъ весны до весны. Конечно зимняя гирлянда не такъ пушиста, не такъ пестра, разноцвѣтна, не такъ благоуханна, какъ во время царства солнца и любви; она тонѣе, она бѣднѣе, но крѣпка и вѣрна, какъ снѣбель плюща. Хладныя вѣтры ея качаютъ, но не прервутъ: такъ и въ жаркомъ сердцѣ страсти иногда утишаются, но не исчезаютъ; онѣ недоступны ни суетамъ, ни болѣзни, ни старости. Вѣрныя страсти, какъ сроднятся съ душой, могутъ превратиться ея въ пепель, но оставятъ ни когда.

Мы спускаемся къ Италиі; горы спановятся все огромнѣе, и какъ башни и стѣны возвышаются надъ виноградниками и плодовитыми садами. На кремнь высокомъ и прямомъ виситъ развалина замка, какъ орлиное гнѣздо, какъ замокъ Безымяннаго въ романѣ

Манзони. Можешь бышь, и здѣсь невнятная дѣва проливала слезы на четки коралловыя, клялась забыть обрученнаго, но Рыцарь жестокой нашелъ ли въ долинь втораго Боромея? —

Чѣмъ ѣдешь далѣе, шѣмъ болѣе прѣрода теряетъ свою жесткость; рѣки текутъ къ Ипалѣи свободнѣе, легче; нарѣчіе Германское сливается съ Авзонійскимъ; расшѣнія горныя срастаются съ благоуханными расшѣніями южными, цвѣтъ взоровъ превращается изъ небеснаго въ черный, какъ уголь; и смуглость лица, и богатство природы знаменуютъ одно и то же присутствіе жаркаго, дѣятельнаго солнца. Сельскія церкви, расшѣнія въ поляхъ, образа Святыхъ и Богоматери становятся изящнѣе, пещера и нелѣпость произведеній грубыхъ измѣняются въ простыя и пріятныя формы, и все предвѣщаетъ родину прекрасныхъ линій. Какъ непостоянно воображеніе челоуѣка! Огромныя горы, копорыми я долго восхищалась, мнѣ теперь кажутся шюрьюмою, и я скажу съ нашимъ Пушкинымъ:

Мнѣ душно здѣсь, я въ лѣсъ хочу!

но въ лѣсъ лавровый! . . . Вошь скалы становятся еще выше; камни, какъ черепы исполинскіе, основались на покашѣ крутыхъ горъ, глядишь и скре-

женушь на смѣлаго прохожаго. „Тупѣ горныя духи ихъ набросали,“ сказалъ намъ шамоннѣй жишель, и сказавши, прошель мимо ихъ спокойно.

Альпы возвышающяся за нами и грозно смопряшъ на красону земель Италіанскихъ, какъ Готы и Вандалы, когда съ вершинъ Ренійскихъ они пади какъ желѣзныя лавины.

Переходъ изъ Тироля въ Италію напоминаетъ мнѣ переходъ средняго суроваго вѣка въ изящный вѣкъ Медицисовъ.

Угловатая сухость очерковъ уступаетъ круглостъ сладострастной; природа сама естъ первый наставникъ граціи въ сей пластической землѣ.

*

Альпы бѣгутъ и синѣютъ, какъ туча, какъ тѣнь, какъ небо. За нами раздаются горныя припѣвы. Эхо и птицы Альпійскія, наставники шамонныхъ пѣвцовъ, повторяютъ за ними; но меня зовутъ впередъ другіе звуки, знакомые, родные, звуки арфы Марчелло! Запахъ розъ встрѣчаетъ меня; на всѣхъ розахъ: даже въ бѣлыхъ волосахъ веселой старухи качаются двѣ розы. Не такъ ли, какъ въ Кашемирѣ, здѣсь нынѣ празднуютъ рожденіе лучшаго изъ цвѣтущихъ?

*

Сѣверная Италія. Природа и воздѣлываніе — все въ Италіи согласно и плав-

нипельно. Гирлянды пройныя, много-
 сложныя, по обѣимъ сторонамъ дороги,
 висящя на деревьяхъ и сославляющя гу-
 пыя лиственныя сѣни. Онѣ обнимаютъ
 нивы, и межуютъ сосѣднія поля. Ко-
 нечно Шекспиръ здѣсь бы соединилъ хо-
 роводъ своихъ духовъ игривыхъ, ко-
 кругъ прихотливой волшебницы луговъ,
 и прихоши ея здѣсь бы умолкли. Царца
 и легкой дворъ ея, при свѣтѣ брилян-
 товой луны, шо засыпали бы въ ве-
 селии на эпихъ свѣжихъ качеляхъ, шо
 пробуждались бы для новыхъ наслажде-
 ній. Въ Виченцѣ имя Палладія одно
 гремитъ надъ будущими развалинами
 его зданій. Уже валящяся украшенія, ва-
 лящяся камни въ пезапрѣ, подражающемъ
 Греческимъ пезапрамъ; ныль поднимаеш-
 ся подъ стопами любителя художествъ;
 все брошено, все шемявешъ. . . . Одна
 вѣчномладая природа нѣжной рукой сво-
 ей неразлучно обнимаетъ изящныя ли-
 нии, и надъ разсѣкшимися карнизами шо
 вѣлешъ, шо горитъ. Такимъ образомъ
 малолѣтній внукъ многомыслящаго Гё-
 те ласкаетъ его и обвиваетъ главу съ-
 дую своими дѣтскими руками. —

Въ Эвганейскихъ горахъ покоитъ
 духъ Пешпарки. Тамъ онѣ доживалъ дни,
 посвященные любви, наукамъ и Поэзии.

Кшо сомнѣвается въ его спрасши
 къ Лаурѣ, шошъ не видалъ ни Воклюзы,

ни Лиля въ южной Франціи, ни Аркуа въ Падуанѣ. Преданія о его любви къ златовласой Авиньонской красавицѣ составляютъ цѣль романтическую и непрерывную: ошъ самыхъ горъ, сохраняющихъ фоншанъ Воклюзскій, испочиникъ поэтической спрасни, ошъ береговъ благоуханной Сорги, до уединенныхъ плодоносныхъ садовъ Аркуа, раздающа имени Пепрарки и Лауры. Жалю о шѣхъ, которые въ спрасинныхъ стихахъ его видяшъ шолько мечшанія Поэша. Сожалю о шѣхъ, которые въ нѣжныхъ выраженіяхъ Севиньи къ многолюбимой дочери читають пригошовленные письма для будущаго изданія. Сколь обижены природою всѣ шѣ, которые не понимаютъ нарѣчія сердца. *У меня болитъ твоя грудь*, пишеть маишъ къ больной дочери. Кто въ эшихъ словахъ не пойметъ неумышленного изліянія сердца? Какой праводушный читашель не увидишъ опчаянной спрасни въ стихѣ Пепрарки?

— *E duro campo di battaglia il letto. . .*

Оспавимъ тяжелыя и холодныя изысканія Историку и Археологу. Да и шѣ должны ли легкомысленно ошвергать національныя легенды? Ученые! не разорайте народнаго богатства, когда ничѣмъ не можете замѣнить его; о шомъ васъ просишъ и опечеснво и

Поэзія. Самъ мудрый Гёренъ пишущій объ ученомъ Нибурѣ, спаравшемся опрокинуть все принятое до сей поры въ Римской Исторіи: „Оспроша ума не всегда бываешь чувствомъ истины.“ —

Виченца и Падуа какъ будто задумчиво глядящъ на влажную Венецію, и ей приносятъ печальную, но драгоценную дань своихъ воспоминаній. — Венеція, нѣкогда гордая невѣста Океевна! Сколько разъ взоры мои обнимали твои лагуны, оспрова и гармоническія зданія! Какъ часто я лепала по твоимъ каналамъ и мечтала видѣть въ черныхъ, продолговатыхъ гондолахъ, по сны прошедшей твоей славы; по образъ скоропечныхъ часовъ живыхъ ночей Италіанскихъ! Волны морскія могутъ заливъ шебл, твои дворцы, твои храмы, смышь радужныя краски Тициана; но имя твое, Венеція, звучитъ на золотой лирѣ Байрона. Спихи великаго Поэта есть неприслупный, неразрушимый пантеонъ.

Тоскана. Вся Тоскана есть улыбка; все тамъ отвѣчаетъ взору вашему: мы довольны, мы счастливы. Берега Арно угощаютъ жинелей золотыми колосьями, чернымъ виноградомъ и пучными одивами. Такъ на Гораціевыхъ пирахъ плоды гнулись подь богатыми дарами

садовъ , и душистые цвѣтны вѣнчали наши пѣнистаго Фалерна.

Вся Тоскана — Виргиліева Эклога: Веселыя поселянки , черноглазныя , въ красивомъ убранныхъ , плешунъ солому , и готовящъ пѣ легкія шляпы , которыя имъ самимъ служатъ уборомъ , или отправляются въ дальные города спранъ заальпійскихъ . Здѣсь набрасываютъ онѣ легкую пѣтню на смуглое чело маломыслящей поселянки . Тамъ на главѣ сѣверныхъ златовласыхъ царицъ онѣ осѣняютъ высокія думы , и надъ ними вѣютъ гибкія перья бѣлаго лебедя , или зашипитъ райская птица . . . .

Ніоба. Древніе намъ оставили два мраморныхъ семейства: Лаокоона съ сыновьями и Ніобу , гордую мать прекраснаго племени . Ніоба стоитъ подъ дождемъ оспрыхъ спрыль; онѣ со всѣхъ споронъ вливающихся въ сына , въ дочь ; и мать получаетъ смерть въ каждомъ надѣ своемъ . Каждая рана на драгоценномъ пѣлѣ дѣшей ея ранишь глубоко ея душу , а она , подобно безсмертной , стоитъ не пронупая , и это одиночество ея перзаешь; Ніоба всѣхъ ищешь , зовешь , обнимаешь взглядомъ , хопѣла бы всѣхъ спасти , за всѣхъ погибнуть , или составишь изъ роковыхъ спрыль для себя и для нихъ одну смертную цѣдь . О какъ бы предпочла она смертъ

Лаокоона! Онъ погибаетъ, но вмѣстѣ съ дѣтьми; онъ спраждаетъ за нихъ и съ ними; ихъ вопль сливается въ одинъ вопль; змѣи обвиваютъ ихъ вмѣстѣ, и узломъ вѣчнымъ спягиваютъ и ушверждаютъ семейныя узы. Какъ море послѣ бури, чело опца еще носятъ слѣды ужаснаго спраданія; но онъ опчаялся въ жизни, въ немъ попеченія и заботы всѣ погасли. А Ніоба, въ полношѣ жизни и силы любви, все вдругъ шерлеть. Красота и бодрость, кошорыхъ она чаяла найпти безсмертными въ дѣтяхъ, валяпса вокругъ ея какъ легкіе цвѣтны, свѣваемые ввпромъ. Несчастливая! ввнецъ лавровый, кошорымъ ты гордо наряжалась, припянуль на тебя незапнаго перуна. Нескрывайся подъ покровъ матери, невинная! Мщеніе, сладоспращная радость безсмертныхъ, тебя и твоихъ избрало цѣлю спрѣль своихъ. Серебранный лукъ, пославшій смерть Пнеону, шеперь напянуль на тебя. Богиня ловипвы угощаетъ далекомещущаго брата новою охопшою; но дѣвы и юноши замѣнили оленей и кабановъ.

Дочь Ніобы! не взывай къ небу; опвѣпъ на швою молишву . . . спрѣла. Куда бѣжипъ сеспра швоя? Сгибны легкіе лепящаго хитона, какъ облако обвивающаго спанъ ея, не останавиптъ ли спрѣлы? Нѣтъ, — взоры лучезар-

ные ужь устремились на нее, и она пала, прозенная.

Не поднимай руки, не скрывай главы, юноша неопытный! Хотя бы плащ твой былъ щипъ желъзный, — и шупъ не спаси ему шею отъ гнъва безсмертныхъ.

Но какая участь ожидаетъ осиротѣлую мать послѣ гибели дѣшей? Жить ей не лъзя, умереть даже — мало. —

Живописный и глубокомысленный гений Грековъ вообразилъ для нея конецъ, сообразный съ ея безпримѣрнымъ несчастіемъ. Вопль и нареканія долго текли изъ устъ измученной матери, какъ лава кипящая; но вопль все погбло, все молчипъ: ужь спирѣлы не валяшся; гордая Ниоба спала матерью недвижнаго семейства . . . и замолкла какъ погасшій вулканъ: все волненіе, весь жаръ, весь огонь, все испощено ужаснымъ изверженіемъ. Она спощипъ оцѣпенелая.

Теплая любовь, взоры заботливые, страхъ и слезы, рѣчи грозныя и мука — все исчезло, окаменѣло. Одна гордость при ней: въ образѣ горы, увѣчанная цепломъ, Ниоба скрываетъ въ облакахъ свое пасмурное жерло. — Какая участь была бы приличнѣе для Ниобы? Кудабъ ей укрышся отъ Феба,

опъ проеликой Гекалы? — Дни, ночи, вселенная, наподнены пронзительными спрѣлами. Теперь, какъ курганъ, воздвигнушій въ честь своихъ чадъ, она стоить, одинокая, безчувственная, безплодная.

Несчастія Ніобы напоминающіи мнѣ приключеніе, случившееся на Черномъ морѣ, — недалеко опъ Одессы. — Живое описаніе прогашельнаго событія раздаешя еще и нынѣ въ моемъ сердцѣ. Тебя ль звали Греки госпепрїимнымъ моремъ? Зачьмъ же шупъ было нарушишь шебъ законъ свяшой? когда расшворяешъ влажныя свои двери госпямъ благочеспивымъ, запирай ихъ бурямъ и вихрямъ, а развѣ угощай ими шолько враговъ Россїи. . .

Жена Консула ^{***}, окруженная своимъ молодымъ семействомъ, благословляла въперъ попушншій, надувавшій бѣдые паруса и спремившій корабль къ желанному берегу. Ужь скалы Одесскія желнѣлись предъ глазами радостныхъ пушниковъ, хушора зеленѣли, и жизнь многоплеменнаго народа вспрѣчала ихъ послѣ долгаго спранспивованія по пушынной дорогѣ.

Вдругъ небо задернулось черной тучею; море посинѣло, и факелы небесныя засверкали вокругъ подвижнаго кашафалка, несшаго осужденныхъ на смерть. . .

Но мнѣ ли описывать вихри и кораблекрушенія? — Арфа Барда морей еще звучитъ надъ Океаномъ, и эхо всѣхъ земель, на всѣхъ царствяхъ, повсюду ржешь его бурные звуки. . . Предметъ моей повѣсти — мать и дѣти; скажу же я съ Корреджіо: *anch'io son' pittore*, и пишу смѣло. — Уже несчастная знаешь близкую погибель; она выбѣжала на палубу, дѣти за нею; въперъ рвешся въ плащяхъ, въ шелковыхъ власахъ невинныхъ, и лица ихъ поинужно ими заспилаются: — А мать, устремивъ на дѣшей взоръ прощальной, удаленъ по одежду, по власы, чтобы ни одна черта любимая не была скрыта отъ жадныхъ ея взоровъ. Ужасное движеніе корабля бросаешь ихъ на землю; онѣ вспаютъ и опять у мащери; но новый порывъ въпра ихъ опшолкнулъ и разогналъ; все вокругъ рвешся, ломается, прещитъ; вездѣ море, вездѣ смерть; но опять семья соединилась на трясучихъ доскахъ. Мать взглянула на чадъ своихъ, на пропасть, на небо, и въ душѣ ея вдругъ раздалось опчаяніе; но въ той же душѣ другой голосъ зазвучалъ и опвѣчаетъ любовью и молишвою. Три взгляда на дѣшей, на пропасть, на небо, опять помиривъ ее съ покорносщью.

„Умремъ вмѣстѣ!“ — кричитъ она; но вдругъ роковая волна ихъ разлучила; она бѣжитъ, ползетъ, бросается, хватается дѣшею, хотѣла бы во второй разъ заключить ихъ въ свою утробу... „Умремъ вмѣстѣ!“ повторяетъ она, — и вошь сбросила съ плеча свою длинную шаль, обвила ею дѣшею вокругъ себя, связала ихъ крѣпко, опоясалась ими, и улыбнулась. До послѣдней минутой, до послѣдней волны она молилась, — и бурный вракъ и гибель казались ей не страшны. Послѣднія слова ея были: „мы вмѣстѣ!...“

Три ангела земныхъ вознесли ее на небо къ Ангеламъ роднымъ и къ Машери небесной.

К. Зененда Волконская.

1829.

НАУКИ.

Исторія.

Физиологическія свойства человѣческихъ поколѣній, разсматриваемыхъ относительно къ Исторіи.

(Сообщено).

Долгое время Исторія была не что иное, какъ хроника сраженій или біографія Государей. При разсматриваніи ея въ семь пѣснѣмъ отношеніи, всѣ солдаты, сражавшіеся за одно и то же дѣло, или всѣ народы, находившіеся подъ однимъ правленіемъ, представлялись однородными массами; видѣли движенія сихъ массъ противъ другихъ подобныхъ, но рѣдко изучали ихъ внутреннее свойство и составъ. Время отъ времени нѣкоторыя особенныя обстоятельство обращали, правда, вниманіе писателей на различіе народовъ; такъ на примѣръ, во время Крестовыхъ походовъ увидѣли соединеніе разныхъ націй подъ однимъ знаменемъ и были поражены ихъ физическимъ различіемъ. Въ семь отношеніи вторая пѣснь *Освобожденнаго Иерусалима* есть документъ любопытный; поэтъ, являющійся здѣсь вспо-

рикомъ, болѣе шѣхъ, кои величаютъ симъ именемъ, описываютъ явленіе подищъ, собранныхъ подъ знаменами Готфрида Бульонскаго, и характеризуютъ ихъ физиогноміи такъ вѣрно, что народы, представленные въ сей картинѣ, по сіе время еще похожи на портреты, оставленные намъ Тасеомъ. На сей оныи смотрѣли почти просто какъ на пивническую живопись, и Исторія почтишла недоспойнымъ себя входить въ сіи подробности. Только въ наши времена начали чувствовать, во первыхъ, что Исторія должна быть собственно Исторіею народовъ, и потомъ, что въ народахъ, по видимому теперь совершенно однородныхъ, полезно изыскивать начала, изъ коихъ они составились. Два брата Тьерри ошлячили на семь подрищъ; они озарили новымъ свѣтомъ исторію Англовъ и Галловъ. Сюда по справедливости принадлежишь сочиненіе Едварда, изданное въ видѣ письма къ Амедею Тьерри, автору исторіи Галловъ.

Не надобно имѣть слишкомъ глубокихъ историческихъ свѣдѣній, чтобы знашь, что каждый изъ дѣйствующихъ народовъ Европейскихъ состоишь изъ амальгаци, болѣе или менѣе сложной, амальгаци попомковъ различныхъ народовъ. Для узнанія сего смѣшенія есть чешыре главныхъ средства, именно:

1. Документы историческіе, писанныя ли по или существующіе въ преданіяхъ. Сіе средство безъ сомнѣнія очень неважно: чрезъ него мы знаемъ, что великія нашествія измѣнили лице Европы, и инокшорыя подробности, правда, не слишкомъ вѣрныя, о странахъ, откуда, переселенцы вышли и гдѣ поселились; но, надобно согласиться, документы историческіе часто подробно разсказываютъ о сихъ выходцахъ и оппосишельно ихъ физическихъ формъ, числа, и особенностей въ ихъ обычаяхъ. Между тѣмъ, предполагая, что націи, принимавшія ихъ, были достаточны извѣстны, они упоминаютъ о нихъ только мимоходомъ: общоупительство, много опнимающее у прежнихъ повѣствованій о познаніи народовъ.

2. Изученіе языковъ служитъ вспомогательнымъ средствомъ для узнанія сходства между народами; уже счастливо воспользовались языкознаніемъ при сравненіи большихъ раздѣленій рода человеческого. Но какъ скоро надобно сдѣлать подраздѣленія, и припомъ пакія, кои существенно могли бы бытъ полезны для Исторіи Европы, то надлежитъ не только сравнивать языки первоначальныя, но слѣдитъ ихъ въ самыхъ частнѣйшихъ идиомизмахъ. Посему изученіе нарѣчій въ семь историчес-

пошь широкой выемъ, ошкуда онъ извергъ по-
шоки лавы и пепла, опалившихъ Стабію, Пом-
пею и Геркуланумъ (*). Какое высокое зрѣлище!
Какое наслажденіе подь вечеръ стоять здѣсь,
видѣшь сей форумъ и надь нимъ изрѣдка вспыхи-
вающее пламя Везувія! Какъ странно думать,
что каждый ничтожный обломокъ мрамора, по-
пираемый вами, нѣкогда былъ частію зтаго ве-
ликаго цѣлаго, передь кошорымъ благоговѣли гра-
ждане, какъ передь ихъ святынею!

Осшавивъ форумъ, перейдемъ двѣ улицы,
въ коихъ есть замѣчательные домики, ча-
стію однѣ маленькія комнашки, и приходимъ на
лѣво ко *храму Нептуна*. Эшо самое древнее зда-

(*) *Везувій*, прежде составлявшій одну огнедышущую
массу, распался по изверженіи 79-го года на 2 части,
изъ коихъ одна есть собшвенный Везувій, и домикъ
пылающій, а другая — *Сомма*, разрушившая помалу-
шые 3 города. Такимъ образомъ крашеръ его сдѣлался
меньше. Напрасно громогласные Французскіе путеше-
ственники называютъ его: *се géant au front majestueux*.
Онъ совсѣмъ не похожъ на исполина, и не столь
высокъ, сколько широкъ; онъ раскрылся къ низу.
Если Везувій гигантъ, чтожь будешь Эшня, вѣчно не-
крытая снѣгомъ? Конусъ его издали не кажется ши-
стѣлымъ, но пошь только унаешь его перпендику-
лярность, кто карабкался на крашеръ по камнямъ.
По изверженіи 1822 года онъ очень опустился. Дол-
жно думать, что онъ когда нибудь (можеть быть
скоро) изрыгнешъ всю свою огненную желчь, и ко-
шухнешъ, а на мѣсто жерла явится озеро съ водою
цѣлебною, въ шихихъ водахъ кошораго будешь сло-
койно глядѣшься небо, какъ глядѣлся оно въ озерахъ
Люкрицъ, Альдио и Аверно, нѣкогда пылавшихъ
волканами.

ніе Помпеи, приписываемое Этрускамъ, древнимъ обитателямъ оной; онъ мрачнѣе прочихъ храмовъ и построень изъ дикаго камня, какъ храмы Пестумскіе. Жаль, что останки его очень скудны; но нимъ однако видно, что это былъ портикъ почти шреугольной формы и въ срединѣ ограда жершвенника, фасада коей подпирали огромныя колонны.

Вдоль сей улицы находимъ школу съ чешвероугольнымъ портикомъ и каедрою по срединѣ. Она примыкаешъ къ небольшому храму *Изиды*, котораго цѣлое не замѣчательно, ибо загромождено зданіями, а части очень хорошо сохранились. Въ оградѣ каменный высокой храникъ или алтарь, внутри коего съ возвышенія раздавались пророчества для посвященныхъ. На задней стѣнѣ его была статуя Гарпократа, а сзади комнаты для жрецовъ. Здѣсь нашли скелетъ съ попоромъ, думаютъ, что это былъ жрецъ, въ отчаяніи хотѣвшій прорубить стѣну храма, ибо въ двери не льзя уже было выдти. На лѣво маленькое зданіе, гдѣ хранилась вода священная для очищенія и возлѣ жершвенникъ, на право колодезь и вблизи еще жершвенникъ, гдѣ ясно виденъ скамъ для спеченія крови. Во многихъ мѣстахъ храма другіе жершвенники; по же самое замѣчается и въ прочихъ храмахъ вышеописанныхъ.

Зайдемъ въ жилище *Ваятеля*, у коего нашли много статуй; вѣроятно отданныхъ ему на по-

чинку послѣ землетрясенія, и потомъ войдемъ въ *Театры*. Ихъ два: *комитеской или малый (синага .Одеонъ)* и *трагической или большой*. Оба сходны. Опишемъ большой. Форма его совершенно полукруглая. Мѣсто зрительей построено Амфицеатромъ (*), по которому возвышались мраморныя ступени, раздѣленные на три *разряда (cavea)* для Декуріоновъ и вообще высшихъ чиновниковъ, гражданъ и черни. Сверху для женщинъ крытая ложа, коихъ часть сохранялась. Между ступенями есть кой-гдѣ особая лѣстница, по коимъ можно было всходить на верхъ, не марая ступеней, Лавки такъ устроены, что можно сидѣть опустивши ноги и не касаясь зрителя, ниже вась сидящаго. Нижнія ступени гораздо шире и удобнѣе. На нихъ вѣроятно клались подушки (*bisellium*) или сплалась ковры для чиновниковъ высшихъ. Въ среднѣй Амфицеатра пустое, плоское полукруглое мѣсто, которое у насъ называется партеромъ, а у древнихъ именовалось оно *оркестромъ* или мѣстомъ хора и шацовщицъ. Около его-то на низшихъ ступеняхъ возлежалъ правительствственные чиновники. Въ семь театрѣ нашли костяной билетъ, въ кошоромъ виденъ нумеръ разряда и мѣста и названіе какой-то трагедіи Эсхила. Между амфицеатромъ и сценой съ обѣихъ сторонъ исходы (*vomitoria*). Сии двери сдѣланы сводами,

(*) Наши Университетскіе Паркасы дадутъ вамъ довольно объ этомъ.

съ коихъ ведутъ лѣстницы на сцену. У сцены по нашему, а по Римски у передсенія (proscenium) видны 7 мѣстъ для музыкантовъ (timelici п. е. нашъ оркестръ), изъ коихъ среднее полукруглое, а прочія четверугольныя. Между сценой и сими мѣстами пустою промежуткомъ для занавѣса (scenae frons), который изображалъ предметъ представленія и употреблялся на оборотъ нашему, п. е. одускался внизъ, когда открывалось зрѣлище. Сцена на 5 фузовъ была возвышена надъ землею. Она несо-размѣрно болѣе въ ширину, чѣмъ въ длину, опять совершенно обратно нашей, которая длиною превышаетъ ширину (*). Полу не нашли, одна земля теперь на сценѣ. Неизвѣстно, было ли подполье для машинъ, только это невѣроятно. Сцена преграждена стѣною, построенною совершенно въ родѣ нашихъ церковныхъ иконостасовъ; она изъ кирпича, но по гвоздямъ видно, что вся обита была мраморомъ, такъ какъ и вся внутренность театра; въ срединѣ большія двери (Regia) для важныхъ лицъ, какъ то царей, а по обѣимъ сторонамъ малыя (hospitalia) для жителей города, въ коемъ дѣйствіе происходило, и чужестранцевъ. У среднихъ дверей, немного углубленныхъ, по бокамъ круглыя пѣдесталы для статуи. Въ про-

---

(*) Это замѣчаніе важно: оно объясняетъ мнѣніе Шлегеля о представленіяхъ драматическихъ у древнихъ, и изъ него выводится ясное различіе оныхъ отъ новѣйшихъ.

стѣнкахъ, выдавшихся впередъ, ниши для статуи. По концамъ сцены два сѣдалища, вѣроятно для начальника зрѣлищъ и музыки. За стѣною, кошора вѣчно была неизмѣняема, и слѣдовательно глубина театра (le fond de la scène) вѣчно представляла одно и тоже, находится засценіе (postscenium), очень узкое, гдѣ пребывали актеры, дожидаясь выхода на сцену. Тутъ, можетъ быть, ставились какія нибудь декорации, хотя въ театрѣ не нашли никакихъ признаковъ декораций и машинъ. Съ засценія посредствомъ крыльца выходили вонъ. Театры древнихъ были какъ храмы, а очарованіе театральное, судя по зданіямъ, вовсе было имъ незнакомо или условливалось возможностью. Все происходило подъ открытымъ небомъ, какъ и самая жизнь древнихъ. Крышь въ театрахъ вообще не было; хотя говорятъ, что маленькой театръ былъ покрытъ, но большой не имѣлъ кровли: колонны въ немъ не видно, а безъ нихъ нѣтъ средства поддержать такой большой сводъ, да и въ маломъ это едва вѣроятно. Отъ дождя и солнца навѣшивали большіе паруса. Орудія и декорации вѣроятно замѣнялись, какъ въ ваяніи, условными символами; на пр. углубленное мѣсто между сценою и амфитеатромъ представляло Спиксъ или адъ, и оттуда являлись тѣни умершихъ или подземные боги, а съ спупеней, ведущихъ съ ворошь на сцену, не являлись ли боги Олимпа? — Для слуха театръ устроенъ превос-

ходно: мы съ товарищами оглашали сцену Латинскую стихами Русскими, и во всѣхъ углахъ были слышны ясно всѣ слова при самомъ стихомъ произношеніи. Вообще, признаюсь, такое усшрое- ніе театра во многихъ отношеніяхъ лучше душ- ныхъ зрѣлищъ новѣйшихъ. Какъ-то душъ свобод- нѣе; передъ вами высокія горы и море; обернешесъ назадъ — пылающій Везувій! Все эшо располагаетъ душу къ возвышеннымъ зрѣлищамъ Поэзіи.

Мимо малаго театра, иначе именуемаго Оде- ономъ, который, какъ сказали мы, весьма мало ошличенъ ошъ большаго, мы входимъ въ солдат- скія казармы, а по другимъ мнѣніямъ, не сколько правдоподобнымъ, на торжище народное: видимъ большой четверугольный дворъ, вокругъ колонны и маленькія тѣсныя комнашки, гдѣ жили воины Помпеи. Въ одной изъ нихъ видно желѣзное орудіе, въ родѣ колодки, кошорымъ наказывали виновныхъ, запирая одну ногу. Въ эшой шюрмѣ нашлись скелешы.

Все пространство, заключающее форумъ, те- астры и прочія зданія общественныя, можно обой- ти въ $1\frac{1}{2}$ часа и осмолрѣть подробно всѣ частши. Замѣчательно, что всѣ общественныя зданія были сосредоточены почти въ одномъ мѣстѣ. Во всемъ эшомъ пространствѣ содержащся болѣе 840 ко- лоннъ. Опять повшоряю: шакова Помпея, чтоже Римъ?

Вопь и конечно наше гулянье по городу, друзья мои. Не болѣе какъ въ 3 часа можно обойти и осмотрѣть все, мною вамъ показанное; но это одна пятая часть Помпей. Для совершеннаго осмотра крышя оной потребно около 3 милліоновъ франковъ. Правительство Неаполитанское ежегодно на сіе употребляетъ, какъ и на поддержаніе древностей уже открытыхъ, 25,000 ф.

Еще прошу васъ сдѣлать нѣсколько шаговъ до амфитеатра, который менѣе полверсты отъ Помпей. Онъ удивительно дѣлъ. Какая прекрасная овальная форма! Какое положеніе! Это амфитеатръ — въ амфитеатръ горъ. Мраморныя ступени такъ чисты и цѣлы во многихъ мѣстахъ, что какъ будто вчера только Помпейцы его оставили. Здѣсь-то очень ясно видны три разряда (субеа), о которыхъ поминали мы выше: нижній (infima) — почетное отдѣленіе для Думвировъ, Декуріоновъ, Прокопсуловъ, жрецовъ и проч., средній (media) — для почетныхъ гражданъ, и верхній (summa) для черни, а сверху крышя ложи для женщинъ. Въ немъ могло заключаться 20,000 человекъ: онъ ровно четверть колосса Римскаго, заключавшаго въ себя 80,000. Онъ имѣлъ 40 выходовъ большихъ и 57 малыхъ, и въ 2 минуты съ $\frac{1}{2}$ всѣ 20,000 зрителей могли выйти, полагая по секундѣ на каждаго. Сойдемъ внизъ на ту арену, гдѣ нѣкогда лились потоки крови человѣческой въ ошраду народу свободному.

Какъ пріятно именами Русскими огласить ея стѣны или мраморныя лѣшвицы. Эхо вняшно ихъ повшоряетъ. Вотъ на лѣво шѣсный проходъ, откуда выводились звѣри. Кругомъ всего амфитеатра своды, подъ коими можно гулять, укрывшись отъ палящаго солнца. Помпейской амфитеатръ относится къ Колизею, какъ прекрасное къ величественному. Но первый сохраненъ лучше. Нужны были руки новѣйшія, чѣмъ поддержать величіе послѣдняго; земля не могла бы въ продолженіи вѣковъ сносить сего тяжкаго гнганта, еслибъ человекъ не пособилъ ей; она уже начала опускаться его въ свои нѣдра; но амфитеатръ Помпей лежалъ спокойно подъ пепломъ Везувія, теперъ блистала бы въ совершенной цѣлости, еслибъ завистливые современники не нарушали святыни древней.

Друзья мой, прогулка кончена: ели упомянулись, простите вашему другу любви къ древностямъ. Изъ амфитеатра идемъ мы опять мимо Помпей, а вѣдь грустно, право грустно ее оставить. Вступимъ снова въ . . . казармъ. Взгляните, посреди ея — семья плакучихъ ивъ печально . . . свои листвяные наклоны, вокругъ одинокихъ колонъ, разрозненныхъ временемъ, которое скинуло съ нихъ соединявшіе карнизы: вотъ цвѣтущій памятникъ надъ прахомъ Помпей! Войдемъ же подъ гостепріимный навѣсъ его, да отдохнетъ вашъ умъ отъ шѣхъ подробностей, которыми, можетъ быть, я упомянулъ его вниманіе, да отдохнетъ и забудетъся на зыбкомъ сладострастномъ лонѣ мечтны, любовницы развалины.

Римъ, 1829.

Шевыревъ.

Изъ частнаго письма. Римъ. 21 Ноября. Зимъ вошь у насъ какал: я сей часъ ходилъ въ одномъ сюртукѣ, и шо немного вспотѣлъ, а вы я думаю всё въ сибѣгу. Сибѣгу мы видимъ здѣсь только издали на горахъ Сибирскихъ; мнѣ это очень пріятно, какъ будто вы не далеко моя сибѣжная родина. Римъ къ зимѣ постоянно оживляется. Да какал здѣсь зима? — Это лихорадка природы: черезъ три дни а иногда черезъ недѣлю бываешь ознобець, а шамъ и прошло. За шо ужъ дѣшомъ какал горячка! какой жаръ! языкъ засыхаетъ у природы, она пощаетъ, худѣетъ, сохнетъ . . . ко леска и осень! съ шерстянѣемъ жду весны Италіанской! теперь здѣсь носятъ Рождественской, вездѣ вечера музыкальные. Посланникъ нашъ недавно давалъ балъ, который былъ очень оживленъ. Гостей было много; всё языки раздавались въ залѣ: Италіанской, Французской, Русской, Польской, особенно Англійской и даже Испанской. Предъ всѣми оспалчалась красотою одна Польшка: ее всё въ одну голось превозносили. Надъ Англичанами здѣсь много смѣюшся, одни оригинальнѣе другого. Изъ нихъ дѣлають славныя каррикатуры и продають. Италіанцы мастера смѣишся. Здѣсь танцують только вальсы и Французскія кадрили, да мазурку изрѣдка. Молодыя дѣвушки не вальсируютъ, а особливо Францужевки; Англчанку незнакому нельзя позвать на танцы: такъ разсердишся, что и не уйдешь. Надо непремѣнно ей предшавить кавалера и расскажашъ всю родословную. Есть хорошенкія Англчанки, но дурныхъ больше. Здѣсь моды все à l'antique, à la Pompadour, браслеты изъ мозанковъ, изображающихъ древности Римскія, только все очень дорого. —

Сынъ Екс-Королевы Голландской, учился по Русски и говоритъ немного. Онъ, сказывають, пактретъ вступитъ въ Русскую службу, пошому что для фамилік Наполеона закрыты всё Дворы, а нашъ Дворъ одикъ отличается великодушнѣемъ благороднымъ.

Въ домѣ у Королевы Горшензи я видѣлъ Жерома Бонапарше, который имѣетъ фамильное сходство съ братомъ, но прочемъ физиогноміи незначительной. Семья Наполеона расточена по Италіи. Здѣсь ей одло прибѣжище. Сюда пріѣхало еще семейство Дюка де Ровиго.

У насъ теперь Русская обѣдня — и мы очень шому рады: всякое воскресенье молился по Русски. Въ чужихъ краяхъ это большая ошрада. N. N.

П Р А В Ы.

Московскіе ряды.

Московскіе купцы жалуются на упадокъ торговли. Эти жалобы справедливы ; если будемъ судить по числу пропоторговавшихся. Несостоятельные плашельщики ; обманутые займодавцы ; полувѣсковые конкурсы, милліонщики - ростовщики и нищіе капиталисты временъ оныхъ ; попадающіеся вамъ на каждомъ шагу въ Москвѣ, свидѣтельствуютъ , что торговля наша имѣетъ болѣе жертвъ , нежели прочіе промыслы и прочія занятія человѣческія. Это явленіе подшверждается благоденствіемъ жидовской фаланги кураторовъ ; долгого расплодившейся ; что они почти образовали изъ себя новой классъ въ общемъ народонаселеніи столицы. Подобно вранамъ , слетающимъ на трупъ ; выгнанные изъ службы подьячіе ; навоспрившіеся около нихъ польно - отпущенники *добрыхъ баръ* и всѣ люди безъ состоянія ; но съ жадностію чужой до собственности, но съ мастерствомъ вкляивать крючки въ дѣло ясное , наперевывъ другъ передъ другомъ втирающія въ конкурсы. Званіе куратора сдѣлалось наследственнымъ къ гибели — несчастныхъ банкротовъ ; и съ новой добычей возрастаютъ новыя вѣтви эшаго ненавистнаго полипа. Между тѣмъ вѣчное движеніе экипажей и пѣшеходцевъ около , такъ называемаго *Города* ; стеченіе народа въ Московскіихъ рядахъ , требованія покупающихъ ,

чувствительность продающих и примѣтно увеличивающееся богатство иныхъ купцовъ, составляли для глазъ наблюдателя живую и весьма пріятную картину, громко вишійствующую за возрастающей успѣхъ нашей столичной торговли. Такіе противоположные виды, изъ которыхъ каждый представляетъ доказательства, заимствованныя изъ опыта, породили во мнѣ мысль, что попросту состояніи торговли Московской, какъ и всего человѣческаго, зрѣющаго ошъ времени и людскости, не должно бытъ рѣшенъ по количеству обогатившихся, или проторговавшихся купцовъ. Москва не бѣдна жишелями, слѣдовательно богата потребляющими; гдѣ умножаются потребности, тамъ промышленность, имѣ удоблетворяющая цвѣтеть. Успѣхъ, или паденіе капиталистовъ, вѣтрившихъ ей свои сокровища, зависятъ ошъ искусства и степени просвѣщенія, громко предъявляющаго нынѣ права свои на участіе во всѣхъ дѣлахъ человѣческихъ. Нѣсколько разъ по цѣлому дню гуляя въ рядахъ, замѣчая продающихъ и покупающихъ, цѣль наблюденій моихъ и результаты оныхъ остающаея пока моею собственностію; но для любознанныхъ описываю здѣсь одинъ изъ дней, проведенныхъ мною въ городѣ. День московскаго купца начинается поздно, оканчивается рано. Въ шесть часовъ утра въ городѣ вы не увидите никого изъ торгующихъ, — только однообразные шаги рядскихъ сторожей возмущаютъ шипяву

лавокъ; къ семи часамъ начинаютъ сходитьсь къ отправленію своей работы, такъ называемые мальчики, потомъ сидѣльцы и наконецъ прикащики богатаго купца. Никто изъ этихъ аспирантовъ торговли не решившись къ своему дѣлу. Добрый часъ пройдетъ въ шуткахъ, хохотѣ, плоскихъ островахъ, борьбѣ и разсказываніи анекдотовъ, прежде нежели загремятъ ключи и засовы. Цѣлый часъ пошомъ разнощики съѣшнаго перезывающа изъ лавки въ лавку, такъ что невольно подумаешь: вѣрно ряды были осаждены неприятелемъ и жишли оныхъ заморены голодомъ. Къ десяти часамъ дрожки, рессорныя шележки и другіе экипажи, на упитанныхъ лошадяхъ, начнутъ свозить упитанныхъ капишадистовъ. Въ восемь часовъ вечера въ рядахъ пусто, темно и тихо, какъ въ могилѣ. Не говорю ничего о полуденномъ времени: наши купцы и кліенты ихъ за обѣдомъ любяшъ прохладу и обидыхъ послѣ такого великаго подвига. Покупатель непременно долженъ сообразоваться съ обычаями продавцовъ и размѣрять свои нужды по времени дѣятельности послѣднихъ. Но бываютъ потребности въ товарахъ, неперпящія проволочекъ, несвоевременныя, внезапныя, непредвидѣнныя; удовлетворенія онымъ нуждающійся долженъ искать не въ рядахъ, следовательно не въ рядахъ надобно искать и плѣхъ денегъ, которыя издержитъ онъ въ подобныхъ случаяхъ. Эта пошеря, для Московскихъ купцевъ, по видимому неважная, от-

строила Кузнецкій мостъ, увеличила магазины ино-
страницей, приучила Русскихъ къ непомѣрнымъ цѣ-
намъ ихъ и пятою долею увеличила прибыль Париж-
скихъ колоній въ Москвѣ (*); но въ этомъ ли одною
заключаются потери нашихъ купцевъ?

Вы хотите видѣть пародію нравовъ? сту-
пайте въ Московскіе ряды; но возьмите предо-
сторожность: при первой надобности укройтесь
подъ стѣною лавки знакомаго вамъ купца, иначе
изъ зрители сдѣлаетесь актеромъ. Занавѣсь под-
нявъ: вы слышите ошдаленные и поневяскіе го-
лоса мальчиковъ, имъ вторяшь голоса сидѣльцевъ
не дѣтскіе, однакожь еще не получившіе полного
образованія, наконецъ возмужалые звуки покрыва-
ютъ сей нестройный хоръ — это прикащики.
Картина, какъ въ фаншазмагорическихъ предста-
вленіяхъ, къ вамъ приближается и становится
явственнѣе. Вось идетъ задумчивый и порядочно
одѣтый господинъ, преслѣдуемый огромною стаею
рядской сволочи, наперерывъ желающей замани-
тъ его въ свои лавки съ увѣреніемъ, что въ
нихъ *все есть*. Посмотрите, какъ изображаешь
негодование на лицѣ господина, какъ затыкаетъ онъ
уши, какъ ищетъ средства ускользнуть отъ на-
пасти. Все напрасно: онъ ужъ въ кохтяхъ про-

(*) Въ этомъ нельзя согласиться безусловно. Купцы
уходя обѣдаютъ, почти всегда оставялюшь сидѣльцовъ.
Причины успѣховъ иностранныхъ торговцевъ изда-
лека идутъ. Пр. сообщившаго.

ворнаго врага, онъ долженъ покупать и, *poisens volent*, спрашиваетъ сукна, а ему показываютъ синецъ, ибо въ этомъ ряду суконъ нѣтъ. Посмотрите, какъ онъ вскакиваетъ со стула, на которомъ хопѣлъ было опдохнуть, какъ проворно бѣжитъ изъ рядовъ; однакожь вы успѣли прочитатъ въ глазахъ его торжественную клятву: никогда не заходить въ Русскія лавки. Въ теченіе цѣлаго лѣтняго дня эта картина возобновляется безпрерывно и представляется для васъ въ тысячѣ измѣненій. Что покупаетъ господинъ? Что угодно господину? Матушка, барыня, сударыня! пожалуйте къ намъ: у насъ все лучшее и сходное! Вамъ угодно гарусныхъ жилетовъ? Не прикажете ли бѣлаго пекера? Вы спрашиваете полощень? Вашъ крики, которые вы на минуточку не запираете въ рѣдахъ. Оставимъ кричатъ рядовичей и займемся наблюденіями на сценѣ ихъ дѣйствій. Пожилая женщина, весьма порядочно одѣтая и провожаемая ливрейнымъ зѣвакою, въ первой разѣ заѣхавшимъ въ Москву, привлекаетъ ваше вниманіе. Какая женщина не любитъ нарядовъ? Какая Еввина внучка не кланяется имъ значительною частію своихъ настоящихъ доходовъ, а не рѣдко и будущихъ? Новая знакомка наша экономнѣе другихъ: наслышавшись отъ деревенскихъ сосѣдокъ своихъ, побывавшихъ въ передѣлѣ у Француженокъ, объ искушеніяхъ Кузнецкаго моста и подводныхъ для кармана камней этой Сциллы, она рѣшилась справить всѣ ко-

купки свои въ Русскихъ рядахъ. „Въ нихъ можно пошорговаться,“ думаешь эша госпожа, „и досташь все необходимое почти даромъ. Француженки такъ сѣсивы, что и говоришь не хощашь; а наши голубчики сами навязываются съ товарами, показываяшь всю лавку и рады болтать съ утра до вечера.“ Барыня неошиблась: ее окружили въ Городѣ, ей всѣ кланяются, всѣ зовуть ее къ себѣ. Глаза разбѣжались у бѣдняжки: вездѣ хорошо и если бы денежки, такъ скупала бы она цѣлый Панской рядъ. Не знаемъ долго ли бы продолжилась эша нерѣшимость, еслибъ ловкой и удалой прикащикъ не вздумалъ разрубить Гордіева узла: сюда пожалуйте, сударыня, вы здѣсь изволили покупать, и безъ околичностей подхватили онъ эту несчастную подъ руку: она въ его палаткѣ. Сначала надобно было пересмотрѣть все, что есть, потомъ покупать, что нужно: „По чемъ аршинъ голубаго пальмерьеню?“ Эшо самый модный цвѣтъ и какъ будто нарочно слѣдаль къ вашему лицу. Вотъ ошпатакъ: 19 съ половиною аршинъ. „Мнѣ нужно шолько 15.“ — Извольте — для васъ опрѣжемъ и 15. „По чемъ аршинъ — я хочу знать?“ Последняя цѣна 5 рублей на ассигнаціи. „Какъ дорого: подва нельзяли? Съ полтиной?“ Никакъ нельзя. „По три?“ Вы требуете невозможнаго. „Да скажишь ли наконецъ последнюю цѣну?“ Последнее слово 4 рубл. монетою, если изволише взять весь остатокъ. „Такъ и бытъ: дамъ по 4 рубли; но ты за эшо

уступи мнѣ помаринна безъ плашы.“ Хоть и не сходно, да смѣю ли я спорить съ такою печенною и прекрасною госпожею. — „Для отдѣлки пальмерьевега платья мнѣ нужно подѣ цѣвъ ашласу 5 арш.“ Какой деликатный вкусъ у васъ! Нѣкоторые отдѣлываютъ голубой пальмерень шелковой бахромою; но это совершенно не прилично. Что лучше ашласа подѣ шѣвъ, пристанеть къ голубому цѣвъу? Вошь пяшь аршинъ и три четверти голубаго ашласа; послѣдняя цѣвна по 6 рубл. „Сдѣлай дружбу, голубчикъ; уступи мнѣ какъ уступилъ остатокъ пальмереня; что тебѣ стоить для начала знакомства пожертвовашъ какии нибудь аршиномъ?“ Вы, сударыня, прѣбуете многого „Пожалуйста.“ Такъ и бытъ: вошь вамъ весь остатокъ ашласа, жершвую прѣмя четвертями — только для васъ, сударыня. — Нашла коса на камень, подумаете вы, замѣтивши настойчивость покупщицы и уступчивость продавца, жершвующаго своими выгодами для угожденія женщины, ему незнакомой. Успокойтесь; Пальмерень вездѣ продается по 3 рубли за аршинъ; сдѣдовашельно даровой кусочикъ обошелся нашей модницѣ въ 19 рублей; голубой же ашласъ для отдѣлки покупается по 4 рубля, стало уступаема 3 четверти увеличили 10 рублями расходы барыни и приходы прикащика. —

Изъ новой и прекрасной англійской кареты выпрыгнула молодая прекрасная женщина и поч-

ши вбѣжала въ одну изъ богатѣйшихъ лавокъ. Вы узнали ее: это графиня Линская, получающая до шрехъ сотъ тысячъ рублей годоваго дохода. Хозяинъ лавки тихонько изъ нее выбрался, сдѣлавъ знакъ своимъ прикащикамъ. Прелестная Графиня выбравъ для себя кучу моднаго и лучшаго, приказываетъ внести цѣну въ общій счетъ, а товары отнести въ карету. Сидѣлецъ съ почтениемъ докладываетъ Ея Сіятельству, что хозяинъ нѣтъ въ лавкѣ, а безъ него нельзя отпустить въ долгъ ни на полушку, потому что первое число мѣсяца не далеко; а съ нимъ и ошчетъ по лавкѣ. Какъ ярко отразилось негодованіе въ прелестныхъ глазахъ Графини! Она ушла изъ лавки проворнѣе, нежели вошла въ нее. Въ эту же лавку явилась женщина, порядочно одѣтая, въ сопровожденіи служанки. Онѣ пришли пѣшкомъ — это видно по лицамъ ихъ. Въ одну минушу прикащикъ отпустилъ имъ на пять сотъ рублей товару и безъ дальнихъ разспросовъ занесъ счетъ въ долговую книгу. Вы заглянули въ нее и увидѣли, что пользующаяся такимъ кредитомъ женщина, есть артистка одного изъ Московскихъ театровъ. Это васъ удивило? потребуйте объясненій отъ прикащика и онъ вамъ скажетъ, что артистка ежемѣсячно уплачиваетъ свои счета изъ умѣреннаго жалованья и ежегодно очищаетъ всѣ свои долги послѣ бенефиса; а Графиня, при всѣхъ своихъ доходахъ, семь лѣтъ и слышать не хочетъ

объ удовольствованіи деньгами пѣхъ, которые вѣрили ея Сіашельсшву. Кто эта плотная, но молодая дама, которая потребовать свои счетъ, почти безъ разсмотрѣнія заплашила по оному двѣ тысячи пять сотъ рублей и на такую же сумму валичныхъ денегъ взяла разныхъ шоваровъ? Она должна быть весьма богаша! Справшесь и узнаете, что эта госпожа девять лѣтъ назадъ была горничною Княгини Таринской. У нее нѣтъ ни домовъ, ни деревень, но есть мужъ, который служишь Секретаремъ и получаешь двѣсти пятьдесятъ рублей въ годъ жалованья. — Наблюдая надъ покупающими, конечно вы не забыли, что и сами нуждаешесь въ бѣломъ канифасѣ. Вы спрашиваете, что стоитъ аршинъ онаго? Три рубли. Вы идете прочь отъ лавки, слыша такую неслыханную цѣну; но купецъ васъ ошанавливаетъ и говоритъ: “извините, сударь, я вижу, что вы торговаться не любите; не обвиняйте же и насъ за такой обычай: насъ пріучили къ нему неразумительные покупатели. Клянусь созвѣстью, что не возьму съ васъ лишней полушки. Вотъ фактура: аршинъ канифасу обошелся мнѣ по 1 р. 40. к.; согласны ли вы дать по 1. р. 50. к?” Какъ не согласиться! Вы купили и у самой лавки встрѣчаетесь съ пріашелемъ, который держитъ въ рукахъ точно такой же канифасъ; но онъ плашилъ за аршинъ по рублю съ гривной. Вамъ сдѣлалось стыдно, но продавшій вамъ канифасъ ни крошечки не стыдился, хотя

ошь слова до слова слышалъ вашъ разговоръ съ пріятелемъ. Укроемъ ошь насмѣшниковъ, кошорыхъ развеселила ваша неудача! — Пойдемъ наблюдать въ другія лавки; между пѣтъмъ заглянемъ направо: наша прекрасная Графиня кажется нашла кредитъ у эшаго купца. Какъ мнѣ жаль его; онъ весьма добрый и образованный молодой человекъ. Теперь ему непонятно, ему невѣроушно, что бы можно было занимать и не платишь; но скоро горькій опытъ научить его: сперва не получалъ отданнаго въ займы, а потомъ не отдавалъ того, что онъ самъ по векселямъ долженъ. Въ эшомъ ряду, въ которій теперь зашли мы, не видно ни хозяевъ, ни прикащиковъ: одни мальчики османавливаютъ прохожихъ. Посмотрите хорошенько на угольную лавку съ лѣвой стороны: мальчикъ, изогнувшись дугою и прижавъ скинутую шляпу къ правому виску, что-то лепечетъ этому разстѣянному господину; подойдемъ ближе и послушаемъ. А! онъ какъ по книжкѣ — высчитываетъ находящіяся въ его лавкѣ повары. Вычисленіе кончено, онъ надѣваетъ шляпу, отворяетъ двери въ лавку, пробирается за стойку и мѣряетъ Голландское полошнo для эшаго Господина. Расчетъ конченъ, Господинъ ушелъ, мальчикъ кладетъ деньги въ ящичекъ, но десять рублей припрятываетъ въ свой карманъ. Десять рублей — лишняго выпросилъ эшотъ мальчикъ съ покупателя прошиву

дѣсьма несходной цѣны, назначенной полонну купцомъ, у котораго онъ въ услугахъ. Эти дѣсять рублей — мальчикъ упавшій отъ всѣхъ и промочаетъ ихъ; сверхъ того получишь полшинникъ отъ своего хозяина въ поощреніе таланта дорогого продавашъ товары. Два брата этого мальчика были сидѣльцами въ этой же лавкѣ: божились, плутовали и въ наказаніе за свои бѣздѣльства сосланы въ Сибирь — вы видите, что и третій на хорошей дорогѣ. —

Объединное время наступило, ряды пустѣютъ, пора кончить наши наблюденія. Однако жъ посмотримъ, что дѣлаетъ эта рязраженная госпожа, переходя изъ лавки въ лавку: она собираетъ образчики всѣхъ родовъ чаю, сахару и кофе; говоритъ всѣмъ купцамъ, что намѣрена закупить всего этого большой запасъ, но боится обмана и поэтому хочетъ испытать ихъ товары дома. Вотъ она отправляется изъ города, а за ней слуга съ порядочнымъ узломъ, хотя госпожа его ничего некупила. Пойдемъ за нею и посмотримъ, что она будетъ дѣлать въ своей спальнѣ. Съ приходомъ ея домой вся ея услуга засуетилась: человекъ несетъ сковороду, на которую изъ разныхъ бумажекъ высыпаютъ кофе, а бумажки бросаютъ, хотя на каждой изъ нихъ написаны карандашемъ номеръ и имя хозяина лавки; дѣвка припахнула чайницу, въ которую перемѣшавши хорошенько, сложили всѣ сорты чаю, взялаго въ образцы изъ

лавокъ; другая дѣвка подала сахарницу, въ которой помѣстился сахаръ, подобнымъ образомъ приобретенный. — Госпожа эта покойна; недѣли три будешь она роскошничать на счетъ легковѣрныхъ купцовъ; недѣли двѣ пошомъ будешь покупать чай, сахаръ и кофе по мѣлочамъ изъ овощныхъ лавокъ; а потомъ, нарядившись въ другое платье, отправится опять въ городъ за новой добычей. —

О XIX вѣкъ нашего лѣтосчисленія, какъ и восхищенъ своею изобрѣтательностью! —

XLXXLXXX

Неожиданное открытіе.

Давно уже молва о новой милости Царской, о сбавкѣ процентовъ съ Капиталовъ, занятыхъ въ Ссудной казнѣ Восплатательныхъ Домовъ и лежащихъ въ сохранной казнѣ ихъ, ходила по Москвѣ бѣлокаменной. „Быть неможеть“, говорили вкладчики капиталовъ, которымъ весьма нравилось сидѣть поджавши руки, держащъ огромный суммы въ мертвомъ снѣ ко вреду государства и получая проценты, какихъ ни гдѣ, никакого правительствѣ неплащать; быть неможеть, говорили они и — боялись! — Дай Богъ, шептало Русское дворянство, волею и неволею заложившее почти все свое родовое, недвижимое имущество въ Опекунскихъ Совѣтахъ, дай Богъ повторило

дно“.... надѣялось, вѣрило предусмотрительности
 Правительсва и — радовалось. Наконецъ пред-
 положеніе сдѣлалось — положеніемъ, и Манифестъ,
 языкомъ печатнаго отца великаго семейсва
 написанный, къ общей радости, былъ полученъ
 въ Москвѣ. Молодой человѣкъ Н. Н. одинъ изъ
 первыхъ о томъ узнавшій, пріѣзжаетъ въ знако-
 мый, родственныи домъ, гдѣ часто бывали
 разсужденія именно объ этомъ предметѣ; быстро
 входитъ онъ въ гостиную и громко поздравляетъ
 всѣхъ со славкою одного процента. При общемъ:
 слава Богу, вдругъ раздался визгливый голосъ
 весьма пожилой дамы, дальней его родственницы:“
 вошь тебѣ разъ! ... хороша радость!“ хозяева и
 гости всѣ оборотились на такое странное воскли-
 чаніе и нѣкоторые даже начали упрекать ее, но
 старуха была въ себя отъ гнѣва.“ Чему прикажете
 радоваться, закричала она прерывающимся голо-
 сомъ, и злоба красными пятнами выступила на
 лице ея, чему? развѣ убытку, раззоренію? я
 наживала въ годъ пятнадцать тысячъ, а те-
 перь беру только двѣнадцатъ!“ ... и съ сими
 словами раздраженная гостыя выбѣжала изъ ком-
 наты такъ проворно, какъ позволяли ей боль-
 ныя ноги. Невольный смѣхъ раздавался было въ гос-
 тинной; но мгновенно общее изумленіе его прекра-
 шило. Какъ, эта старая ворчунья, притворявшая-
 ся нищей до сихъ поръ, имѣешь въ ломбардѣ 300
 тысячъ рублий? Спрашивали всѣ одинъ другаго

съ удивленіемъ; но послѣ минутнаго изумленія громкой хохотъ раздася снова, и поздравленіе родственника, дальнаго по крови, но близкаго по участию, съ неожиданнымъ и щастливымъ открытіемъ, сдѣлалось предметомъ общаго разговора.

Л.

Невольный благотворитель.

Нѣкто, добрый или и злой человекъ, рѣшилось сказать немогу, ибо его не знаю, вздумалъ поблагодарить одного безкорыстнаго и просвѣщеннаго Чиновника, строгость правилъ и неуспрашиваемая честность котораго, извѣстны всѣмъ, и который вѣроятно защищая правду слабаго предъ неправдою сильнаго, по своему обыкновенію, помогъ какъ иибудь и выщертченному доброму или злому человеку. Сей послѣдній набивши кулечикъ винами, приѣхалъ къ чиновнику на кварширу, разумѣется когда его не было дома, сунулъ кулекъ въ переднюю, а самъ давай Богъ ноги. Опыскивать виновнаго негдѣ было, да и не стоило того, и такъ кулекъ съ винами препровожденъ въ больницу, устроенную для арестантовъ: *отъ неизвѣстнаго*. Доброе вино, пособило выздоравливающимъ къ скорѣйшему возстановленію силъ, и они вѣроятно благодарили добраго или злаго человека, хотя онъ былъ невольнымъ благотворителемъ.

Однако, изъ любви къ ближнему, должно ему посоветовать: впредь посылать вино прямо въ арестанскую больницу; неровень случай: какъ бы и самому не попастьъ шуда! — П.

Русскій театръ.

Донъ Карлосъ, Инфантъ Испанскій, Трагедія въ 5 дѣйствійхъ, сочиненіе Шиллера, переведенная стихами, размѣромъ подлинника (1), Г. П. Ободовскимъ; *Посланникъ*, комедія-Водевилъ въ 1 дѣйствіи; переводъ съ Французскаго. Разнохарактерный дивертисманъ. 1830 года Января 3. Пятница

Бенефисъ Г. Моголова.

Жалко было смозрѣть и на изуродованныхъ Разбойниковъ; но искаженіе *Донъ Карлоса*, несравненно прискорбнѣе для всѣхъ почиташелей знаменитаго Германскаго драматурга. Это правда, что пьеса въ оригиналъ неудобна для представленія по своей огромности, но кажется, есть *Донъ Карлосъ*, уменьшенный самимъ Авторомъ и написанный прозою для игры на театрѣ. По нашему мнѣнію, какъ мы и прежде имѣли случай сказать, такого рода выкройки суть святошества, въ смыслѣ оскорбленія святости правъ сочинителя, и какого же? великаго Шиллера! . . . Никого не обвиняя положительно; замѣтимъ, что въ Петербургѣ для бенефисовъ

(1) Съ дипломатическою точностію списываемъ вѣрнѣе.

заведено такого рода выкраиваніе. — Всѣхъ болѣе пострадалъ несчастный Маркизь Поза. Этого высокой фанатикъ добродѣтели! Поступки его — загадка для зрителей, ибо характеръ нимало не развернуть; Филиппъ — сумазбродъ, а послѣдняя сцена съ Донъ Карлосомъ — безсмыслица! Вошь каково вынимаешь звено изъ славнаго, цѣлаго творенія. Забавно также превращеніе Доминго изъ духовной особи въ свѣтскую; шѣмъ болѣе, что ему общаютъ Кардинальскую шапку. Хорошее исполненіе Донъ Карлоса затруднишь всякой Театръ, шруппу богатую драматическая актерами; но въ Москвѣ, гдѣ существуетъ одинъ только талантъ трагическій, такое предпріятіе вовсе неудобноисполнимо. И такъ искренно пожалѣю нашихъ артистахъ, дѣлавшихъ не свое дѣло, или не умѣвшихъ за него приняться, поговоримъ о Г. Мочаловѣ. Роль Донъ Карлоса создана, такъ сказать, по формѣ его таланта. Порывы страстей, бурные восторги любви, благородный пламень чувствъ, характеристика Карла и — таланта Мочалова; въ этой роли онъ долженъ былъ далеко превзойти Карамыгина; совершенства могли мы ожидать и — обманулись въ своихъ ожиданіяхъ. — Кромѣ обыкновенныхъ пороковъ игры его, впрочемъ не извинительныхъ: ш. е. недосыпанка благородства, бѣгавья по сценѣ, хлопанья руками по бедрамъ, онъ до того не ровно игралъ, что казалось въ одной и той же сценѣ го-

ворили за Донъ Карлоса разные люди; онъ впадалъ въ шаковую привіятельность, что многія выходы можно было назвать: истинно комическими. Откуда взялъ онъ это приторное иѣжничанье, это псалмопѣвное завыванье? Мы не узнавали Мочалова. Но въ правѣ ли мы требовать, чтобы онъ повѣрилъ намъ? Публика осыпала рукоплесканіями шѣ мѣста, за которыя его освистали бы въ Парижѣ, и молчала тамъ, гдѣ былъ онъ прекрасенъ? (Ибо все таки онъ имѣлъ минушы превосходныя); но мы напомнимъ Г. Мочалову, что просвѣщеннѣйшая часть зрителей, по несчастному какому-то обычаю, хлопаешь мало и рѣдко, и что всего менѣе можно полагаться на одобреніе публики бенефисной. Нелицеприятная истина заставила насъ безъ пощады высказать правду; но мы знаемъ, что многое можно сказать и въ извиненіе Г. Мочалову. Первое: к-графъ не съ кѣмъ; второе, и самое важное: это былъ Бенефисъ. Не вѣтъ извѣстны хлопоты и суматоха, его сопровождающія. Послѣ завтра повшоряють Донъ Карлоса; посмотримъ и скажемъ читателямъ, ошиблись мы или нѣтъ въ своихъ предположеніяхъ. Кажется не лъзя Г. Мочалову самому не чувствовать дурнаго исполненія прелестной роли. Прекрасный водевиль, Посланникъ, весьма хорошо переведенный (переводчикъ неизвѣстенъ) и прекрасно разыгранный, доставилъ намъ большое удовольствіе. Куплеты очень милы;

но послѣднія слабѣе; а это важная ошибка, ибо въ Водевиль, болѣе даже чѣмъ въ другихъ дѣлахъ, конецъ вѣнчаетъ дѣло. Какъ обрадовались зрители увидя превращеніе Г. Щепкина (изъ превращеннаго въ Секретари Доминго), въ Графа Аранцо. Гжа Рѣлиа играла прелестно по обыкновенію, а Г. В. Степановъ необыкновенно хорошо. Не имѣя никакихъ *особенныхъ* причинъ бранивъ этого пріятнаго молодого актера, мы скажемъ, что игра его доставила большое удовольствіе всемъ зрителямъ. Диверсисманъ былъ составленъ изъ прекрасныхъ танцовъ, какъ и всегда.

Выписываемъ нѣсколько куплетовъ изъ Водевиля: Посланникъ. Слуга, Лафлешъ говоритъ: каковъ же я Дипломатъ? а Графъ Аранцо отвѣчаетъ: Не дипломатъ, а развѣ плутъ! Лафлешъ оставшись одинъ, поетъ:

Мы слыжали по издревле:
 Чшо дороже, то въ чести.
 Чшо не множокъ подешевле,
 Въ томъ, какъ будшо нѣтъ пути,
 Здѣсь зависитъ все отъ плаши:
 Попадемъ по денгамъ мы,
 За сто франковъ — лишь въ плушы,
 За сто тысячъ — въ дипломаты.

Лафлешъ уговариваетъ Занешу, молоденькую модную торговку, чшобъ она притворилась влюб-

ленною въ одного молодаго челоуька, за что ей щедро заплашишь.

Занета (поеть).

Нѣтъ, нѣтъ, благодарю покорно,
Въ любви я никогда не могу.
Любимъ, вздыхаешь, ссрадать приишворно
Я неумѣю, не могу.

Лафлешъ.

Такъ вошь совѣтъ для нашей цѣли.

Занета.

Какой, позволите васъ спросишь?

Лафлешъ.

Его приишворно полюбимъ,
Егожь червонцы — въ самомъ дѣлѣ!

Пошомъ Занета поеть:

Пускай языкъ болтаешь гибкой,
Пусть бредитъ онъ — но то бѣда,
Что сердце слушаешь ошибкой
Его болтанье иногда.
Я это очень разумѣю,
Любовь лукавое дитя;
Когда шутя играемъ съ нею,
Оно уколеть не шутя.
Наконецъ вошь два куплеша изъ окончательнаго
Водевила :

Графъ.

Чтобы попастьъ въ чины большіе
Совѣты выслушай мои :

Умѣй секретны знашь чужіе
 И крѣпче запирай свои.
 Возможноль быть намъ безъ секрета?
 Весь міръ есть тайный кабинетъ;
 И знанье всѣхъ секретовъ свѣша —
 Есть дипломатики секретъ.

З а н е т а .

А развѣ мы не дипломатки?
 Кто въ силахъ насъ перехитрить?
 Красавицъ милыя загадки
 Кто можетъ лучше насъ рѣшить?
 Иная свѣжестью платняетъ,
 Хотя давно ей сорокъ лѣтъ,
 И кто же кромѣ насъ узнаеть
 Увядашей младости секретъ?

Довъ Карлосъ опмѣненъ за болѣзнію Г. Мочалова, и мы не можемъ сдержать своего обѣщанія читателямъ. Не можемъ сказать, чувствовали ли Мочаловъ недостатки перваго представленія и умѣлъ ли ихъ поправить.

Посланника давали въ другой разъ съ комедією: недоросль; и прелестный, умный, чуждый фарсовъ и эквивоковъ Водевиль сей, доставилъ новое удовольствіе публикѣ.

С. А.

1830. Января 9.

Извѣстія и замѣчанія.

Романъ : Юрій Милославскій , соч. М. Н. Загоскина, о которомъ было говорено въ 1-й книжкѣ Московскаго Вѣстника, произвелъ самое пріятное впечатлѣніе въ читающей публикѣ. Мы видали частное письмо изъ Петербурга, въ которомъ также пишутъ, что тамъ и Литераторы, и любители чтенія, приняли его съ большимъ одобреніемъ. Слѣдимъ увѣдомить своихъ читателей, что два тома Юрія Милославскаго переведены на Французской языкъ одною достойною особою, совершенно знающею оба языка. Не смѣемъ рѣшительно судить о переводѣ, хотя мы его и слышали, ибо Французу только, знающему словесность, можно судить о достоинствѣ слога во всѣхъ его тонкостяхъ и оштѣнкахъ; но намъ показался переводъ прекраснымъ. Должно предполагать, что сей Романъ будетъ принятъ съ большимъ удовольствіемъ въ Парижѣ; Французы въ первый разъ еще узнають оригинальное Русское сочиненіе, народность или національность котораго представитъ имъ совершенно новое зрѣлище — новый міръ. Тѣмъ болѣе это ксташи шеперь, что исполнская Россія никогда еще не обращала на себя такого вниманія всей просвѣщенной Европы. Ученые мужи ея, начинающъ уже говаривать о надобности, учишься Русскому языку!

Н.

Въ 4 N. Сѣв. Пчелы помѣщено слѣдующее извѣстіе объ Исторіи Русскаго народа; „это первая критическая Исторія Россіи. Есть критическія изслѣдованія объ отдѣльныхъ частяхъ Исторіи; есть повѣствовательныя Исторія, но никто еще не предпринималъ у насъ писать Исторію въ духъ Критическо-Философическомъ. — Честь первенства принадлежитъ Г. Полевому. Взглядъ у него вѣрный. Множество заблужденій гаснетъ предъ его критическимъ свѣщильникомъ. Кто желаетъ знать опечествленную Исторію, тотъ непременно долженъ прочесть книгу Г. Полеваго, что мы докажемъ въ нашемъ разборѣ.“ Пождемъ доказательствъ, посмотримъ, какіе драгоценные камни найдутся въ Исторіи Русскаго народа!

Приключеніе, послужившее основаніемъ повѣсти преступница, рассказано было мнѣ шестыяго года однимъ моимъ пріятелемъ, который самъ описалъ его въ Денницѣ; потомъ прочелъ я повѣсть о томъ же Маргериту, напечатанную въ 1803 году, — но мнѣ желалось рассказать ее по своему, — и читателямъ предоставляется судить, не лишній ли трудъ я предпринималъ. На Французскомъ языкѣ, я слышалъ еще подобная повѣсть. *Изд.*

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Января 16 го дня 1830 года.

Ценсоръ Сергій Глинка.

МОСКОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

1830 годъ.

№ III.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. СТИХОТВОРЕНІЯ.

Вѣра любви.

Я вѣрю, что могу найши
Тебя въ странѣ шой неизвѣстной;
Когда пойду стезей небесной
Безъ заблужденій на пути!

*

И что ты сердца простою;
Быть можешь; получила вдругъ,
Хотѣлъ бы получить твой другъ,
Хотя съ трудомъ; хотя съ нуждою!

*

И почему не вѣришь мнѣ;
Что есть и тамъ соединенье
Для пѣхъ, кого любви влеченье
Въ одно сливало на землѣ!

Кто такъ какъ мы любилъ, шопъ знаетъ
 Чисталъ любовь его! — Она
 Небеснымъ чувствомъ намъ была;
 Небесное жь — не умираешь!

И нынѣ, на землѣ, въ гармоніи ли струнъ
 Любви знакомый звукъ узнаю,
 Я вспрепенусь всегда, какъ будшо, сердцемъ юнъ,
 Твой прежній голосъ я внимаю,
 Тотъ голосъ Ангельскій, которъй безъ рѣчей
 Ужъ звукомъ колебалъ всего меня духовно,
 Который я любилъ прислушивашъ безмолвно,
 Какъ будшо почерпалъ въ немъ жизнь душъ своей!

*

Мечшаю ль въ шшинѣ, иль лирою мечшанья
 Чужимъ душамъ передаю,
 Я съ мыслью о тебѣ, невольню, безъ сознанья,
 Мечшу послѣднюю солью!
 Печальный ли спремлюсь къ брегамъ я той опчизны,
 Сквозь мракъ безвѣстности, разлишійся кругомъ,
 Какъ свѣшмый Духъ, стоишь ты на предѣлѣ жизни,
 Какъ свѣшмый Духъ, меня встрѣчаешь на другомъ!

*

Но ахъ! какой шеперь ужасной мыслью я
 Встрепожень! (и на что она мнѣ вдругъ предстала!)
 Я мысль: еслибъ ты явилась предъ меня,
 Меня бы ты ужъ не узнала!
 Весь измѣнился я! шраданье по тебѣ,
 Забошы, опышность. . . и годы!

Ты юноши того ужь не нашлабъ во мнѣ,
Живаго, полного бездѣйственной свободы!

*

Ты удивилась бы, увидѣвши мой взоръ,
Склоненный въ самый часъ веселости игрой!
Ты можешь бышь уже, глубокихъ тайнъ пысливый,
Не понялабъ мой разговоръ!

Ты захотѣла бы безопасности той ясной,
Что мимо всѣхъ себя всегда ко мнѣ влекла;
Ты не нашлабъ ея во мнѣ, мой другъ прекрасной,
И не узнавши бы, ко мнѣ не подошла!

*

Но *тамъ*, мнѣ кажется, въ шопъ самый мигъ,
лишь будетъ

Душа моя ошь узъ совѣтъ ошдѣлена,
Я вопрошу: *гдѣ здѣсь она?*

И духъ твой мнѣ слѣдѣшь на встрѣчу не забудеть!
Прими мня! — Когдажъ сліянья между насъ
Не будешь — дай узрѣшь себя мнѣ хошь однажды!
Хошь только встрѣшь меня! — Пошребность этой
жажды

Томишь меня, помпшь и ужь не въ первый разъ!

*

Хошь улыбнися мнѣ улыбкой той небесной,
Которой на землѣ ты улыбалась мнѣ:

Ты, просвѣтлѣвшись въ той странѣ,
Стократно сдѣлалась, мнѣ кажется, прелестной!
Пресупной завистью киплю я къ тѣмъ Духамъ,
Которыхъ предстоишь всечасно ты очамъ,

Которымъ, можетъ бытъ, какъ мнѣ необходима!
 Бытъ можетъ. . . кѣмъ либудъ изъ нихъ ты и
 любима!

*

Ахъ! я напомнилъ бы тебѣ
 Младенческіе наши годы,
 Когда лишь вышли мы съ тобой изъ рукъ природы
 Почти столь чистыми, какъ сами Духи тѣ!
 Ты мнѣ *тогда еще* любовь свою вручила!
 Она святыней чувствъ печальна была!
 И чѣмъ виновенъ я, что насъ передала
 Не вмѣстѣ небесамъ коварная могила!

*

Спроси, кто былъ тогда со мной;
 Когда разорвала ты нашу связь земную,
 Желалъ ли продолжать тогда я жизнь такую,
 Или умчаться за тобой!
 Но ты въ своей счастливой долѣ
 Взлѣтѣла къ небесамъ; а я остался въ мглѣ
 И эму чистому утрашилъ по неволѣ
 Прикосновеніемъ къ землѣ!

*

Но что! когда любовь столь пламенной струей
 И нынѣ все во мнѣ не можетъ прекратиться
 Стремленья къ той, съ кѣмъ здѣсь я былъ душой
 одною —

Она должна безсмертна бытъ!
 О Вѣра! подкрѣпи Надежды слабой силы!
 Скажи: что въ насъ любовь? не душъ ли двухъ
 сродство?

И такъ, какъ вѣчное любившихъ ещесшо,
Она послѣдуетъ и за предѣлъ могилы!

✽

А ты, которой я сперва оставленъ былъ
На плачь, на опытъ и страданья,
Чей свѣшлый Духъ пошомъ меня руководилъ,
Бышь можешь, на пуши свяпаго созерцанья,
Когда учился я, земнымъ отягощонъ,
Взоръ слабый погружашъ по малу въ неземное
И въ мѣръ, коего мѣъ шажекъ былъ законъ,
По малу открывашъ благое!

✽

Люби меня и шу, которая со мной
Сю любовь къ тебѣ, (любовь, которой сила
Досель владычествуетъ мной),
Великодушно раздѣлила!

Тебѣ любви была наука не трудна:
Ты, какъ дитя еще, любовью наслаждалась!
Но ей вся опытность любви моей доспалась,
И какъ залогъ свяшой хранишь ее она!

✽

Такъ! вѣрю, что могу опять я обрѣсти
Тебя въ странѣ шой неизвѣстной,
Когда пойду спезей небесной,
Безъ заблужденій на пуши!

М. Дмитриевъ,

Графу Дмитрію Ивановичу Хвостову.

(при полученіи ошь Его Сіашельства прехъ
первыхъ помовъ полного собранія его шво-
реній).

И шакъ — мнѣ новая награда
Ошь Музы доблестной швоей,
Младыхъ поэшовъ Пешрограда
Среброволосый Корифей!
Ее съ поклономъ принимаю,
Умѣю чувшвовашь ее;
Но заслужилъ ли я, — не знаю —
Неосшавленіе швое?
Какими подвигами славы
На свѣшъ выказался я?
Ужь не слихамилъ про забавы,
Про удалъ брашскаго жишья,
Про нѣгу дружбы вольнодумной,
Про незабвенные края,
Гдѣ пролешъла шумно, шумно,
Лихая молодосшь моя?

Нѣшъ. Но за шо, главою шрезвой,
На послѣдахъ моей весны,
Ошь жизни праздничной и рѣзвой
Поникшій въ лоно шяшины,

Теперь, как сердца не превозишь
 Мнѣ красота веселыхъ дней, —
 Достоинъ буду, Богъ поможешь,
 Я благосклонности твоей.

Вѣдь я не даромъ же оставилъ
 Пошѣхи лѣни и гульбу,
 На свой обычай переправилъ
 Свою грядущую судьбу,
 И посвящилъ уединенью
 Мой возрастъ силы и трудовъ!
 Ошъ первыхъ смысленныхъ годовъ
 Знакомъ и вѣренъ вдохновенью,
 Лишь всемогуществу его
 Обязанъ вольностью и счастьемъ,
 И чистымъ, свѣтлымъ сладострастьемъ
 Ума и сердца моего, —
 Его забуду ли я нынѣ?
 Яль, живо сознанный собой,
 Въ моей любви, въ моей свящынѣ,
 Раскаюсь зрѣлою душой?

Но признаюсь: я робкимъ взоромъ
 Смотрю на будущность мою,
 Хотя не вмѣстѣ съ буйнымъ хоромъ
 Безкнижной сволочи пою;
 Кого талантъ мой разобидѣлъ?
 Кого мой стихъ оклеветалъ?
 Какой невѣжда или нахаль

Меня щоргующимся видѣль
 На рынкѣ браней и похвалъ?
 Почто же страхомъ ожиданій
 Грудь возмущается моя?
 Уберегусь ли мирно я
 Отъ криводушныхъ порицаній,
 Отъ пошлыхъ козней и обидъ?
 Мнѣль предузнашь: какимъ возгласомъ
 Мои шруды передъ Парнасомъ
 Его кричалъщикъ возвѣспитъ?
 Онъ чудецъ: карлу великаномъ,
 Гешерой Музу, хмѣль дурканомъ,
 Во всеуслышанье зовешь
 Немилосердо-самовластный!
 И кто проливу, кто несчастный?
 Ну, право, дрожь меня берешь!

Ты Теба ревностный поклонникъ,
 Его классическій законникъ!
 Къ тебѣ съ надеждою моею,
 Съ моею неопытною лирою,
 Къ тебѣ, ужасному сатирой
 Главамъ парнаасскихъ бобылей,
 Прибѣгну я: грозою правой
 Ты знаменито ихъ пугнешь —
 И пощадить меня ихъ ложь
 Твоей засшупленного славой!

Языковъ.

Южная весна.

Разнообразна и пышна
 Полудня свѣтлая природа,
 Когда съ безоблачнаго свода
 Нисходишь южная весна.

Душистыхъ рощей колыханье,
 Колонны шополой въ садахъ,
 И въ ошдаленнѣ, на горахъ,
 Снѣговъ сребристое сѣянье, —
 И эшошь голубой ээирь,
 И тихость ночи аромашной,
 И эша жизнь, и эшошь мирь,
 И воздухъ юга благодашной —
 Все сильно шрогало меня,
 Питомца бурной полуночи,
 Когда мнѣ въ первый разъ предъ очи
 Явилась южная весна.

Глубокимъ чувствомъ вдохновенный,
 То неподвижный, нто живой,
 Я, какъ младенецъ, упоенный
 Былъ тихъ и радостень душой: —
 Я забывалъ печальный жребій мой,
 И улеглось въ душѣ моей спрданье;
 Такъ звукъ, знакомый съ дѣтскихъ дней,
 Такъ машери горячее лобзанье,
 Врачуешь скорби жизни сей. —
 Роскошень свѣтлый югъ; — но други!
 Милѣи мнѣ Русскіе снѣга,

И наши сѣверныя вьюги
 И стужи ясная пора.
 Меня давно не занимаешь
 Картина южной стороны:
 При ней душа не вспоминаешь
 Родимой сердцу спарины.
 Полудня миръ, заоблачныя горы;
 Сей вѣчный блескъ на сводѣ голубомъ —
 Не эшопъ видѣ мнѣ съ дѣшепча былъ знакомъ,
 Не онъ ласкалъ младенческіе взоры.
 Душа спремишся каждый часъ
 Къ снѣгамъ и бурямъ полуночи,
 И часто горесшныя очи
 Съ любовью смошряшъ на Кавказъ.
 Онъ мнѣ наскучиль — край чужбины!
 Когдажъ опяшъ мои глаза
 Увидяшъ васъ, мои пущыни;
 Мои дремучіе лѣса?

Z.

(Сообщено изъ Симбирска):

П Р О З А.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ

изъ комедіи: Выборъ въ исправники (вторая часть дворянскихъ выборовъ) (*).

Крестьянская изба. Ночь.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ВЫЖИМАЕВЪ, ДРАЧУТИНЪ, ЗАБОЙКИНЪ въ теплыхъ курткахъ, сюртукахъ — по дорожному; иной ходитъ, другой сидитъ; все курятъ трубки. На столѣ пустые штофы, стаканы, самоваръ и догорающая свѣга. Акулина въ сторонѣ у пестки, прядетъ и иногда дремлетъ.

ЗАБОЙКИНЪ (выцѣживая штофы).

Дай ужь послѣдніе запасы допьёмъ. Еще по одному во ожиданіи разсвѣта.

ВЫЖИМАЕВЪ (беретъ стаканы).

Да какой это будетъ? Никакъ на другую дюжину перешло? я и счесть пошерялъ.

(*) Для людей большаго свѣта можете быть показаны страннымъ явкамъ провинціальныхъ подъячнхъ, Курской крестьянки, Малороссійскаго писаря, — по оль вѣрель, и картина списана съ нашуры. Въ этомъ согласился все вѣдающіе нашъ несполучной бжштъ. Изд.

Драчугинъ (также беретъ).

Ну что считаешь? рука поднимается, ропъ опворяется; шакъ пей — (пьетъ) — цока можешь пить; а за швъмъ разсвѣнешь, и выборной явшисъ съ лошадъми. Какова шо еще погода?

Акулина (продувааетъ окно и присматривается).

Ничаго ня видно, а вьюга бьешь, шшо и Госпади! —

Выжимаевъ.

Ужь я говорю: какова бы ни была погода, хощь дуй себъ мяшкель жеспоче вчерашняго, а вхашь надобно. Легко сказашь: почши цѣлые сушки на одномъ мѣсѣ. Ужь въ Губернїи чай со всѣмъ управились и рѣшили все.

Драчугинъ.

Крѣпко жаль будешь; при года ожидали выборовъ, да коли оняшь по пущякамъ, шакъ я и дворяниномъ не хощу называшься.

Забойкинъ.

Не удашся имъ шеперь насъ опшперешь. Все наше шамъ и мы возмемъ верхъ; сегодня наши выборы, и мы какъ снѣгъ имъ на голову — и все пойдешь по нашему.

Драчугинъ.

Ой не хвались, Емельянъ Панкратъичъ! много взялъ въ прошедшіе выборы? — Не опшперли бы и шеперь-ша.

Выжимаевъ.

Не будь я Андронъ Выжимаевъ, — (Бьетъ кулакомъ по столу такъ, что стаканы задрезжали; Акулига испугавшись вскочила), — кали не на своемъ поспавлю! Умничай они какъ хочешь, а что сдѣлають? Ничего. А Достойновъ, который и въ прошлые выборы заварилъ кашу, шеперь грибъ съѣсть; Твердова же никуда не пуцу.

Завойкинъ.

Прошлый разъ, признашься, какъ на льду насъ подломили; а все эшь умствующіе! Шло бы дѣло да шло; не нами оно началось. . . . .

Выжимаевъ.

Да не на насъ и кончится. Ну что они думаютъ; перевели запасныхъ? — Анъ мы и безъ запасныхъ управимся.

Завойкинъ.

Помнишь, какъ Губернскій читалъ рацею, чпобы неимуціе дворяне лучше шли въ военную, чѣмъ-де нанимашь

ся въ запасные. Благодаренъ за милость! Изъ воли да въ неволю! Слыхали мы объ этой военной. Чего-то не выдумаютъ! — Ужь не за цѣпь ли приняшься, да молопишь? — Такъ вѣдь честь нашему брату Дворянину дороже всего! (*Бьетъ себя въ грудь, а Акулина, вздремнувъ, пугается*). Съ голоду умру, а на безчестное дѣло никакъ не пойду!

Драчугинъ.

Да что взяли? — Ерофейчъ, подобрать молодець, началъ промышлять лошадами. Вошь вѣдь, кажется, и дуракъ, а шакъ ихъ ловко сводишь, что и умному на удивленіе; изъ рукъ вырываетъ и послѣ хошь не ищи.

Выжималевъ.

Какъ воровашь да концы хоронить, шакъ умъ ешь.

Завойкинъ.

Это, брашцы, не умъ, а спрашь. Я про себя скажу: ужь какъ завижу лошадку, ну вошь шакъ за душу и возьмешь. Ни ѣмъ, ни сплю, а ужь вымѣню и всегда съ выгодою. Охота ума придаешь.

Драчугинъ (*выцѣживая водку въ стаканы*).

Эка бѣда! на прешій стаканъ не стаешь. Кто хочешь, шопъ пей пош-

ное; а я шрудился, шакъ мнѣ съ при-
бавленіемъ, (*пѣть*).

З а б о й к и н ѣ .

Да гдѣ Выборной запропастился?
Послашь его, чшобы четвершой шпофѣ
принесъ. Мы дворяне, эти скошпы не
должны ничего жалѣшь для насъ.

А к у л и н а .

Пабѣгъ за лошадыми. Вишь: велѣлъ
девьяшерку, шакъ рыща по дварамъ.
Народъ бѣднай, живѣмъ на прахшѣ; дра-
ча завсѣгды; десяшой-рази кабыленку
дѣржа.

В ы ж и м а л е в ѣ .

Ну что за бѣда, въ шри года одинъ
разъ опшвезши до города; не велико еще
дѣло.

А к у л и н а .

Ты гавари адинъ, а я лѣ скажу: кали
въ день праждя ихъ шройча, шакъ шо
ища шиха.

В ы ж и м а л е в ѣ .

Что же это все военные?

А к у л и н а .

Да калибы шѣ ваенны, шакъ мы имѣ
ишо и ради. Какъ ихъ Богъ принося, шакъ
усѣо заплашу; да ишо камандѣры сабя-
рушь мѣрь, да выпышываюшь, усѣ ли

деньги шѣмъ на рукавъ розданы; хто вазиль? а кали мало-мальски шло не шакъ; шакъ ушь трымаѣ; трымаѣ: падай мужику яго яму! —

Драчугинъ.

Какіе же дьяволы шущь часно ѣздятъ!

Акулина.

Да вошь не хужа вашей чести. Какъ набягитъ, да завапитъ: лашадей-лашадей! Выбарнаго въ уха, Соцкаго по мардасу; а ихъ дѣло шемная; люди глупыя! — Въспима; съ началамъ не маги паспоритъ.

Драчугинъ.

Такъ эшо все Исправникъ?

Акулина.

Пакойнай шло булъ; шакъ баюшь, шло кали набягитъ, да кали пра абѣды мірскія правѣда, шакъ ужъ Выбарнаго научай, научай! Меня, гаваритъ, абѣдъ, а мужика неабѣдай: мужикъ безславеснай. Ну, да іонъ памеръ, а сяго гла мѣ ишо и не видали. И шю въспима: иной шишамара; не хужа какъ и вы, набягитъ, да и ваюя; а Выбарной хопъ бы и Выбарной; усіо мужикъ; ничаго ня зна.

Выжималевъ.

Наше дѣло, бабушка, другое; мы не по себѣ ѣдемъ; намъ нужно:

Драчугинъ.

Да что выборной въ самомъ дѣлѣ
неидеешь? Скоро разсвѣнешь.

Акулина.

Скора таки разсвѣнѣ. Я ужъ вдвой
напряла праливъ шаго, какъ сама вспаю;
а та перва въ гущорками да пѣснями
збудили меня чай съ полначи, што и
пяшухъ не кричалъ. (*прибираетъ свою ра-
боту*). Халадненька въ избенкѣ спано-
вится; дравецъ бы подкинуть, да узять-
шо нѣгдя. Вошь, гаспада, хаша бы гри-
венничакъ выкинули бы та за хвашеру,
да за свѣшла. . . .

Завойкинъ.

Убирайся шты, старая хрычовка! Еще
тебѣ и деньги давать! Чтожь намъ, опъ
мятели пропадать было, чтоли? Я и
по, ожидая пока опопрещь, чушь оконъ
тебѣ не перебилъ. Тогда какъ бы шты
нагрѣвала свою избу?

Акулина (*ворзнуть и прибравъ свою работу
ложится на той же скамейкѣ, у
пегки*).

Драчугинъ.

Выйду-ка я поглядѣть, не ведуць ли
лошадей? свисну молодецкимъ поввис-
помъ, крикну богатырскимъ покрикомъ,
чтобы Выборной стала передо мной,

какъ листъ передъ правой. (*Всталъ, пошатнулся и гуть не упалъ*). Эка засидѣлся! Ноги не подыму.

ВЫЖИМАЕВЪ.

Ишь, Проша; не засидѣлся шь, а это кабацкое вино ноги подкашиваетъ. Я вошь и самъ, спольколи выпиваю, а никогда въ глазахъ не двоилось, какъ теперь; и въ ногахъ бывалъ швердь, а теперь словно спутаной конь. (*Увидя, что Драчугинъ въ пьянѣ не попадетъ въ дверь, ведетъ его*). Да вошь дверь; куда шь? —

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Презнне, безъ Драчугина.

Завойкинъ (*также въ пьянѣ*).

Перебрали вы черезъ край оба господа! А вошь я: ни въ одномъ глазѣ.

ВЫЖИМАЕВЪ.

Я удивляюсь, что-и со мною стало! Пивалъ я въ свой вѣкъ довольно; а теперь что-то подадся. — (*Садится*). Видно спаросить приходишь. О-о-охъ!

ЗАВОЙКИНЪ.

Вошь пью не меньше же себя, а не знаю что такъ пьянымъ быть, но есть чтобы меня безчувственна положили,

исключая какъ съ великородными случившися пировать, да подадутъ виноградныя, да Французскія. Нѣтъ, то не наша компанія!

Выжималевъ.

Этъ виноградныя, да заморскія — дьявольское навожденіе! Мой покойной отецъ, онъ въ семь дѣлъ много зналъ, бывало крѣпко на крѣпко приказываетъ: пей, Дроня, свое Русское; не измѣняй ему, и оно тебѣ не измѣнитъ, а съ иновѣрными не связывайся. — Ну, то былъ вѣкъ, а наше другое дѣло. Онъ, сидя надъ бумагами, по спаринному, пракшировъ не зналъ, а просителями подчиванъ былъ на домахъ; чрезъ то и деньгу скопилъ, а мнѣ оставилъ уже недвижимое имѣніе. Волкъ какъ я выведенъ въ чины, да въ люди, да спалъ помѣщикомъ, такъ и надобно жить на благородной ногѣ, и съ мадерой знакомиться, и у себя ее заводитъ. — Охъ! то ли дѣло спарина?

Завойкинъ.

Ну что въ ней толку? По спаринъ былъ бы ты не болѣе, какъ Конисшишка; вѣдь отецъ не передалъ тебѣ своей премудрости. А теперъ ты дворянинъ, да по душамъ и не послѣдній; служилъ по выборамъ, и еще выберемъ. — Волкъ я и про себя скажу: мой покойникъ былъ домашнимъ шумомъ у одного ба-

рина. Шутя да шутя, его записали въ полкъ, и я еще помню, какъ онъ шутовскіе кафтаны носилъ; а шамъ и Прапорщикомъ сдѣлали, все для-ради шушки; а шамъ и Дворянскую Грамоту дали. Хохоту было довольно!

ВЫЖИМАЕВЪ.

Вѣдь кляму же я и хвалю старину! Не бось, теперь какъ хочешь шути, прислуживай, изворачивайся, не только дворянства, послѣдняго чинишка не добьешься безъ службы. Да еще и служба какова? — Вошь твоей опецъ и чины, и дворянство, и имѣніе вышупилъ.

ЗАБОЙКИНЪ.

Нѣтъ, брашъ; и старинные вельможи были съ умомъ. Все доставили кромѣ имѣнія. Это ужъ онъ самъ собой провѣдалъ невѣсту, для которой нужно было званіе; ну, онъ ей это и доставилъ, а благодѣтель ея имѣніемъ снабдилъ; да меня въ придачу.

(Оба хохочутъ).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

ТѢЖЕ и Драчугинъ.

Выжимаевъ.

Ну что слыхашь?

Драчугинъ (вздрагивая).

Въ силу очунялъ : словно послѣ угара. Уже разсвѣшаеть , а нашихъ лошадей не слыхашь. Колокольчикъ вдали раздаешся ; видно сюда же ѣдетъ.

Выжимаевъ.

Если по подорожной, то держитесь, господа, дружныѣ. Не дадимъ своихъ лошадей , хопъ на драку.

Драчугинъ.

Проучить бы эшаго Выборнаго. Бросилъ насъ какъ въ степи! — А бѣдной караульной, что у саней, совсѣмъ почпи околѣваетъ! И не мудрено: съ самаго вечера на часахъ.

Выжимаевъ.

Да что шамъ караулить? Сани все пущѣшеньки! Это все Забойкинъ.

Забойкинъ.

Да оно все-таки важнѣе , какъ есть часовой. Благо слушаюшъ.

Акулина (*привстаетъ смотритъ въ окно*).

Вонъ пѣ и яшо прибѣгли. У! да уса
въ снягу! — Эка вьюга ихъ била!

(*Вздрагиваетъ и опять ложится*).

~~~~~

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ТѢЖЕ, Подтрусоевъ и Думалкинъ (*въ шубахъ
и шапкахъ, по дорожному*).

Подтрусоевъ (*не снимая шапки*).

Э! - Ужаснѣйшій холодъ! околѣлъ со
всѣмъ. (*Протирая глаза*). Что здѣсь за
проѣзжіе?

Выжималевъ.

Дворяне!

Подтрусоевъ.

Куда пушь лежишь? (*Снимаетъ шап-
ку и шубу*).

Выжималевъ.

На выборы. (*Узнавъ Подтрусоева*). Ба,
ба, ба, ба! Макарь Макарычъ! Каки-
ми судьбами? Ужь это изъ Губерніи?
стало, выборы кончены? Кто у насъ
Исправники? Кто изъ насъ куда попалъ?

Завойкинъ.

Разсказывай скорѣе, ошъ чего вы
шакъ скоро кончили?

Подтрусовъ.

Какое рассказывай! — Языкъ не шевелился. Вѣдь я и самъ на выборы шащусь; вошь, какъ говорился, девятый день десятая верста. Вчера вечеромъ, знаете, откуда мы выѣхали? Изъ Демьянска. Эшь семнадцать верстъ мы вѣхали всю ночь и чуть чуть не пропали. (*Поднимая со стола пустой штофъ*). Э! — Ужь Кандидатъ и пробалошированъ? Нѣтъ ли, дружочки, чѣмъ душеньку ошорѣшь?

Выжимаевъ.

Эка хвашился! Вѣдь мы здѣсь еще съ вечера; хочеть, чшобы у горемыкъ чшо-либо оставалось. Вошь бьемся, бьемся въ шроемъ, и къ свѣту въ силу шри шпофа опроснали. (*Хохогеть*). Да кшо-же велѣлъ тебѣ безъ запасовъ пу-скашься въ путь?

Подтрусовъ.

Вѣдь я на чужихъ живопахъ, вошь при милости Степана Кузмича (*Указывая на Думалкина*). Но у него все по барски: все сладкая, да перегонная, съ конпорыми чуть-было не проналъ. (*Думалкинъ всѣ упегки отогрѣвается, вздрагиваетъ и молить*).

Забойкинъ.

Погоди же; вошь явился Выборной, велю подашь еще шпофъ для радости свиданія, а на дорогу особо.

Подтрусовъ.

Да что у тебя Выборные въ командъ, что ли?

Завойкинъ.

Не прогнѣвайся; я ими помыкаю, какъ хочу.

Подтрусовъ.

По какому это праву?

Завойкинъ.

По тому праву, что ъду на Исправничество.

Подтрусовъ.

Ой да вѣрно ли это?

Завойкинъ.

Да такъ-то вѣрно, что ты увидишь.

Подтрусовъ.

Смотри, братъ, не ожгися опять; вѣдь и тогда навѣрное билъ.

Завойкинъ.

Тогда онъ зашѣвъ нашихъ умниковъ всѣ выборы на воншараши пошли, но теперь не удастся; мы взяли свои мѣры. — Да не соперникъ ли ты мнѣ?

Подтрусовъ (притворно).

И! куда мнѣ въ такую знанъ забираться! Я больше ъду по дѣламъ; да

вошь Степанъ Кузмичъ меня пригла-
силь, а мнѣ бы еще хопя чрезъ недѣлю. —

Завойкинъ.

Смотри, не вздумай мѣшашь. Вошь
это все мои шары, да каждой изъ нихъ
общалъ еще напросишь знакомыхъ,
да еще кое-кто изъ милоспи поло-
жишь. — Не опсвай ужъ и ты: —
кашай Андрона въ Судьи, Прошу въ За-
сѣдѣтели, меня въ Исправники, а мы
тебѣ будемъ помогать.

Подтрусовъ (*все притворно*).

Въ чемъ мнѣ помогать? — Развѣ
только пробалошироваться, чшобы въ
кандидаты себя упрятать.

Выжималевъ (*Думалкину*).

А вы, Степанъ Кузмичъ, хопише
ли заняшь должность, и какую?

Думалкинъ.

Знаете? . . . Я все думалъ, какъ мнѣ
бышь? — и нахожу, чшо лучше служишь;
а когда служишь; такъ мнѣ очень нра-
вится — служишь — знаете? — Исправ-
никомъ. (*Кланяется всѣмъ*).

Драчугинъ.

Губа-то у васъ не дура!

Завойкинъ (*Думалкину*).

Вы конечно, сударь, недавно въ оп-
савкѣ? Я еще не имѣю чести бышь

съ вами знакомъ. Позвольте узнать, гдѣ вы служили?

Думалкинъ.

Знаете? Я нигдѣ не служилъ, а ба-
шинька меня записалъ въ Казенную Па-
лашу: да какъ они умерли, такъ я и вы-
шелъ въ опсшавку; за это мнѣ и чинъ
дали.

Завойкинъ.

Конечно, чшобы скорѣе выходили.
А какой это чинъ?

Думалкинъ.

Губернской . . . . .

Драчугинъ.

Да кто же Губернской? Секрешарь,
или Регисшрашоръ?

Думалкинъ.

То-шо и ешь, что мнѣ Секреша-
ремъ уже не хочешся бышь, а уже ка-
кимъ бы ни было, да Исправникомъ.

Выжимаевъ.

Конечно, шо ли дѣло. Но послѣ ба-
шиньки ошталось вамъ имѣнiе, такъ не
лучше ли занимаешья хозяйшвомъ?

Думалкинъ.

Я шаки и занимаюсь.

Завойкинъ.

Какою частью преимущественно?

Думалкинъ.

Знаете? — Я гоняю голубей.

(*Всѣ хохочутъ*).

Выжимавъ.

Частъ преполезна. Только вы привыкли своихъ голубей кормить, да въжить, и оберегать ошъ яспребовъ, а пелерь сами захошѣли бытъ яспребомъ.

Завойкинъ.

Я вамъ ошвѣчаю, что онъ будетъ лихой Исправникъ. Насмотрѣлся уже, какъ должно оципывашъ.

(*Думалкинъ кланяется*).

Подтрусовъ.

Не шумите, господа! а выберинте его въ какіе хошите, токмо въ Исправники, а ужъ онъ вамъ задастъ пиръ на весь міръ.

Завойникъ.

Ой да шакъ ли, Спепанъ Кузмичъ?

Думалкинъ (*всѣмъ кланяется*).

Какъ же? — непременно, непременно!

Подтрусовъ.

Я вамъ за него ручаюсь: я взялся распорядитъ его дѣлами и заранѣ зову васъ на попойку.

ВЫЖИМАЕВЪ.

Ваши госни. Рады спарашься въ обоихъ случаяхъ. Вошь рука, что мы васъ поддержимъ, и себя не уронимъ.

Подтрусовъ.

Но подумайте, Господа, не поздно ли мы приведемъ?

Драчугинъ.

Нѣтъ; вчера только лишь всѣ премудрости кончены: Губернскаго Предводителя, да Засѣдателей Палатскихъ, а сегодня нашъ праздникъ. Мы бы еще ночью были въ городъ, да несносная мясель помѣшала. Съ вечера какъ засѣли, да вошь все и горюемъ.

Подтрусовъ (*показывая пустой штофъ*).

Дайте же и мнѣ погоревать немного; пока выкормятся лошади, можно бы послать. . . . .

Завойкинъ (*примѣтно опьянвшій*).

Какое выкормятся! Мы на обывательскихъ живопахъ; приведемъ, — и мы сей часъ укашимъ.

Подтрусовъ (*въ сторону*).

Ахъ — злодѣи! Подсѣкутъ они меня!

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ТѢЖГ, ВЫБОРНОЙ И СОТСКОЙ (*входятъ поропливо, перемерзшіе; шапки и рукавицы кидаютъ у дверей*).

ВЫБОРНОЙ.

Лашадѣ вашей миласни усѣ гашовы.

СОТСКОЙ. *

Усѣ гашовы.

Завойкинѣ (*къ Выборному*).

Какъ же ты это, бездѣльникъ, шакъ долго насѣ проморилъ? Свѣшь бѣлой, а мы еще здѣсь сидимъ! Ахъ ты, рожа глупая! Я тебѣ всѣ ребра перешишаю. (*Ступитъ ногами. Къ Сотскому*). А ты чпо прясешся! Не видишь, разбойникъ, что шпофы пусты? Бѣги сей часъ и принеси на дорогу! (*Толкаетъ въ спину убѣгающаго Сотскаго*). Пошелъ, пошелъ! (*Выборному*). Сколько лошадей привели?

ВЫБОРНОЙ (*со страхомъ*).

Девятѣрку, ваша благородія; махамъ запрягемъ.

Завойкинѣ (*хотѣлъ его ударить и дальпромахъ*).

Ахъ ты мошенникъ! Ты еще и обороняешься? (*Промахъ*). Держи меня. (*Выборной его держитъ, а онъ шатается и кричитъ*). Стой! не шевейся! . . . А почему не—не—не—двѣнадцать?

ВЫБОРНОЙ.

Да — да ваша благородія, приказалъ девятѣрку.

Завойкинъ.

А ты долженъ былъ догадаться, что еще дворянство подьѣдешь. Держи крѣпче. (*Хочетъ бить его*) и себя. . .

Подтрусовъ (*удерживая его*).

Полно, братъ Амея, полно! — Не мори себя. Выведи его на морозъ, да намъ и развѣдывайся.

Завойкинъ.

Вошь изъ Губерніи ворочусь Исправникомъ, шакъ найду съ разсыльщиками. — Гдѣ Голова?

Выборной.

Не бывалъ яшо.

Завойкинъ.

Всѣхъ проучу, мошенники! Онъ не зналъ меня здѣсь на шракшу дожидаться? Да и дворянство проѣзжаетъ; всякой изъ насъ Исправникъ. Вспрѣчай, давай лошадей и всего, что пошребуюшь. Чшо-бы сей часъ вошь здѣсь шройка лошадей явилась; иначе по волоску бороду выщипаю.

Выборной (*бросается на колѣни*).

Памилуйшя, ваша праисхадительшва; хопь бы я самъ передъ шваєю миласшью канѣмъ спшалъ, кали адна клячонка въ дере. . . .

ЗАБОЙКИНЪ.

Ахъ пы . . . . (бросается чтобы бить
Выборнаго , но усидя Сотскаго , несущаго водку ,
беретъ штофъ и пьетъ). Подайка сюда ,
подай ! — А ! — Наше , бранцы , на до-
рогу , а я ужь успалъ сердившись .
(Оплянтвъ , стоитъ въ углу и шатается).

ПОДТРУСОВЪ.

Да чего на дорогу ? Я еще не пилъ .
Не лъзя ли самоварчика ?

ВЫЖИМАЕВЪ.

Какой шебъ самоваръ ! Пей безъ мѣ-
шанины , въ чиспопу . (Наливаетъ ему
стаканъ). — Послушай-ка , Выборной ! у
меня нѣтъ никакой поклажи , такъ мо-
ихъ лошадей вошь во вновь приѣзжіе
сани , да какъ можно скорѣе .

Выборной (кланяется и Сотскій также).

Благодарспвуямъ , ваша Асвятель-
спва , што насъ бѣдныхъ пожалавали !
Ну , Діома ! бяги , запрягай скорѣича и
приди скажи , какъ запрягушь .

Сотской (уходя).

Пабягу , и сей часъ запрягу .

Подтрусовъ (допивая водку).

Вошь шеперь какъ-то лучше . А ! —
Шепанъ Кузмичъ ! не прикажеше ли ?

Думалкинъ.

Я? — знаете? — Я еще чаю не пилъ
Не прикажете ли? я вѣлю согрѣть. —
Я думаю — это лучше. . . .

Подтрусовъ.

Думашъ было да приказывать, по-
ка мы здѣсь сидѣли; а шеверъ нужно по-
спѣшать. Теперь мудрено и кварширу
найти.

Выжимаевъ.

О, не шужите; я заказалъ Буш-
лочкину оставишь нѣсколько номеровъ
за нами: вѣ помѣспимся. Трактиръ
порядочной, и у него все отличное.

Сотской (вбѣгал).

За вѣсьмъ гошова, усь лашадѣ гашова.

Выжимаевъ.

Ну, брашцы, повдемъ! — Соцкой! не-
си самоваръ и уложи хорошенько. Гдѣ
шубы? живѣе, брашцы, живѣе!

(Всѣ отвѣаютъ въ шубы).

Выборной (издали, боась подступитъ, къ
Забойкину).

Вапа Асїяцельспва . . . благародїя! . . .
лашадѣ гашова, извоите поѣзжашъ.

Забойкинъ (шаталъ).

А! мошенники! . . . подавай шубу! (наѣ-
ваетъ). Веди меня, да уложи въ сани.

(Идетъ шатаясь. Выборной его ведетъ). Что ты шаптается? — Не умъешь весни? я тебя проучу — я себя. . . .

(Уходитъ).

ВЫЖИМАЕВЪ.

Повдемъ, брашцы, повдемъ. (Взять штофъ съ волкой). А эпо сокровище останешся въ моемъ вѣденіи. Я, какъ судья, буду разсуждашь, кому сколько выинить на дорогъ.

(Всѣ уходятъ. Выжимаевъ идетъ за ними и пьетъ изъ штофа).

АКУЛИНА (во все сіе явленіе лежала, спала, при шумѣ вздрагивала, просыпалась; теперь проснулась совсѣмъ, зѣвнула и встала съ скамьи).

Убралися! — Екую голову мнѣ на шумѣли, я вошь не дали шаки, не дали мнѣ ни малѣханька уснуть. — Ихъ дѣла баарскаѣ, да усѣ вяликіе гаспада, усѣ Справники! — Да и надушили же пракляшымъ винищемъ, словна какъ были на пахаранахъ маво Ахрѣма. — Вяспима: они на шо дваряне. И гдѣ праспому мужику съ ними равнишца? — Чу! пакашили! (Смотритъ въ окно). — Пабѣгли. — А Выбарнай съ Соцкимъ инда угарѣлыя. Видна на дарогу ишо папузили? — Охахохъ! . . . бѣдныя, глупыя люди! — Ну, да вяспима: ани на шо Капйтанъ-Справники.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Акулина, Выборной и Сотской (входят, лгесываються).

Акулина.

Што, сванушка! правадиль сванхъ гасней?

Выборной.

Сѣинь ихъ голова! . . . Вѣришь, Трахимавна? гляжу, и ня вижу ничаго; слушаю, и ня слышу ничаго. Усю памьять апбилъ; усю бараду абарваль; во-на сколько нарваль!

Сотской (сквозь слезы).

А што, дядя! кабы намъ пайши пая-жалъвица-ша?

Акулина.

Да што жалъвица. — Ани, знашь, на шо Справники. Дуй ихъ гарой!

Сотской.

Да рази старшова и нѣшту-тѣ надъ Справникамъ? Ну, Казначею; што, знашь, преушилъ меня, какъ козну вазили да яму на паклонъ ничаго ня принясли. О! да юнъ больна бѣв!

Выборной.

Экой ты, Діома, глупой! праспаша сердешная! — Свѣшу ты ня видаль и

ничего ня знашь! — Да каму ты пажда-
лишься? Эхэхэхь! Вѣшь усю гаспада! —
Ворань ворану глазь не выкалъ, а шья-
жа абвинавапьяшь. — Тярпи!

Акулина.

Вяспима, вяспима шакъ; ня зымь
ихъ! Такъ ужь на раду написана: имь
нась бишь, а намь имь кланяшца. О-
охъ!

Выборной.

Ой да пакланились жа мы имь уся-
каю усячинаю! чай дома-ша ань галаду-
юшь, што здѣся шакъ жрали да пили? —

Акулина.

Нъ, Агахфонь Сидарычь! — Мой па-
койнай Ахрѣмь Авдѣичь самъ былъ Вы-
барнымъ, шакъ бая бало, што у Справ-
ника у даму усяго довольна, да и при-
возяшь усяго ежеденна; а какъ паѣдя
па валаспямь, шакъ опять усяго пре-
буя; а чаго не пакуша, шакъ и зъ са-
бой забира.

Выборной *(вздохнувъ)*.

И шо правда: на шо юнъ Справ-
никъ.

Сотской *(испугавшись и сквозь слезы)*.

Охти, дядя! прибѣгли ишо дворя-
не. — Бяда!

ВЫБОРНОЙ.

Абарани Гасподь! (Посмотрѣвъ въ окно). И взаправду! гляди! — Каляса! ... Свашьюшка, Акилина Трахимовна! не дай умереть не временно; схарани мои коспачки гдѣ знаешь, али накажи кудабы шмыгнушь. —

(Бѣгаетъ по избѣ).

Сотской (также бѣгая, кричитъ).!

Ой, прапали мы, прапали! — Двара не набѣгли!

Выборной и Сотской бѣгутъ и въ дверяхъ встрѣчаются съ Скромовымъ; пугаются, дрожать и кланяются.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

ТѢЖЕ И СКРОМОВЪ (въ дорожномъ тепломъ платьѣ).

ВЫБОРНОЙ (кланяясь).

Сей часъ, ваша благародія, сей часъ лошади будущъ.

Сотской (также).

Я вошь мигомъ за ними слѣшаю-ша.

СКРОМОВЪ (удерживая ихъ).

Не безпокойтесь, друзья мои; мнѣ лошади не нужны, я ѣду на своихъ. Оспановилъ же только, пока мои люди

сыщуть наняты проводника; дорога ужасно какъ забила. (*Акулина, которая прибраваетъ съ своей скамьи постель*) Здравствуй, старушка! пожалуста не безпокойся, мнѣ ничего не нужно. — Да не кабакъ ли это?

Акулина.

Абарани Господь! Хрестьянской домъ, мой кормилецъ.

Сотской.

А каки вашему Асіяпельству нѣжна винца, шо я сей часъ пабягу.

Скромовъ.

Не безпокойся, любезный! Я потому спросилъ, что здѣсь крѣпко виномъ пахнетъ.

Акулина.

Грѣшнаѡ дѣла, кормилецъ! Дворяне усю ночаньку шумъ гуляли.

Скромовъ.

Дворяне? — Какіе это дворяне?

Выборной.

Благородныя. Ъхали на выбаровку въ Справники; такъ знашь, ваша миласць, не равенъ часъ. Сказано: усѣ халяшь, а адинъ будя; а хшо будя, намъ ня звѣсна; мы люди шѣмныя, такъ усѣмъ усяго и падавамъ, чаго пажалѣюптъ. Да и ваша миласць, незволипя ли чаго?

Скромовъ (улыбаясь).

Спасибо; я не изъ числа такихъ
Дворянъ.

Выборной (сидясь на скамью).

Такъ ваша милость прашае? —
Съдай, Діома! Гаспадинъ плахой.

(Сотской также съль).

Скромовъ.

Ты же, спарушка, конечно поспоя-
льнй дворъ содержишь?

Акулина.

Не даведи Гасподь! — (Приосамьясь).
Я сяспра валаснова галавы, такъ мнѣ
больна не пригожа паспаяннй дворъ
дяржашь. Живу на вдовьяму; да какъ
изба-ша мая на усю дярвеню, такъ усѣ
правзжающи и зъвзжающь; да аднѣ
полька вяликія гаспада; да инагда-ша и
Капишань-Справника приму.

Скромовъ.

Да кто же важнѣе у васъ, какъ не
Исправникъ?

Акулина.

Есть ишо и по гразнѣй яго: Аля-
спрашарь. Какъ бишь яго? — Скажи,
свашь.

Выборной.

Да хто? — Казьма Казмиць Гроше-
хвапавъ.

Скромовъ.

Великій же человекъ!

Выборной.

Да шакъ-ша великай, што чупъ ли не набальшой. Самъ гаварить, што юнь, дискашь, дѣсяць Справниковъ за поясъ зашкнѣ. А ушь какъ прибягнѣ суды, шакъ команду, команда! И вина дай, и куръ дай, парасѣнкавъ дай, хлѣбушки усякаго дай, шалекъ дай, жень гаспинцавъ, дѣлямъ на лакамснѣ: падводы три набарахшая. Мы знай да-ѣмъ, а юньусѣ знай бяръ, да ишо и за шруды праשא.

Акулина (вздохнувши).

Васпима, свашушка. Яго дѣла: юнь на шо Алиспрашарь!

Скромовъ.

Почему же вы не жалуешесь?

Выборной (вздохнувь).

Эхъ, ваша благородія! Мы шакъ сабъ маракуюмъ: юнь наѣлса, шакъ ушь яму помаленьку шолько нада-шѣ падавашь, шакъ и не завсѣмъ шяжка. А какъ яго эмѣняшь, да приспавляшь галоднаго, шакъ шой-ша какъ начнѣ, какъ начнѣ — шакъ яму не надашь, а мѣръ шяжка аб-дярешъ. А ушь намъ, васпима, безъ начальснѣва пражишь ил'яля.

Акулина.

Вяспима, сватушка! Какъ намъ безъ Алиспрапора? Да какія парядки и въ воласши будушь? А какъ ѱонъ набягинь, да дасъ аспрашку, такъ и брашь-та мой хонъ ѱонъ и галава, да и шопъ-та ноченьку не паспипъ отъ перепуга: малишву савварья, хрѣсть кладъ, а Алиспрапартъ усѱо яму́ передъ глазами-та!

Сотской *(посмотрѣвъ въ окно)*.

Дядя! — гляди! — Парамонъ Трахимычъ прибѣгъ.

Выборной *(суется)*.

Ой ли? *(подходитъ къ Скромову)*. Ваша благародія. — Успанья: галава прибѣгъ; ѱонъ шупъ сядъ. *(Скромовъ съ улыбкою встаетъ, а Выборной стираетъ со скамейки)*.

Сотской.

Ой бяда! ишо съ писаремъ прибѣгли!

Выборной *(торопливо)*.

Пошло на зводъ сумы! Чего-та па-пребуюшь?

ЯВЛЕНІЕ ОСЬМОЕ.

Тѣже, Трофимычъ и Шельменко.

Выборной и Сотской *(встрѣгаютъ прибывшихъ съ низкими поклонами и стоятъ съ робостью)*.

Трофимычъ *(медленно снимая шапку и рукавицы)*. Укрой, сяспра, отъ спужи и няпагоды.

Акули́на (вста́вь, низко кланяется).

Шельменко (дѣлаетъ тоже).

Гу-у-у-у! Мразь вели́й, и вси врабѣи померзоша! (Отряхиваетъ съ себя снѣгъ). Мырь дому сему и первоначально паней Кулыни Трохымовни зъ умершими чадами, зъ неиміющимыся домочадцями и прысупствующими. (Увидѣвъ ходящаго Скромова, осматриваетъ его, расправляетъ усы и помолгавъ) Гмъ! — госпьямы.

Трофимычъ (между тѣмъ подошелъ къ Акулинѣ и сѣлъ подлѣ нея на скамьѣ; говоритъ ей въ полголоса, указывая на Скромова).

Клюй-ша шакой?

Акулина (также тихо).

Якой-сита правѣжай. Такъ юнѣ сабѣ длахавашь, — Ня зымѣ яго!

Шельменко (все разсматривавшій Скромова, ходя за нимъ и расправляя усы, подаетъ ему скамейку).

Вашыци прѣшу. Дзыглыка не мае, то сядыше, будыше ласковы, хопѣ на ослѣни.

Скромовъ (сидясь).

Вась, панѣ не, Полякъ ли?

Шельменко.

Ни, я не полякъ; ша не хай Богъ мылуе и не Москаль. Я зъ иноземной земли — изъ Пыряшына. (Между тѣмъ за-

(куривъ свою трубку, подноситъ Скромову).
Уы не хочешё, добродію, люлечкы по-
шягнушы?

Скромовъ.

Благодарю покорно; я не курю.

Шельменко (въ недоумѣніи, тихо).

Що воно шаке? — Ось не вгадаю.

Трофимычъ (грозно Выборному и Сотскому).

А вы, скашы! што здѣсь рашазя-
ше? ни свѣтъ, ни заря, ушь вы у ся-
спры у даму! — никакъ паспой? Каго
паспавили? и хшо смѣль безъ приказу
галавы у яго сяспры паспавляшь? —
Га? — Штожь малчишь?

Выборной (съ робостью и поклонами).

Нѣ, Парамонъ Трахимычъ! никалды
сяго ня бывала, да не магешъ и бышь.
А здѣсь я на дѣль. Дакладаю вашам ми-
ласши: шшурма была; бѣгли Дваренѣ
на выбировку, да уламилися вопшь къ
сясприцѣ ишо зѣ вѣчара; вопшь-вопшь
шшо паѣзжали. Діому сердешнаго крѣп-
ка павчили, да и миня — охъ! дужя боль-
на пабили; валосья воша на галавѣ и
на барадѣ усё абарвали — охъ! — да узали
девьяшѣрку лашадѣвъ; а съѣли курей
двѣ пары, да хлѣбушки черезъ мѣру;
да вышянули чашыре шшохвика, а узя-
ла изъ казѣннаго. Какъ прикажашъ, ми-
ласшь ваша? опжедева паполнишь-ша?

Трофимычъ.

Екая швая глупая, мужицкая голова! И шаго ня смысляшь? Нышня шы богашъ, што будяшь папалняшь? А мірской на што? За мірскимъ дѣламъ ѣхали, зъ міру и папалняй. Да ня забудь, пиши усяго у двоа.

Шельменко *(сидя важно и куря трубку)*.

Писано бо ешь: удвойше — и удвоиша.

Скромовъ.

Не грѣшно ли будешъ, господа, чшобы за чужія прихоши плашилъ бѣдный міръ? И шы самъ Голова, и вельѣ вдвойнѣ написашъ расходъ!

Трофимычъ *(безъ уваженія)*.

Я Галава, я знаю што дѣлаю. — Панъ Шельменка! Пагавари шы съ нимъ изъ письма; а я нышня прозябъ. *(Отворагивается къ Акулинъ)*.

Шельменко *(очень важно)*.

Гмь, гмь! — Ваше благородые — а може и высокоблагородые — колы — ще й невзыще — гмь! — шого дя, дя порядка дила, и нужно мыни, наведи справку, знашь вашъ чынь, щобъ у рѣчахъ, на случай, безошыбочно васъ решекловашъ.

Скромовъ.

Пожалуста безъ чиновъ, просно: я человекъ дорожный.

Шельменко (*въ сторону смѣется*).

Ге, ге, ге, ге! — шакъ бачю не велика пшыца! (*Вслухъ, продолжал курить трубку и важничать*). Будучы сказашь — шее-шо — по незвистности ранга — шилько що Государь мій любезной! позволше сказашь: — шее-шо — а по чому бы — спало бышь — мыру не заплашышь що попребувалоса для ихъ благородый и уповашельно — будучи сказашь — ихъ высокоблагородый? Воны идущь на балопыровку; и — шее-шо — едынъ зъ ныхъ будышь — будучы — Справныкомъ — примѣромъ — начальникъ нашъ. Когда жъ воны — шее-шо — шакын парсоны шаковый шрудъ предпрыняли, шо — спало бышь — слидовашельно — мыру не есущь важное и ухлибышы ихъ. Ибо, попомо що когда — будучы сказашь — пысаные гласышь: купы лыхо за свои гроши, шопее-шо — шымъ паче — обаче — дондеже — поелыку — гмъ!

Трофимычъ (*тихо сестрѣ*).

Ай да Шельменко! — вопшь шакъ зъ писанія ямѹ и ошрѣзаль.

Скромовъ.

Эти называемые вами дворяне не заслуживали сего званія, когда рѣшался на шакое законопротивное дѣло — съ міру собранныя деньги расточашь

на свои гнусныя прихоши; и слѣдовашельно, не должно было бы требованій ихъ исполнять, а оставишь и ихъ самихъ безъ уваженія. Но ты, Голова, не довольно что глупо издерживаешь мірскія деньги, но еще приказываешь записать ихъ вдвое, дабы и въ свою пользу удержишь. Это пятчайшій грѣхъ; это лихоимство!

Шельменко *(въ продолженіи сего тихо говорилъ)*.

Такъ — шакъ! — Ощце шакъ! — Выжь кажѣше. — Чувалы шаку! *(потомъ вслухъ)*. Гмъ! Сые, ваше высоко... шее-то — Государь мой любезной, дилаешця по придмешу — щобъ въ случаи — стало бышь — забвенія котораго расходу, не произвешы ущерба своей — будучи — кыщѣни.

Ттофимычь *(прикрикнувъ)*.

Да што нусной калякашь-ша? Калды самъ Капшанъ - Справникъ, да и кто письмавадитель, ничаго негаварить, такъ ушь не пришлось никаму умничашь-ша. Да калды и самъ Галава приказывашь-ша!

Шельменко.

Бо и цысаные глаголетъ: скачы враже, якъ панъ каже.

Скромовъ.

Я говорилъ оберегая васъ; впрочемъ какъ хопите. Но рано или поздно, Правительство, узнавъ ваши дѣянiя, возьмётъ свои мѣры, и тогда — берегитесь! Шельменко *(равнодушно, покуривая трубку)*.

Гмъ! писано бо естъ: хвалько нахвалышца, а будько набудешца. И пакы другое писаные глагоleshъ: покы сонце зйде, а роса очи выисшъ. — Гмъ! *(мигаетъ усами Головъ, что замолчалъ Скромовъ)*.

Трофимычъ *(хохочетъ. Акулинтъ)*.

Вотъ ушъ удамой Шельменка! шакъ рихшму и пришьёшъ. *(Грозно Громову)*. Да кто такой? — Анкелева узяласы? — Куда ѣдшъ? — За чѣмъ? —

Шельменко *(также)*.

Та вашычи чога шушечка — здесечка треба нада? —

Скромовъ.

Ничего больше, какъ проводника до города. Ожидаю здѣсь, пока мой люди наймушъ желающаго. Помогите мнѣ сыскашъ такога: я и вамъ заплачу за шрудъ вашъ.

Шельменко.

Ошца речъ дуже до дила. Обаче — писаные глагоleshъ: казавъ панъ кожухъ дамъ, шай слово юго шепле.

Скромовъ (дастъ Трофимыгу деньги).

Вошь вамъ; шолько нарядише скорый надёжнаго.

Трофимычь (Сотскому).

Вошь шаперва ладна. — Слушай, Дюма! Бяги, скажи Хамъ, шнобъ махамъ бѣгъ, да правадиль вошь яго. (Сотской уходитъ). Ну вошь и усѣ пушь; шаперва прашайши.

Скромовъ (собравшись ѣхать).

Прощай, хозяйюшка! благодарю за кварширу. — Не обидь меня, прими эшу бездѣлицу на памяшь.

(Дасть деньги).

Акулина.

Ахъ, кормилецъ! да за шно-й-ша? Ты ничаго и не спрашалъ.

Скромовъ.

Мнѣ ничего и не надобно, но шы для меня безпокойласъ. Можеть въ чемъ нуждаешься? Теперь зима; возьми пожалуста.

(Отдасть).

Акулина (принявъ).

Спаси шя Царь небесный! Пашли шабъ Гасподь чаго жалаишь, и съ хозяйюшкой своей!

Скромовъ.

Не женаль еще, старушка: пожелай мнѣ добрую жену.

Акулина.

Такъ дай жа шабѣ Гасподь такую жану, какъ вопъ дочка-то нашего навѣреннаго Климача! Ушь румяная, румяная! ужь дародная, дародная! . . .

Скромовъ (*Трофимыгу и Шельменкѣ*).

Прощайше и вы, да не забудьше, что я вамъ говорилъ.

(*Трофимыть не встаетъ и не слушая его тертитъ на полу тростью*).

Шельменко (*также не обращая вниманія, поетъ*):

„Въ огороди бузына,
„А въ Кшеви дядько;
„Тымъ я шебе полюбыла,
„Що на пьашій перешинь.“

(*Говоритъ*). На догадъ бурякивь! — Гмъ!

Скромовъ (*смѣясь, уходитъ*).

Мнѣ нужды нѣшь. — Прощай, козлюшка! —

Акулина (*провождаетъ его за дверь*).

За пваю благодѣшьяльства дай шѣ Богъ Справникомъ бышь; да чаго? — дай Богъ и самимъ Алиспрашарамъ бышь (*выходитъ съ Скромовымъ*).

Шельменко.

Такъ бы и давно. Пысаные глаголетъ: баба зъ воза, кобыли легче. — Та що

воно шаке? Я юго и не второпавъ. —
А кѣше лышень, що винь вамъ давъ?

Трофимычъ.

Ну што, даль? — Вишь палшинникъ.
Шельменко *(береть у него деньги)*.

Напе жъ вамъ заразь чепвертака.
И шо гораздъ; усе гроши. — Вамъ давъ
подпынныкъ, Кулыни Трохимовни, я
самъ бачывъ, що давъ карбованчика. Яжъ
кажу; що воно не прѣспе. Глядите лы-
шень; проха се ша не шпыгъ? — Та й
прышывъ же я юму добру прышву: за-
спивавъ юму нисенишныцю; сыричь: що
й юго речи шакажъ нисенишница. —
Нехай здоровъ зносышь!

Трофимычъ.

То ужъ ошбояриль шы яго! — Забудя
учоныхъ учипъ.

Акулина *(дрожа возвращается къ скамьѣ, прятать деньги, оправляетъ постель, ложится и зѣваетъ)*.

Трофимычъ.

А што, панъ Шельменка! я шы скажу:
пака судъ да дѣла, лягемъ ка и мы, да
саснѣмъ; ночку-ша мада спали.

(Приготавливаетъ себѣ скамью и кладетъ шубу).

Шельменко *(дѣлаетъ тоже)*.

Гмъ! — Будучи — ляжемо; а восставше
ошь сна и укрипывшы — спало бышь
свой силы, пойдемо со шцанѣмъ во градъ.

МОСКОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

1850 годъ.

№ II.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. СТИХОТВОРЕНІЯ.

~~~~~
Преображеніе.

Звукомъ Ангельскаго хора

Полны были небеса ;
Въ свѣтлой скиніи Фавора
Совершались чудеса.
Средь эфирнаго чертога ,
Въ блескъ славы и лучей ,
Созерцали образъ Бога
Илія и Моисей.

*

Въ шо мгновенье , надъ Фаворомъ
Серафимъ , покинувъ ликъ ,
Вождельныя полнымъ взоромъ
Къ диву горнему прикикъ.
Брашья пѣли ; но , счастливый ,
Онъ ихъ звукамъ не внималъ ,
И украдкой , молчаливый ,
Тайну Бога созерцалъ.

*

И въ небесное селенье
 Возвратился Серафимъ :
 Лучезарное видѣнье
 Неразлучно было съ нимъ.
 И полешомъ непримѣннымъ
 Вѣкъ за вѣкомъ пролетѣлъ :
 Лишь о немъ въ эфирѣ свѣтломъ
 Братьямъ внимающимъ онъ пѣлъ.

*

Разъ заперянные звуки
 Долетѣли до земли :
 Сколько слезъ , молишь и муки
 Звуки тѣ произвели !
 Не одна душа , желаньемъ
 Истомясь узрѣвъ Фаворъ ,
 Съ несвершеннымъ упованьемъ
 Ошлелѣла въ Божій хоръ.

*

Къ тѣмъ моленіямъ Создатель
 Слухъ любви преклонилъ :
 Божьей тайны созерцатель
 Къ намъ на землю посланъ былъ.
 Ангель смѣлый въ наказанье
 Съ жизнью принялъ горе слезъ ;
 Но свое воспоминанье
 Онъ въ усладу взялъ съ небесъ.

*

Духомъ Божьимъ вышній гсній
 Осѣнился съ первыхъ лѣтъ,
 И утраченныхъ видѣній
 Рано въ немъ проснулся свѣтъ.
 Слезы лья по небѣ ясному,
 Сквозь ихъ радужный кристалль
 Онъ въ величїи прекрасномъ
 Чистыхъ брашьевъ созерцалъ.

*

И любилъ, осирошѣлый,
 Думой въ небо залешатъ,
 И замыслилъ, кистью смѣлой
 Къ прочной шкани приковать
 Возвращенныя видѣнья,
 Часто, облакомъ живымъ,
 Въ мигъ великаго прозрѣнья,
 Пролетавшія предъ нимъ.

*

Вспоминалъ, какъ въ мїръ призванный,
 Онъ на лонѣ свѣжихъ крилъ,
 Гость небесъ богоизбранный,
 За Создателемъ парилъ;
 Какъ съ крылатымъ роемъ брашій
 Въ день творенья несъ дары;
 Какъ изъ Божескихъ объятій
 Всюду сыпались мїры.

*

Трофимычъ (лежа).

Ты, Выбарной! глвди: какъ заспимся, разбудай насъ, и шшобы шройка съ санями здѣсь сгарѣла.

Шельменко (лежа).

Да собранную во множествѣ свынину и пшщю, уложы спало бышь у особенныя саны, ша нехай чухраюшь за нами — будучы — у городъ, щобъ було зъ чымъ явынысь на прощенье до пана Справныка спарого, а шамъ шо сее полюбляюшь; ша й на поздаровленые юго благородья, а може ще й высокоблагородья, кого пособерушь. Намъ же ошщисышь — шее-шо и сей указый.

(Вынимаетъ изъ за пазухи бутылку и отдаетъ Выборному.)

Трофимычъ.

Послушай ишо. Завшря чуть свѣшь, шшобъ Соцкай однойкаю въ саняхъ явысы бы у миня въ городъ. Черезъ яго пришло приказъ, хшо наши начальники будушь. Сягодня хшо въ горадъ ѣдя, не маги никаму нагрубилъ; а съ горада, шахъ распрашай: кали юнъ, такъ усѣ поставляй, чаго пажалашъ, а кали не юнъ шахъ и шапки не ламай, да язь рашуши и дверь укажи, хошь бы разпрераздварянинъ, нехуже какъ волъ я сдѣлалъ съ эпѣмъ шищимарай. Ушь и видна, шшо юнъ не изъ шаковскихъ.

ВЫБОРНОЙ (низко кланяясь).

А абъ маей абѣдѣ дакладѣю вашай миласни, што миня Дварянь изувѣчили. Какъ прикажешь, Парамонъ Трахимычъ?

ТРОФИМЫЧЪ (прикрикнувъ).

Пошоль шы, мужикъ, глупѣя галава! смѣль шы абъ едакихъ паспякахъ миня бизнаконить, калды я спашь хачу! Сшупай. Испалняй приказъ.

Зваетъ.

ШЕЛЬМЕНКО.

Явысь во оное время въ волосне правленые, шогди побачемо що по справци окаженця, шай резолюцію положымо.

Зваетъ.

(Выборной, потесавъ голову, уходитъ).

Н А У К И.

И с т о р і я.

Физиологическія свойства человѣческихъ поколѣній, разсматриваемыхъ относительно къ Исторіи

(Окончаніе).

1. Надобно сколько возможно болѣе обращать вниманіе на жилищей деревень и жилищей городовъ. Народонаселеніе деревень менѣе подвержено измѣненіямъ, менѣе представляеть смѣси; народонаселеніе городовъ по большей части есть смѣсь недѣлимыхъ, сошедшихся изъ разныхъ мѣстъ; взоръ наблюдающаго нигдѣ такъ не былъ пораженъ, какъ въ нижней Бретани: тамошнія деревни вообще представляютъ черты образа Кельтическаго, мало измѣнившіяся, а напротивъ города — смѣсь всѣхъ возможныхъ формъ. Сія смѣсь въ жилищахъ городовъ шѣмъ разнѣльнѣе, чѣмъ болѣе славился городъ торговлею или чѣмъ болѣе родъ или состояніе промышленности онаго привлекли лицъ разнаго рода. Такимъ образомъ Гавръ, какъ городъ торговый, и Женева, посели-

ку долгое время служили убъжищемъ Протестантамъ всѣхъ земель, суть такіе города, гдѣ напрасно будемъ искать отпечатка національности.

2. Не надобно слишкомъ довѣрять заключеніямъ, кои почти нечувствительно извлекаешь изъ звуковъ нарѣчій, изъ костюмовъ, движеній и тѣлеснаго образованія, часно видимыхъ въ недѣлимыхъ одной и тойже страны или одного и того же Государства, въ поразительномъ сходствѣ. Сія заключенія могушь быть полезны въ другомъ отношеніи; но что касается до познанія племени рода человеческого, познанія, которое должно быть основано единственно на естественномъ свойствѣ; то онѣ могушь ввести только въ заблужденіе. Опличишь Провансальца по выговору есть дѣло совершенно обыкновенное при свѣденіяхъ въ языкахъ; но узнашь его по чертамъ лица есть познаніе Физиологическое, тонкое и не для всякаго возможное; опличишь поршняго по походкѣ есть принципиальность взгляда, которою многіе одарены; но сходство въ сложеніи тѣла мѣшаетъ опличишь поршняго по колѣннѣ Нѣмецкаго отъ поршняго племени Гальскаго.

3. Надобно пріучить глаза къ познанію сходства, ибо упражненіе и на:

выкъ, въ чемъ бы то ни было, сообщающъ нѣкоторый родъ проницательности, которую не лзя подвесить подъ правила. Люди, свѣдущіе въ наукѣ естественныхъ сходствъ между расшеніями, и особенно между живописными, имѣютъ въ семъ отношеніи предъ другими существенное преимущество, потому что они привыкли сравнивать недѣлимья, не только для того, чтобы видѣть ихъ различіе, но даже чтобы опгадать, въ чемъ онѣ сходны. Живописцы, коимъ, казалось бы, всего болѣе надобно обладать способностію распознавать физіогноміи людей, вообще не имѣющъ расположенія замѣчать индивидуальности: если хотяшь они написать портретъ, то тщательнѣе ищутъ того, что отличаетъ фигуру отъ всѣхъ другихъ, и это составляетъ сходство въ портретѣ. Въ различеніи же племенъ надобно искать напротивъ того, что есть общаго у извѣстнаго числа недѣлимыхъ, и что слѣдовательно отличаетъ сію куну отъ всякой другой. Это есть нѣкоторый родъ умствования, которое имѣетъ свои трудности, и къ которому одни бывають способнѣе другихъ. Въ семъ случаѣ одно изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ есть тщательное сравненіе фигуры полстой съ худою того же племени; то, что есть

общаго симъ двумъ фигурамъ, — часто опредѣляютъ опличительное свойство поколѣнїя.

4. Вообще надобно сравнивать между собою недѣлимое одинаковаго пола и возраста, ибо постепенныя измѣненїя развитїя мѣшаютъ замѣнить сходство. Посему — то мальчикъ племени Нѣмецкаго и таковой же племени Кельшическаго оба бывають очень бѣлокуры, но когда подростунтъ — Нѣмецъ оспаеся русымъ, а послѣднїй спановишся черноватымъ.

5. Наконецъ, что особенно достойно замѣчанїя, чшобы умѣть хорошо судить о физическихъ свойствахъ народовъ, то надобно знать ихъ ни слишкомъ много, ни слишкомъ мало. Посмотрите на члены, составляющїе семейство, вы тотчасъ найдете различїе между братьями и сестрами; станете разсматривать ихъ пристально, вы увидите одно только сходство, которое бросается въ глаза всякому постороннему. Для путешествующаго по спирнѣ потребно нѣсколько времени на узнанїе общихъ чертъ народа или провинцїй; но кто оспаеся слишкомъ долго на одномъ мѣстѣ, тотъ узнаетъ только недѣлимая, и, желая видѣть различїе, уже не замѣчаетъ больше самаго существеннаго сходства.

Сіе сходство явленій въ семействахъ съ тѣмъ, что видимъ въ поколѣніяхъ, сходство, которое мнѣ повсюду предшавлялось, не есть нѣчто случайное; и самое простое средство имѣть понятіе о явленіяхъ въ племенахъ есть приложеніе ихъ къ наследственности семейства. Извѣстно, что нѣкоторыя фамиліи опличаются чертами столь поразительными, что ихъ продолженіе въ поколѣніяхъ всемъ замѣтно. Такъ на примѣръ фамилія Мальшійская, коюрой каждый членъ имѣлъ по шести пальцевъ на обѣихъ рукахъ; фамилія Шошландская, у членовъ коюрой кожа покрыва чешуею, замѣчены со всеми подробностями въ Естественной Исторіи. Что касается до чертъ не столь замѣчательныхъ, то продолжительная наследственность замѣтна только въ семействахъ, кои по своему общепительному положенію такъ видны, что черты ихъ извѣстны.

Посему-то губа, носъ, въ томъ или другомъ дому Государей признаны бывають за черты наследственныя. Мы простые люди также имѣемъ подобныя наследія; трудно доказать что онѣ передаются долгое время, но спарики въ каждой деревнѣ ихъ знаютъ, и любящъ о нихъ воспоминають.

Если бы намъ вздумалось посѣлится или мало населенный островъ, или какую нибудь деревню, отдѣленную горамй, — мы были бы поражены сходствомъ недѣлимыхъ между собою. Это семейства, кои, бывъ принуждены по необходимости вступать въ супружество всегда въ своемъ поколѣнн, сохранили черты первыхъ своихъ родоначальниковъ.

При началѣ обществъ колонн были болѣе разбѣяны по землѣ, сношенія между ними были рѣже. Каждая колонн умножалась, не измѣняя своихъ чертъ, до нѣхъ поръ, какъ сжапан мѣстомъ встрѣчалась съ поселеніемъ другой колонн соседней. Изъ сего вѣроятнаго образа раскрытія видно, что Европа при тщательномъ разсмотрѣнн представляетъ множество малыхъ участковъ, занятыхъ народами, коихъ образъ болѣе или менѣе удобно отличить. Что касается до странъ плодородныхъ или торговыхъ, кои рано привлекли чужестранцевъ, находящихся въ большомъ сообщенн съ другими народами, то смѣсь поколѣнн споль велика, что не лзя узнать первоначальнаго шина. Напротивъ въ странахъ бесплодныхъ, бѣдныхъ, странахъ неудободоступныхъ, гдѣ чужестранцы могутъ бытъ только въ маломъ количествѣ, тамъ первоначальныя черты

легко могутъ быть видимы. Такимъ образомъ, проѣзжая Францію, я всегда легко узнавалъ черты жителей спиранъ бѣдныхъ или опдаленныхъ, каковы напримѣръ нижняя Брешанъ, верхній Лимузинъ, горныя спираны; во ничего вѣрнаго не могъ извлечь изъ образовъ обитателей провинцій богатыхъ и плодоносныхъ.

Но сіи народонаселенія, коихъ происхожденіе я описалъ, обнаруживали въ себѣ недѣлимья, происшедшія отъ разныхъ народовъ. Семейства происхожденія Кельпическаго расселились тамъ и самъ по землѣ Галловъ, между тамъ какъ другія семейства Германскаго происхожденія распространились по Германіи. Размножаясь, они сохранили вмѣстѣ и фамильныя черты, сдѣлавшіяся принадлежностію провинцій, и главныя, общія ихъ первыя родоначальникамъ, кои сообщались цѣлымъ племенамъ. Всѣ сіи постепенности находятся и въ Исторіи языковъ и нарѣчій, и одно изъ сихъ познаній утверждается другимъ.

Изучая сіе разсѣяніе переселенцевъ и народовъ, видимъ, что оно было основываемо разными физическими причинами. Такъ напримѣръ, когда первые переселенцы вспрѣтили или моря слишкомъ широкія, кои невозможно переплыть, или горы, слишкомъ

ушесиспныя, или долины слишкомъ безплодныя, и поному не имѣвшія для нихъ ничего привлекательнаго, по они остановились. Посему-то наши Европейскіе языки и народы раздѣспились по морямъ или цѣнямъ горъ. Рѣкъ, кои войны любяшь дѣлашь границами, нельзя счишашь естесшвенными преградами; но если ихъ переплывашь не трудно, по онѣ дѣлающа средсшвомъ къ взаимному сообщенію. Такимъ образомъ настоящая граница колоній Нѣмецкихъ и Гальскихъ сущь Вогезскія горы, а не Рейнь, копорый напрошивъ того служиль къ большему ихъ соединенію и знакомству. Къ Сѣверу отъ Вогезскихъ, горы до того понижающа, что уже не составляютъ границы. Сѣдуя по моему за раздѣленіемъ народовъ въ сей странѣ, видишь, что каждый изъ нихъ шель впередъ до тѣхъ поръ, пока находиль землю выгодною, и граница языковъ въ Арденѣ естѣ почти самая средняя полоса земли.

Изо всего этого я вывожу послѣднее правило для различенія поколѣній. Здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, надобно въ случаѣ сомнипельномъ начинать съ изученія началъ и переходить поспешенно къ общему. Посему, когда дѣло иделъ о поколѣніяхъ, столь же различныхъ какъ Германское и Гальское,

шо сначала очень можно сравнивать их вообще; а когда надобно раскрыть подраздѣленія племени Гальскаго, шо должно входить въ большія подробности, необходимо раздроблять и распредѣлять по классамъ переселенцевъ, для того чтобы впоследствии видѣть, какимъ образомъ можно ихъ подвесить подъ классы, болѣе общіе.

Слѣдуя сямъ правиламъ и удаляясь сколько возможно всякой системы, можно мало по малу оплечать типы народовъ и изображать ихъ или въ описаніяхъ или въ рисункахъ. Сія послѣдніе суть, безъ всякаго сомнѣнія, вѣрнѣйшее средство сохранять воспоминаніе о сихъ типахъ. Для достиженія сего надобно имѣть собраніе портретовъ съ недѣлимыхъ одного и того же поколѣнія и сравнивать ихъ. Едвардъ показывалъ мнѣ много такихъ портретовъ, кои снялъ онъ съ лицъ изъ поколѣній, встрѣчавшихся ему, какъ напримеръ Славянъ, Мадяровъ, Кимировъ и проч. Жаль, что онъ сколько нибудь изъ нихъ не присоединилъ къ своему сочиненію, или лучше, надобно надѣяться, что онъ не оставилъ пути, имъ проложеннаго, что онъ издася въкогда о сямъ предметѣ сочиненіе, болѣе обширное и съ приложеніемъ оптическихъ. Многіе новѣйшіе путешествен-

ники почувствовали пользу отъ сего изученія, и подарили насъ вѣрными пор-третами дикихъ народовъ, ими видѣнныхъ. У насъ по сіе время еще нѣтъ ничего подобнаго, касательно народовъ болѣе для насъ занимательныхъ. Кажется даже, что большая часть описковъ сдѣланы для увеселенія глазъ. Такимъ образомъ долгое время были такъ заняты Греческими формами, что хотѣли ихъ найсти въ племенахъ, у коихъ во все ихъ небыло: извѣстно прекрасное медицинское сочиненіе, въ которомъ представлено была проказа (*la teigne ou la lèpre*) на головъ Антиноя или Аполлона; равно вѣсть недоспамка въ прежнихъ путешествіяхъ съ изображеніями дикихъ съ Европейскими лицами. Однакожь если можно, въ чемъ я не сомнѣваюсь, событія историческія объяснять изученіемъ покольній, то надлежитъ заняться симъ прежде, нежели смѣшеніе, слѣдствіе дѣйствительно распространяющагося покольнія Кавказскаго, измѣнилъ первообразы или совершенно уничтожилъ. Безъ сомнѣнія есть страны, гдѣ сіе изученіе можетъ принести особенную пользу Исторіи, такова на примѣръ необышная Россійская Имперія, вѣкогда высылавшая на Европу столь многоразличныя народонаселенія. Очень было бы любопытно, если бы какой

нибудь Русской Едварь, при содѣйствіи своего сильнаго правительсва принялъ на себя трудъ раздѣлить, описать и изобразить племена, наполняющія сію Имперію, присовокупивъ къ симъ описаніямъ таковое же описаніе ихъ языка и народныхъ повѣрствъ. И почему знаешь? Можешь быть нѣкоторыя часпи Европы омыскали бы такимъ образомъ какіе нибудь слѣды своей поперянной Генеалогіи, или по крайней мѣрѣ Россія чрезъ сіе узнала бы сама себя лучше (*).

На другомъ краю образованнаго міра Сѣверная Америка предспавляетъ явленіе прошивное Азіатскому. Европа передвинулась въ Соединенные Штаты не въ безпримѣсной массѣ, но въ народахъ уже перемѣшанныхъ между собою. Слѣдовательно народонаселеніе Кавказское Соединенныхъ Штатовъ предспавляетъ смѣсь самую полную всѣхъ подпокольных (sous-races) Европы. Подлѣ нихъ находятся различныя колоніи рыжекожихъ, не смѣшивающихся съ ними, и слѣдова тельно сохраняющихъ свои опличительныя черты. Я слышалъ отъ одного человека, что одинъ изъ старѣйшихъ сихъ рыжекожихъ колоній, прѣхавъ въ какой-то городъ Соединен-

(*) Юные Соошечественики! къ трудамъ! къ трудамъ! слышите, кто призываетъ васъ! — *Изд.*

ныхъ Шпашовъ, удивился, что люди сего города не похожи одинъ на другаго, тогда какъ его соплеменники всѣ одинъ съ другимъ сходствуютъ. Очень было бы полезно посѣщивъ сохраненіемъ отличительныхъ чертъ сихъ рыжихъ поселенцевъ, кои большею частію уже исчезли изъ Сѣверной Америки, и вѣроятно совершенно пропадутъ опять сильнаго вліянія Кавказскаго поколѣнія. Наконецъ не менѣе было бы важно для познанія рода человѣческаго, если бы путешественники, посѣщающіе страны полуденной Америки и другія земли, гдѣ смѣшались разные образы, выгравировали вѣрныя изображенія различныхъ ублюдковъ, происшедшихъ опять соединенія поколѣній: это были бы драгоценныя докуменсты для разрѣшенія столь труднаго вопроса о происхожденіи народовъ. Многіе думаютъ, что извѣстныя формы, свойственныя тому или другому племени, происходятъ опять извѣстнаго расположенія. Нужно бы знать, производятъ ли ублюдки, происхожденіе коихъ опять извѣстныхъ первоначальныхъ поколѣній совершенно доказано, — производятъ ли дѣтей существенно подобныхъ другимъ существующимъ народамъ.

Знаю, что я слишкомъ далеко опять шворенія Едварда; но у увѣренъ, что

его главная цѣль при изданіи онаго въ свѣтъ была обратити вниманіе образованныхъ людей на изученіе поколѣнійъ человѣческихъ, и, такъ сказать, возстановити связь между науками историческими и естественными. Я почтала для себя обязанностію вникнуть въ его мысли болѣе, нежели слѣдовашъ въ подробностяхъ за его твореніемъ, которое всѣ занимающіеся симъ предметомъ и припомъ знакомые со славою, имъ пріобрѣтенною изысканіями по части чистой Физіологіи, прочитають со вниманіемъ.

(Сочиненіе знаменитаго Декандоля въ *Bibliothèque universelle*).

П—въ.

К Р И Т И К А.

Русскія Книжки.

Сѣверные цвѣты на 1830 годѣ. Спб.

въ 16 д. 276, 131 с.

(С о о б щ е н о).

Цвѣты по прежнему душисты, красивы, — но ихъ гораздо меньше прошивъ прежнихъ годовъ: попеваемъ садовникамъ.

Въ Прозѣ помѣщено *обозрѣніе Рос. Словесности* за первую половину 1829 года, (О. Сомова), — *обозрѣніе* безомчешное, безсвязное, безмысленное (хотя и не безмысленное), какъ и прежніе *обзоры* тогоже Автора по свидѣтельству разпохарактерныхъ Рецензентовъ: Гг. Булгарина, БесшужеваРюмина, Воейкова, и самаго Г. Полеваго. Въ самомъ дѣлѣ Кришика — не его дѣло: для нея вѣдь надобно имѣть слишкомъ разнообразныя свѣденія, швердыя правила, надобно знашь; гдѣ воспокъ въ области искусствъ и наукъ, — а иначе всегда покажешся *midî à quatorze heures*, и заря сумерками. Рецензентъ можешъ представишь нынѣ даже осязаемое доказательство своихъ словъ, обнимающихъ все прошедшія, настоящія и будущія *обозрѣнія* Г. Сомова, въ слѣдующемъ мнѣніи сего

послѣдняго о Г. Полевомъ (19): „взгляды его на Исторію и на Словесность, какъ на теорію, односторонни.“ Какъ? Г-нъ Полевой одностороненъ! Гдѣ справедливость! Этого первой писатель своего вѣка, этого Философъ, Историкъ, Политикъ, Романистъ, Педагогъ, Филологъ, обѣщающій намъ новыя мысли обо всѣхъ наукахъ, прочитавшій всѣ книги отъ *Fotii epistolis* до источниковъ Гиббона, Вашингтона и Добровскаго, (какъ сознается самъ враждебный Издатель Московскаго Вѣстника), знающій всѣ языки отъ Самскрипскаго до Волошскаго, Г. Полевой одностороненъ! После этого вы, Г. Сомовъ, многосторонни! Но соберите всѣхъ непримиримыхъ, ослабленныхъ враговъ Телеграфа, соберите всѣхъ его друзей, и тѣхъ *пламенныхъ* людей, которыхъ такъ мастерски очеркнулъ Барашинской въ своей Эпиграммѣ! Спросите ихъ, за что могутъ они хвалить и порицать Г. Полеваго? Именно за разносторонность, всесторонность, даже безспорность его сужденій. А вы говорите, что онъ одностороненъ! — Не грѣхъ ли вамъ? Хотя бы сказали, что сужденія Г. Полеваго шарообразны. Это было бы и оригинально и вѣрно: именно онъ настоящія жемчужины Зосимины: не останоятся на шоккѣ, и ко всему соприкасаясь, по выраженію нашего новаго Историка, ко всему прилагаются. Ксташи приложимъ здѣсь окончаніе этого оригинальнаго сужденія: „въ доказательствахъ (Г. Полеваго) замѣш-

но многословіе, и не всегда (ужь будшо не всегда)? точныя понятія о предметахъ, по крайней мѣрѣ (ну по-то же: по крайней мѣрѣ) относительно ко времени, къ мѣсту. — (Вошь эшо такъ! Онъ точно виѣ сферы времени и мѣста. — Каншь! каково упопреляемъ мы швои великія кашегоріи!) „А въ сужденіяхъ его — сильное желаніе переучить другихъ по своему (endotriner). Главная же его ошибка ша, что онъ несовершенно (какъ — несовершенно?) поспигъ (!) пошребности своихъ единомоземцевъ-современниковъ, и пошому часто предлагаешъ имъ собственыя свои (?) мнѣнія (!) за положительныя истины. Въ странахъ, поставленныхъ въками на высшую степень умственной образованности, эшо было бы не бѣда (точно: для Россіи слишкомъ высокъ Г. Полевой), ибо шамъ парадоксы и произвольныя толки не собоюшь уже умовъ съ надлежащей шропы. (Здѣсь вы сбились, Г. Сомовъ, и Рецензешъ васъ ловишь: или эшо не правда, или все прежнее). Довольно ли? Ошзвъ объ историческихъ спашьяхъ Г. Погодина (объ участіи Годунова въ убіеніи Царевича Дмитрія, замѣчаніе о характерѣ Іоанна Грознаго, и проч.) совершенно справедливъ: „онѣ доказывающъ слабость его исторической Кришкики.“ Правда, правда! Рецензешъ желалъ бы однакожь поговорить съ Г. Сомовымъ о Феодорѣ: здѣсь они поняли бы другъ друга, — но за чѣмъ превозишь прахъ безсмертнаго Годунова! Есть однакожь и справед-

ливныя мысли въ обзорѣннѣ, — чужія. За чѣмъ же Авторъ не указалъ откуда что бралъ. Это грѣхъ. —

Киргизскій набѣгъ (Г. Крюкова). — Прекрасной отрывокъ, чисто, правильно, остро написанной, — замѣтимъ только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (не многихъ) излишнюю шлифовку и выскальность. Желаемъ, чтобы Авторъ подарилъ еще Публикѣ своими записками о Киргизахъ и Оренбургскомъ любопытномъ краѣ.

Отрывокъ изъ Исторіи 1812 года (Ө. Н. Глинка). Другая примѣчательная спашья въ Альманахѣ! Авторъ-самовидецъ съ чувствомъ, живо, рассказываетъ любопытныя подробности о Кушуровѣ и Милорадовичѣ и въ некоторыхъ военныхъ событіяхъ до Тарушинскаго сраженія. — Судя по этому отрывку однакожь, не приличнѣ ли назвать все сочиненіе описаніемъ войны 1812 года: слогу недостаетъ исторической важности.

Кикимора (повѣсть Г. Сомова). Сводный сводъ замыкается въ своей срединѣ особливимъ камнемъ, который у каменщиковъ называется замкомъ, клиномъ. Это — главный камень въ сводѣ, и его по именно не достаетъ въ нѣкоторыхъ повѣстяхъ Автора. Въ рассказѣ о Кикиморѣ, которая невидимо лелеяла одну крестьянскую дѣвочку, есть много хорошаго, даже прекраснаго, — читатель вѣрится всѣмъ дѣйствіямъ, — а Авторъ въ заключеніе говоритъ, что все это былъ вздоръ. — Но почему же вздоръ? объясните

намъ эгошь психологическй обманъ, а безъ объясненія неудовлешворенной читашель остаешсь въ неудовольствйи, и Авшоръ напрасно будешъ оправдывашься шъмъ, что о смерти Черкешенки у Пушкина сказано толькo:

И при лунѣ, въ водахъ плеснувшихъ
Струисшый исчезаешъ кругъ. —

Авшоръ знаешъ много Русскихъ поговорокъ, и часто упошребляешъ ихъ удачно; здѣсь упрекнущъ его можно шолькo въ шомъ, что онъ не выдерживаешъ часто пону, адиссопансы въ эшомъ ошношеніи прошивны опышному уху. На пр. „Чшоже Кикморa больше не оставаласъ въ домъ Панкратовомъ?“ Вошь-шо шо и бѣда, сударь, что вышло *на оборотъ* (*).“ — „Видно, что колдовство нашего Фон-Барона было не въ доброй часъ, или онъ чудесникъ толькo курамъ на смѣхъ (**), или просшо (***) хошѣли надушъ (****) добрыхъ людей. Повѣсть перев. Г. Сенковскимъ съ Арабскаго — прелестна.

Отрывокъ изъ Лит. лѣтописей. (А. Пушкина). — Рецензенщъ, и вѣрно всѣ читашели, пожалѣюшъ, что нашъ пошъ упошребилъ пашъ мивущъ на заняшје шакми Лѣтописями. Дабы

(*) На оборотъ — эшого слова не знаешъ ни одишъ лшцикъ.

(**) Не кешши такой ошзывъ пошдпицею.

(***) Опашъ не крешьявской оборотъ.

(****) Хошѣли надушъ-можешъ сказашь пошддтій, школьникъ, много-много лакей, но некрешьяликъ.

изгладить непріятное впечатлѣніе, прочтемъ скорѣе его стихи *зимній везеръ*.

Буря мглою небо кроешь ,
 Вихри снѣжные круша ;
 То какъ звѣрь она завоешь ,
 То заплачетъ , какъ дыша ,
 То по кровлѣ обветшалой
 Вдругъ соломой зашумишь ,
 То какъ пушникъ запоздалой
 Къ намъ въ окошко застучишь .

*

Наша вешая лачужка
 И печальна и темна. —
 Что же ты , моя старушка ,
 Приумолкла у окна ?
 Или бури забываньемъ
 Ты мой другъ , утомлена ,
 Или дремлешь подъ жужжаньемъ
 Своего веретена ?

*

Выпьемъ , добрая подружка
 Бѣдной юности моей ,
 Выпьемъ съ горя ; гдѣ же кружка ?
 Сердцу будешь веселѣй ,
 Спой мнѣ пѣсню , какъ синица
 Тихо за моремъ жила ,
 Спой мнѣ пѣсню , какъ дѣвица
 За водой поупру шла .

*

Буря мглою небо кроетъ
 Вихри свѣжные крутя ,
 То какъ звѣрь она залоешь ,
 То заплачешь , какъ дитя .
 Выпьемъ, добрая подружка
 Бѣдной юности моей ,
 Выпьемъ съ горя ; гдѣ же кружка ?
 Сердцу будешь веселѣй .

Пушкинъ помѣстилъ нѣсколько стихотвореній въ Альманахъ , — по большей части описательныхъ , въ которыхъ , какъ и вездѣ , является вѣрнымъ живописцемъ , схватываетъ рѣзкія черты съ карсивъ природы и передаетъ ихъ въ своихъ звучныхъ , крѣпкихъ стихахъ . Не станемъ говорить о другихъ извѣстныхъ поэтахъ , которые часто разбираемы были и въ нашемъ Вѣсникѣ: достоинства и недоспашки ихъ стихотвореній — прежнія; замѣтимъ только съ удовольствіемъ новыхъ Ашметовъ . У *Г. Деларю* есть чувство , мысли , силлогизмъ , и знаніе языка (къ Невѣ , къ Ангелу хранителю) . Гекзаметръ его звученъ и пріятенъ . — Если бы *Г. Деларю* употребилъ свое дарованіе — на примѣръ на переводъ Овидія ! Какой подарокъ для Словесности ! Можешь быть молодой нашъ Поэтъ знаетъ языкъ превращеній , а если нѣтъ — полгода хорошаго труда , и этаго преняшствія какъ не бывало . Если бы у *Барона Розена* — языкъ Русской

былъ природный, онъ поспорилъ бы о пальмѣ съ многими молодыми нашими поэтами. Впрочемъ и языкъ его видимо совершенсшвуется: въ прекрасномъ стихошвореніи *вънгалной* *обрядъ* почти нѣтъ ужъ признаковъ, что оно писано не Русскимъ. *Г-нъ Шишковъ* 2 й своею Эльфою заставляешь жалѣть, что такъ мало звучала и такъ давно умолкла его лира. Примѣчательное стихошвореніе *Г. Теплякова*: *Схранники*, — но примѣчательнѣйшее стихошвореніе во всемъ Альманахѣ — это *Элегія Г. Катенина*. Предлагаемъ вопросъ Литераторамъ: *Гг. Катенинъ* и *Дельвигъ* пишутъ въ духѣ древнихъ. Чѣмъ они сплываются между собою и кто изъ нихъ беретъ преимущество надъ другимъ? — Заключимъ наше извѣстіе желаніемъ, чтобы переводъ Юліи и Ромео, изъ коего есть еще отрывокъ въ *С. Цвѣтахъ*, доскорѣ былъ напечатанъ, и замѣчаніемъ *Г-ну Сомову*, чтобы онъ впередъ, для пользы и удовольствія общаго, ограничился переводами съ Французскаго, и рассказами о нашихъ повѣрьяхъ, только безъ претензій на романшизмъ и оспрошу; иначе нижеподписавшійся съ именемъ знакомымъ ему по *Вѣстнику Европы*, не устанешь обличать его промахи въ разныхъ журналахъ.

Пилладъ Блугинъ 2,

Иностранья книги.

A chronicle of the conquest of Granada; etc. —
Хроника о покореніи Гренады, извлеченная изъ
рукописей Антонія Агапиды, Вашингтономъ
Ирвингомъ. 1829.

Вашингтонъ Ирвингъ, одинъ изъ отличнѣйшихъ писателей въ Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, не столько замѣчательнъ по глубокомыслию и оригинальности взглядовъ, какъ по богатству воображенія и по слогу, всегда чистому и цвѣтущему. Сдѣлавшись историкомъ, онъ умѣлъ избрать предметы, которые требуютъ яснаго, изящнаго изложенія, но не глубокаго умствования и философическихъ взглядовъ. Блистательный пріемъ его Исторіи Христофора Колумба, кажется, оправдываетъ наше мнѣніе.

Наспоцій выборъ Вашингтона Ирвинга будетъ не менѣ одобренъ. Отдѣливъ отъ Исторіи владычества Арабовъ въ Испаніи эпоху паденія ихъ власти, онъ представилъ намъ Мавровъ въ раздорѣ и побѣжденныхъ христіанъ въ согласіи и шоржеспующихъ. Главное намѣреніе его было представить исторію живописную. Кристика изгнана изъ его сочиненія. Онъ не занимается сличеніемъ историковъ Испанскихъ съ Арабскими Хрониками; не столько старается научить, какъ привлечь и удовольствовать; и, по нашему мнѣнію, онъ успѣлъ совершенно. Къ тому же, и во-

ображенію его было поприще при семь сочиненіи (*). Есть что - то весьма привлекательное въ сей Арабской націи, рыцарской, привязанной къ поэзіи и къ женщинамъ, кою которой послѣднимъ прибѣжищемъ въ Испаніи была пышный садъ, и кою которой дерзновенная и живая архитектура оспалась украшеніемъ мѣста, ими покинушаго. Неприятное впечатлѣніе получаемъ, видя, какъ это свѣтлое владычество исчезаетъ передъ мрачною властію Фердинанда, за которымъ должны были послѣдовать два человека, имѣвшіе болѣе генія, чѣмъ онъ, но одинъ менѣе совѣсти, другой болѣе фанатизма.

Въ сей послѣдней войнѣ Мавританской, сцена каждой битвы требуетъ кисти художника. Или является нечаянное нападеніе посреди горъ, и малодушные крестыяне поражаютъ безславною смертію храбрыхъ рыцарей, низвергающихся въ пропасти въ своемъ тяжеломъ вооруженіи и на гордыхъ коняхъ своихъ, — или прелестная долина возмущается непредвидѣннымъ набѣгомъ; ея померанцовыя рощи падаютъ подъ стѣкирою, ея свѣтлые ручьи обогряются кровью, и смрадная испаренія мѣшаются съ благовоніями. Съ отчаяніемъ защищаютъ Мавры прекрасныя виноградники, окружающіе стѣны, за которыми они укрылись; съ тою же храбростію сражаются для

(*) Но зачѣмъ же *такія* сочиненія называть Искоріями? *Изд.*

защиты красоты, какъ и для спасенія свободы земли своей.

Если характеръ націи нравится и прельщаетъ, если мѣста, на коихъ развиваешься исторіи, живописны и обворожительны, — то главные изъ лицъ, о коихъ говоришь Хроника, имѣюшь черты разительныя и однѣ отъ другихъ рѣзко отличающіяся. Съ одной стороны, Фердинандъ, съ своей холодною полипикой, съ умомъ своенравнымъ, съ волею непреклонною; прекрасная Изабелла, которая всегда хотѣла, чтобы ея присутствіе приносило счастье побѣжденнымъ, и являлася въ концѣ осады, чтобы установить побѣду своимъ присутствіемъ, наградишь взглядомъ послѣдній приступъ, и принявъ осажденныхъ подъ свое покровительство. Ихъ окружаюшь храбрые рыцари обречшіе себя на свяшую войну, и любящіе однако, въ воспоргъ при видѣ мужества противниковъ, часто обращають поле битвы въ рыцарскій турниръ.

Со стороны Мавровъ, старый Мулей-Абень-Гассанъ, который вызвалъ Царей Христіанскихъ на войну, давно уже впрочемъ замышленную, и получилъ бы громкія одобренія за свою дерзновенность, еслибъ она была удачна, — сверженный съ престола, который онъ слишкомъ рано защищать вознамѣрился. При немъ сынъ его Боабдиль эль-Хико, который, не смотря на совѣты мудрой матери, оспашаешь царемъ не безъ ош-

важности, но безъ добродѣтели. За ними слѣдуешь претій Государь, оспоривавшій у нихъ правленіе, Эль-Рогаль, бышрый въ брани, не пораженный судьбою, кошорый, подвизаясь подъ сѣнію садовъ Гренады, не сводишь взоровъ съ знойнаго берега Африки.

Чтобы дашь поняніе объ образѣ изложенія въ книгѣ Вашингтона Ирвинга, предлагаемъ чипа-пелямъ ошрывокъ изъ оной. Хрисціанскіе рыцари зашли въ горы Малагскія, и окружены Маврами, узнавшими о походѣ ихъ.

„Донъ Алонзо Дагиларъ и другіе всадники передоваго ошряда разсѣялись для опустошенія страны; они захватили нѣсколько сшадъ съ Мавришанскими крешьянами, кошорые гнали ихъ въ безопасныя мѣста. Пока они предавали все огню и мечу и жгли селенія, кошорыя свѣтились какъ маяки на высотахъ, Гросмейстеръ ордена Св. Іакова, поставленный въ заднемъ ошрядѣ, наблюдалъ самый строгій порядокъ, держалъ своихъ рыцарей въ готовности къ нападенію, такъ же какъ и къ защитѣ.

„Наконецъ они достигли до той части горъ, гдѣ почва перестчена оврагами, изрыта ручьями, ограждена скалами и пропастями. Невозможно было сохранить порядокъ въ шествиі; для лошадей не было хода; не лзя было управлять ими: надлежало перебираться съ одной крутизны на другую; возноситься на самыя вершины скалъ,

посѣщаемыя только козами. Свѣтъ отъ одного горящаго селенія, мимо котораго проходили они, обнаружилъ опасность ихъ положенія. Мавры, заставшіе въ башнѣ, поставленной на вершинѣ, для того, чтобы служила мѣстомъ наблюденія, огласили воздухъ криками радости, увидѣвъ сѣхъ рыцарей, въ блестящемъ вооруженіи, разстѣляемыхъ и шрепещущихъ посреди утесовъ. Вышедъ изъ башни, они овладѣли высотами, и начали метать стрѣлы и камни въ непріятеля. Съ гораспью смотрѣлъ храбрый Гросмейстеръ на своихъ мужественныхъ сотоварищѣй, падающихъ беззащитными жертвами вокругъ своего начальника, не въ состояніи оградить нападеніе или опмститъ за себя. Замѣшательство воиновъ его еще увеличивалось отъ криковъ Мавровъ, которые вѣбрило эхо каждой пещеры: имъ казалось, что они окружены многочисленнымъ непріятелемъ. Не зная страны, они при каждомъ усиліи спаслись отъ предстоящей опасности, заходили въ дефилеи, въ рывины, гдѣ еще болѣе подвержены были ударамъ непріятелей. Въ этой крайности, Гросмейстеръ отправилъ гонцевъ для ошмыскиванія помощи. Маркизь Кадикскій, какъ вѣрный сотоварищъ его въ войнѣ, поспѣшилъ къ нему съ своей конницею. Его приближеніе положило конецъ нападеніямъ непріятеля; и Гросмейстеръ нашель возможность вывести свое войско изъ шѣсныи. Между шѣмъ, Донъ Алонзо де Агиларъ и его шова-

рищи, слишкомъ быстро подвигаясь впередъ, попали въ глубокія рышвины, и, пока пробирались по русламъ высохшихъ рѣкъ, много претерпѣли отъ Мавришанскихъ крестьянъ, занявшихъ высоты. Высокомѣрный Агиларъ пришелъ въ негодованіе, вида воинское счастье обращеннымъ противъ себя, и храбрыхъ рыцарей своихъ побѣжденными отъ слабыхъ Горцевъ, кошорыхъ онъ надѣялся привести въ Аншекверу вмѣстѣ съ ихъ сподами. Узнавъ, что Маркизь Кадикскій и Гросмейстеръ въ схваткѣ съ непріателемъ, онъ, презрѣвъ всѣ опасности, собралъ опрѣдъ свой и возвратился къ нимъ раздѣливъ ихъ; соединившіеся рыцари составили наскоро совѣтъ подъ шумомъ камней и подъ свистомъ стрѣлъ; рѣшеніе было принято немедленно, ибо потерю храбрыхъ товарищей каждое мгновеніе напоминало имъ, что не льзя шрапшишь времени. Они заключили, что добыча отъ сей страны не стоишь того, чтобы подвергаться такимъ опасностямъ, что должно бросишь захваченныя спода, которыя мѣшали ихъ шествію.

„Велѣли проводникамъ взятьъ дорогу, которая бы удалила ихъ съ этой сцены кровопролитія. Сіи думали провести ихъ по вѣрнѣйшей дорогѣ, завели въ тѣсный, излучистый проходъ, весьма шрудный для пѣшихъ, а для конныхъ почти непроходимый. Сей проходъ былъ окруженъ скалами, съ кошорыхъ сыпались ошломки камней и стрѣль. Ужасные крики вселяли страхъ въ людей са-

мыхъ отважныхъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Христіане могли проходить только по одному челобѣку вдругъ; и часто всадникъ и лошадь были вмѣстѣ поражены стрѣлами. Умирающіе затрудняли дорогу своимъ товарищамъ. Тысячью огней освѣщены были высоты: каждая скала, каждая вершина имѣла свой пламенникъ. Христіане видѣли, какъ враги ихъ перепрыгивали съ утеса на утесъ похода болѣе на адскихъ духовъ, чѣмъ на людей. Во весь день напрасно старались они выбраться изъ горъ. Дымились шѣ утесы, которые въ предшествующую ночь блискали огнями. Со всѣхъ сторонъ сбѣгались Горцы; они шѣснились въ каждомъ узкомъ проходѣ, спавили отряды въ каждомъ опасномъ мѣстѣ.“

„Ночь застала Христіанъ въ шѣсной долинь, въ которой бѣжалъ глубокой ручей и надъ которою возвышались горы, возносившіяся до неба и освѣщенные огнями. Вдругъ послышался новый крикъ, и раздался по долинь. „Эль-Рагаль! Эль-Рагаль!“ Эхо непрерывно повторяло сіе имя. Чшо эшо за крикъ? сказала Гросмейстеръ. Эшо воинской крикъ Эль - Рагаль, Генерала Мавровъ, отвѣчалъ старый Кастиланской воинъ. Онъ долженъ лично присутствовать съ войсками, вышедшими изъ Малаги.“

„Достойный начальникъ обратился къ своимъ рыцарямъ. Умремъ, сказала онъ, и грудью откроемъ путь мечамъ нашимъ. Взойдемъ на горы,

и дорого продадимъ жизнь свою, вмѣсто того чтобы здѣсь малодушно предаваться гибели.

„Сказалъ, и поворотивъ коня къ горѣ, пустился по утесистому скапу. Конные, пѣше всѣ за нимъ послѣдовали, горя желаніемъ, если не избѣгнуть непріятеля, то умереть поражая его. Ихъ встрѣтили дождемъ шуртъ и копій. Отломки скаль лешвы, расчищали ряды ихъ. Пѣше войны изнуренные усталостію, ослабшіе отъ голода, покрытые ранами, держались за хвостъ, за гриву лошадей, чтобы сколько нибудь облегчить себѣ дорогу. Лошади, отступаясь, уносили съ собою въ пропасти и всадниковъ и пѣшихъ; всѣ катились со скалы на скалу, и оборвавшись достигали дна пропастей. Въ сей отчаянной битвѣ погибъ знаменосецъ начальника; онъ лишился и другихъ, любезныхъ ему друзей и родственниковъ. Наконецъ онъ достигъ вершины горы; но это служило только переменною опасностей. Пустыня открылась передъ Христіанами, опоясанная скалами, на кошорыхъ полпились жестокіе непріятели. Когда набожный Гросмейстеръ увидѣлъ разсыянные остатки своего храброго войска, то не могъ воздержаться отъ горести, и воскликнулъ: Великъ нынѣ гнѣвъ швой, Боже! на рабовъ швоихъ! Ты слабодушіе сихъ невѣрныхъ премѣнилъ на храбрость, и сдѣлалъ поселникъ побѣдителей отважныхъ воиновъ! . . .“

(Изъ G.). P.

С М Ъ С Б .

Н р а в ы .

Извѣстія , замѣчанія , анекдоты .

Будущій подробный *Лѣтописатель* Русской Словесности замѣшишь , какая странная участь постигала Издашеля Московскаго Вѣспника , — какъ случилось ему по необходимости и его правиламъ говорить и дѣлать непріятное для Литшерашоровъ разныхъ приходовъ , — и какъ нѣкоторые люди къ нему расположенные вмѣстѣ съ врагами подсылали полныи въ небольшую чашу его литшешурныхъ удовольшій , безъ всякой вины съ его стороны .

Въ доказательство онъ представилъ шеперь нѣсколько примѣровъ: въ 1828, М. В. N 5, с. 124 за долго до помѣщенія извѣстныхъ замѣчаній Г-на Арцыбшшева , онъ сказалъ очень ясно :

„Чѣмъ болѣе мнѣній о какомъ-нибудь предметѣ , тѣмъ лучше , тѣмъ скорѣе обнаружился истина . Французы не давно цѣлой годъ твердили de 3 et 5 pour 100 , и увидѣли наконецъ все дѣло , какъ на ладони . — Въ Литшешурѣ также . — Ясное доказательство нашего младенчества въ ней есть то , что у насъ на многіе важные предметы нѣтъ даже по одному мнѣнію . У насъ даже страннымъ кажется , если кто рѣшится сказать свое вслухъ ; невыгодное мнѣніе (нужды нѣтъ , искреннее ли оно или неискреннее)

считаютъ личнымъ оскорбленіемъ; никакъ не могутъ понять, что можно знать, даже уважать, любить челоѣка, и между тѣмъ осуждать его сочиненія или находить въ немъ недостатки. — Сказавъ искренно свое мнѣніе въ такомъ случаѣ, прекрасно выразился Б., есть подвигъ честнаго челоѣка. Пусть больше совершается такихъ подвиговъ, и въ Литшературѣ нашей увеличится движеніе, жизнь. — При томъ всякое сочиненіе есть общепленность публики, и члены ея, не говоря уже о должностныхъ, имѣютъ полное право хвалить и порицать его, какъ кому Богъ на умъ положитъ. — Даже на форму хвалы и порицанія не должно сердиться слишкомъ. Всякой говоришь по своему, одинъ дискантомъ, другой басомъ, одинъ жестко, другой мягко. *При всемъ моемъ благоговѣніи къ Карамзину (Карамзину) я съ удовольствіемъ гиталъ замѣчанія на его Исторію, которыя напали было помѣщать въ Вѣстникѣ Европы, какъ ни противенъ мнѣ былъ образъ ихъ изложенія.* — Потомъ, въ N. 14, с. 209. сказано было, что по правилу издашеля всякой писатель, ученый, оказавшій Литшературѣ значительныя услуги, имѣетъ полное право сказать свое мнѣніе въ любомъ журналѣ, какимъ бы то ни было образомъ, о всякомъ предметѣ, до Литшературы относящемся; журналистъ обязанъ даже помѣщать его мнѣніе. — Такъ точно извѣстный драматическій писатель имѣетъ свободный входъ во всѣ театры.

Это было сказано, повпорю, за долго до помещенія въ М. В. замѣчаній Г-на Арцыбышева.

Почемужь никто, ни друзья, ни враги, ни знакомые, не сказали тогда ни слова издаателю противъ его правила, положимъ ложнаго, — а потомъ почти всѣ съ ожесточеніемъ, даже неисповснвомъ, бросились на него, когда ему случилось поступить въ самомъ дѣлѣ по объявленному правилу? — Не говорю ужь о нѣкоторыхъ журналистахъ Московскихъ и Петербургскихъ, которые обругавъ Издателя за помещеніе замѣчаній Г-на Арцыбышева, замѣчаній, имъ прежде всѣхъ неодобренныхъ относительно къ пону, чрезъ день, перемѣнявшемуся въпру, начали писать Богъ знаетъ что, и Богъ знаешь какъ противъ незабвеннаго нашего Писателя. . .

Но вотъ что еще разительнѣе: противники издателя начали *знать* его, какъ будто и не слыжавъ, что онъ, прежде ихъ, порицалъ понъ замѣчаній Г-на Арцыбышева, а Г-нъ Арцыбышевъ, имъ много уважаемый, изъявилъ свое неудовольствіе даже въ очень колкихъ выраженіяхъ противъ него (въ письмѣ, напечатанномъ въ М. В. 1829. Ч. III, и еще гораздо сильнѣе въ Вѣстникѣ Европы, N. 1829 г. с. 273) какъ будто некая, сколько долженъ былъ вынести Издатель за помещеніе его замѣчаній. Новый судья въ нашей Литературѣ Пахомъ Сильчъ за этакъ образъ дѣйствія, то есть за похвалу хорошему и порицаніе дурнаго въ одномъ

и шомъ же писателѣ, шакже подарилъ Издашеля сержку въ слѣдующихъ словахъ: „Впрочемъ не середка на половинѣ должна составлять достоинство журнала. Напротивъ нѣтъ ничего отвратительнѣй подобной обуморенности“ и проч. (Вѣст. Евр. 1829. № 22, статья: вѣсѣмъ сестрамъ по сержамъ, с. 112). Чишатели вѣрно разсмѣются сообразивъ всѣ сія обстоятельства: за что перцѣль шакую напрасилу Издашеля? —

Другой примѣръ: Издатели Сѣверной Пчелы осыпали похвалами нѣкоторыя первые опыты Издашеля М. В. при вступленіи его на Литшературное поприще. — Средніе опыты были осыпаны отъ нихъ ругательствами. — Нынѣ, потому ли, что новыя опыты лучше, по другой ли причинѣ, начали они опять изъявлять ему прежнюю свою благосклонность. — И такъ Издашеля шшало отъ этого сколько нибудь легче? — Нимало: нѣкоторыя его знакомые, даже журналисты, не устыдились разсѣвать слухи, что онъ официально по какому-то шрактату переданъ съ какой-то стороны на какую то, и будетъ ратовать подъ другимъ знаменемъ. Пахомъ Сильчъ, очень уважаемый ими за одно, и нелюбимый за другое, наслушавшись какой то Феклы, даже напечаталъ: „Отъ Московскаго Вѣстника, при возобновленіи его, *можно было ожидать много*

хорошаго. Но его что-то начинаешь захваливашь *Сверная Пчела*. А это — передь добромъ не бываетъ.“ Не правдали, что ошь брани ему горе, а ошь похвалы вдвое!

Милостивые Государи! Издатель М. В. честь имѣешь объявишь всѣмъ, кому ошомъ вѣдашь надлежишь, что во всѣхъ случаяхъ, гдѣ ему по должности надобно будешь сказать свое мнѣніе, онъ скажеть оное, кому бы шо ни было, прямо, не смотря ни на брани, ни на похвалы, не смотря ни на связи, ни на знакомство, ни на дружбу, ни на родство. — Мнѣніе его можетъ быть ошибочнымъ, несправедливымъ, по недостатку свѣдѣній, по неопытности и ш. п. (въ чемъ онъ легко и сознается, выслушавъ доказательство), но никогда не будешь прищворнымъ, лицепріятнымъ, никогда не будешь зависѣть ошь вѣтшихъ отношеній. — (Нѣсколько свѣжихъ доказательствъ шому см. ниже).

Во многихъ книгахъ и журналахъ Петербургскихъ очень примѣшно какое-то безотчетное желаніе унижить все шо, что печашается въ Москвѣ; — нѣкоторые писатели Петербургскіе, въ жару своей привязанности можетъ быть къ личнымъ мѣстоименіямъ, забываются даже до шого, что намекають, будто Москва стоять вообще на низшей степеніи просвѣщенія, чѣмъ Петербургъ. Но скажите мнѣ, Милостивые Государи, гдѣ роди-

лись, воспишались, совершили даже лишературное свое поприще первокласные наши писатели, ученые, просвѣщенные сановники, какъ не въ Москвѣ? Платонъ, Михайлъ, Филаретъ, Карамзинъ, Дмитріевъ, Жуковскій, Крыловъ, Фонъ Визинъ, Херасковъ, Грибоѣдовъ, Дашковъ, Блудовъ, Севѣринъ, Батюшковъ, Мерзляковъ, Гнѣдичъ, Князь Вяземскій, Озеровъ, К. Калайдовичъ, Строевъ, Мухинъ, Мудровъ, Перевозчиковъ, Каченовскій, Двигубскій, Цвѣтаевъ, Бантышъ-Каменскій, Муравьевъ, Д. Веневитиновъ А. Писаревъ (*). . . Многихъ ли поставитъ Петербургъ въ сравненіе съ теми достойными Москвитянами? —

Ошкуда пошли въ оборотъ новыя мысли о Теоріи Цѣлнрныхъ искусствъ, объ Исторіи, вообще о Философіи, мелькающія теперь въ Петербургскихъ изданіяхъ? Гдѣ возродилась Русская Историческая кришика? — Гдѣ показались Русскіе плоды завяшій Математическими, Естественными науками? Кто началъ собирать наши драгоценныя Историческіе документы, коими утверждается Исторія? Москвитянинъ съ удовольствіемъ назоветъ Графа Ѳ. А. Толстаго, П. П. и И. П. Бекетовыхъ, А. Ѳ. Малиновскаго. Даже Графъ Н. П. Румянцовъ въ Москвѣ получилъ охоту къ Историческимъ занятіямъ. — Какихъ Петербургскихъ Меценатовъ

(*) Пушкинъ также принадлежитъ Москвѣ, въ коей онъ родился и провѣлъ свое дѣтство. Домоусовъ въ Москвѣ получилъ свое первое образованіе.

поспавяшь рядомъ съ нашимъ безсмертнымъ Новиковымъ, Муравьевымъ, Демидовымъ? — Ишакъ — Москва естъ средошочіе Русскаго просвѣщенія.

Но — зачѣмъ считаешься братьямъ между собою? — Пусть только прудятся они всѣми своими силами, пусть приносяшь усердныя жертвы на алтарь опечесшва, и ожидаюшь равныхъ благодѣяній отъ его чадолюбивыхъ Ощцевъ.

Князь Вяземскій принадлежишь къ числу достойныхъ писателей нашего времени. Въ каждой страницѣ его естъ прекрасныя мысли, счастливыя выраженія; онъ оригиналень, остроумень, игривъ, шутишь очень забавно, вездѣ естъ у него, надъ чѣмъ подумашъ, чему улыбнушь, шакже какъ и всегда естъ съ чѣмъ поспорить, ибо часто встрѣчаюшься прошиворѣчія, парадоксы, слѣды предрасудковъ.

Князь Вяземской перевелъ Б. Констанова Адольфа. Этошь переводъ разумѣешся будетъ приятнымъ явленіемъ, — но не важнымъ событіемъ въ Исторіи Русской Словесности, какъ сказано въ Литературной газетѣ. Важными событіями могли назваться первая ода Ломоносова, словарь Академіи, стихотворенія Жуковского, разборы Мерзлякова, легкіе стихи Богдановича и Дмитриева, Исторія Карамзина, сцена Пушкина у Самозванца съ Пименомъ, — а переводъ, самой изящной, краткой, положимъ, Философской повѣсти, послѣ мно-

гихъ переводовъ Карамзина въ эпосъ же родѣ, никакъ не можешь получить такого почешнаго тишла. (Замѣшимъ еще, что Князь Вяземскій шакъ оригиналенъ, шакъ негибокъ, чло не скроеш-ся ни въ какомъ переводѣ, а эшо достоинство писателя ужъ недосшашокъ въ переводчикѣ).

Кстати о *Литтературной Газетѣ*, которую начали издавать въ Петербургѣ. — По вышедшимъ нумерамъ, по именамъ соудруниковъ, по другимъ признакамъ, должно ожидать ошъ нея — ирекрасныхъ стихотвореній и сташей прозаическихъ, членія пріяшнаго, занимательнаго не шолько для шѣхъ, кои читающъ ошъ нечего дѣлать, но и для шѣхъ, кои въ членіи ищущъ пищи для ума и сердца. Нѣкошорые кропосуны думаютъ, что въ критикѣ *Литтературной Газеты* не будетъ иногда совершеннаго безпристрастія въ ошношеніи къ ея прихожанамъ, *Литтературнымъ Патриціямъ*, и въ ошношеніи къ писателямъ *Плебейцамъ* другихъ приходовъ, — что шѣ *важныя событія*, которыя случатся у послѣднихъ, получатъ въ ней шило только *явленій*, а собственные *явленія* будутъ возведены на степень *важныхъ событий*. Напрасно они безпокоятся: до сихъ поръ нѣшъ вѣрныхъ признаковъ — и *одно* шолько что неосторожное слово не должно внушать такой боязни. —

Въ 3 N *Лит. газеты* (с. 24) напечатано: „Вирочемъ *Литтературная газета* была у насъ не-

обходима не столько для Публики, сколько для нѣкотораго числа писателей, немогшихъ по разнымъ отношеніямъ являясь подь своимъ именемъ ни въ одномъ изъ Петербургскихъ или Московскихъ журналовъ.“ Пусть наши журналисты вступающа за честь свою и подающа апелляцію Публикѣ, понимая сіи слова въ оскорбительномъ для себя смыслѣ. Издатель Московскаго Вѣстника ни какъ не хочеть принимаша ихъ на свой счетъ, и осмѣливаеша сказать, что не было ни какихъ отношеній, по которымъ бы первоклассные наши писатели не могли явиться подь своимъ именемъ въ его журналѣ, осмѣливаеша впрочемъ сказать это пошому только, что въ продолженіе чепырехъ лѣтъ читашели видѣли ужъ шамъ множество печатныхъ пошму доказательствъ, — ихъ именныя сочиненія.

Изъ этого же объявленія читашели съ удовольствіемъ увидяшъ, что въ Липшерашурной газетѣ предложаша кришическое обзорніе сочиненій Ломоносова, Державина, фон-Визина и проч. „Высокопарныя, прозвища,“ говоритъ Авторъ, „безусловныя похвалы, пошлыя восклицанія уже не могушъ удовлетворить людей здравомыслящихъ.“ Радуемса, что Лип. газета повторила эту истину изъ Московскаго Вѣстника, очень часто провозглашавшаго ее, особенно въ отношеніи къ Исторіи Государства Россійскаго. Мы будемъ

ожидать шеперь разборовъ дѣльныхъ , полезныхъ , въ духъ законной , благонамѣренной криптики.

Первые опыты *Г-на Катеновскаго* на поприщѣ Исторіи были очень неважны и не заключали въ себѣ почти ничего новаго, — выписки и извлеченія изъ Шлецера, Добровскаго, Тунмана, полезныя пошому, что между Русскими Лишперашорами въ то время мало были еще извѣстны подлинники. Тогда же сдѣлано было имъ нѣсколько мѣлочныхъ выходовъ прошивъ Исторіи Государства Россійскаго, приправленныхъ неприличными шулками, выходовъ, въ копорыхъ онъ разбиралъ частныя (даже не главныя) мысли въ предисловіи и записку о Москвѣ, минушное сочиненіе или экспромтъ Исторіографа, которое даже непозволительно, не только бесполезно, было разбирать. Издатель Московскаго Вѣстника сказалъ въ 1828 году, что подобное изложеніе заслуживаетъ всякое порицаніе. Въ другомъ мѣстѣ еще прежде сказано имъ было: (с. 1827 г. N. 10 с. 174): „до сихъ поръ сдѣлано у насъ нѣсколько мѣлкихъ замѣчаній (на И. Г. Р.) и Авторы сихъ замѣчаній не заслуживали бы даже имени Зоилъ, еслибъ бы были и злонамѣренныя (*).

Ко второму періоду относятся изслѣдованія древнихъ Русскихъ монахахъ, о Русской Правдѣ,

(*) Мимоходомъ: обвинители забыли всѣ сія мѣста, въ копорыхъ ясно былъ излагаемъ образъ мыслей Издашеля.

нѣсколько косвенныхъ важныхъ замѣчаній на И. Г. Р., нѣсколько намековъ о древней Исторіи въ изслѣдованіяхъ о Черниговской гривнѣ и объ Іоаннѣ Эксархѣ, которыя нейдуть въ сравненіе съ первыми опытами, и даютъ Г. Каченовскому право на почетное мѣсто между нашими изслѣдователями. Къ сожалѣнію наши недобросовѣстные либераторы умалчиваютъ съ умыслу о сихъ послѣднихъ, и безпрестанно нападаютъ на первыхъ, кои давно ужь позабыты пора.

Но за чѣмъ не перестаетъ шумить Г. Каченовскій до сихъ поръ? эшо не его орудіе. И, вризнаюсь, какъ отвращительно было читать насмѣшки Телеграфа надъ кунными мордами Г. Каченовскаго, какъ прискорбно читашь отрывокъ изъ Литературныхъ Листописей Пушкина, въ которыхъ Автору доказались достаточными для его жгуща даже скудельныя слова Г. Полеваго: такъ досадно читашь ироническій отзывъ Г. Каченовскаго объ опытѣ Г. Венелина. Слишкомъ коротко зная Г. Каченовскаго и духъ его ученія, я напередъ зналъ, какъ трудно ему приняшь какое-либо изъ положеній Г. Венелина: послѣдній шолкуеть о первыхъ вѣкахъ около Р. Х., а первой обрѣзываетъ можешь бышь Русскую Исторію 13, 14 столѣтіемъ; послѣдній привязываетъ всѣ прежнія племена, въ Руси жившія, къ новому составному народу, а первой думаетъ, что онѣ не имѣють никакого отношенія, и проч. Но по-

чемужь онъ не представилъ своихъ возраженій такъ какъ должно ученому Крипику; почему не показалъ по крайней мѣрѣ главныхъ ошибокъ Г. Венелина, шѣхъ шочекъ, съ кошорыхъ молодой Авшоръ совращаешся на пушь ложный? Гнѣ Венелинъ и Публика приняли бы тогда съ благодарностію поучительныя замѣчанія, любопытныя и пошому, что въ нихъ показался бы человекъ, смотрящій на предметъ совершенно съ прошивоположной спороны. Написашъ же справичку съ пошлыми насмѣшками очень легко какъ на книгу Г. Венелина, такъ и на всякую другую; но пишашъ такія насмѣшки прилично только Телеграфу, а не почтенному Профессору, не отличному ученому, кошораго должно уважашъ въ Г. Каченовскомъ; — и если онъ желаетъ вниманія и уваженія ученыхъ къ своимъ трудамъ, то долженъ прежде и къ чужимъ трудамъ оказывашъ то и другое, пошому что не всякой способенъ забывашъ оскорбленія.

Ксашаи замѣнимъ здѣсь и вообще, что такія оскорбленія никогда непроходилъ даромъ даже ошь Публики. Какъ звонко ошозвались нѣкошорымъ несносныя насмѣшки надъ купеческимъ званіемъ, сшоль же почтенномъ и нужномъ въ Государствѣ, какъ дворянское и крешьянское, и надъ винокуреными заводами, хопя они по замѣчанію Пушкина и составляютъ пашно ужасное, какъ *известно всему нашему Дворянству!*

Въ предисловіи къ переводу *Иліады*, копорымъ подарилъ Русскую Словесность Г. Гнѣдичъ, говоришся объ опытахъ гекзаметрами Жуковского и Дельвига, — и ни слова о гекзаметрахъ Мерзлякова, которой *прежде всѣхъ* въ наше время ввель эшу мѣру. Не понимаемъ что значить такое опущеніе, и въ слѣдующемъ номерѣ предложимъ *документы* въ подтвержденіе истины нашихъ словъ, въ поеобіе будущему Историку Русской Словесности.

М. П.

Таланты (*).

Сколько трудовъ, попеченій и иждивеній прашипся на таланты! Сколько мнѣ извѣстныхъ мамушекъ истощающъ послѣднія крохи на доставленіе дѣшкамъ всѣхъ возможныхъ, блестящихъ талантовъ! — Лишь появившя иностранной артистш, онъ приняшъ съ восторгомъ, и заплаченъ щедро; за шо любо слушаеш, и поглядѣш — дѣйствительно дочки удивительные успѣхи оказываютъ: хвала мамушкамъ, имъ честь и слава; но что дѣлающъ дочки? Сего дня за мужъ, завтра арфу въ печь, карандаши въ окошко а о другихъ предметахъ и въ поминѣ не будеш! по чему приобрѣтеніе, шолкими трудами доставше-

---

(*) Принесимъ усердную благодарность достопочтенной особѣ, доставившей сіи шри сташы къ Издателью.

еся, безъ пользы пропадешъ? Съ полученіемъ мужа кажешся, вся цѣль кончилась; ежели для сего единаго предмета столько трудовъ и иждивеній прачено, то слѣдовало бы изъ благодарности шаланшы не бросать.

Но оляшь сказать на что шаланшы могутъ пригодиться мужу? Со всѣмъ тѣмъ ихъ спрашиваютъ (NB. при большомъ приданомъ) молвить шихомолкомъ. Иной бы охотно взялъ наличными истраченныя на шаланшы суммы, которыя и безъ того для него пропали, и дѣло: съ деньгами кое-какъ справиться можно.

Ежели бы вышедшая за мужъ дѣвушка, новая машушка, захошла передать пріобрѣтенныя дарованія своимъ дѣшкамъ — хорошее-бы дѣло, обоюдная для нихъ польза-но уви! тогда нельзя славиться, что извѣстный Фильдъ преподаетъ уроки ея дочкѣ — а сынъ учится у Ромберга — новыя дѣшки, новыя и учителя. Однакожь у насъ есть иностранныя аршисты, которые и славятся тѣмъ, что обучили и бабушекъ и внучекъ — Продли Боги имъ вѣку до правнучатъ! . . .

З а н я т і я.

Школьный учитель заставляя учениковъ въ праздные часы трудиться надъ плошиною, которую отъ песку безпрестанно водою размывало. Ребяшки пошля, до крайности уставали и опять снова начинали. Учитель про себя смѣ-

ялся, что дураковъ за носъ водишь, и пускымъ дѣломъ занимаешь, чшобъ ребята не шалили и по огородамъ не лазили.

Случился шумъ мужикъ — „Эхъ баринъ, „сказаль онъ, еслибъ ты велѣль ребятамъ не- „редь окнами каналъ вычистишь, онъ кошораго „вся улица заразилась: они-бы играючи намъ „сдѣлали пользу.“

Мнѣ показалось, что мужикъ правъ; конечно хорошо людей занимашь, да дѣло въ томъ, что занимашь ихъ надобно съ пользою.

Мой пріятель С. . . — говоришь, что для здоровья нужно ему движеніе: чшоже онъ дѣлаешь? онъ перестанавливаетъ спулья съ мѣста на мѣ- сто! а между тѣмъ поля его плохо обработаны, дворъ загаженъ, лошади и весь скотъ едва дви- гающся и все хозяйство грозитъ паденіемъ! — А томъ - же мой пріятель С. не могъ - ли бы сохранишь своего здоровья двигаясь по своимъ полямъ и заведеніямъ, не возясь съ своими спульями? Все шаки глазъ хозяина къ чему нибудь да полезень но С. утверждаетъ, что онъ повсе этого дѣла знашь нехочешъ. — Пусть же его возишься съ спуль- ями на здоровье; грустно только смотрѣшь на хозяйство и на хозяина. —

Анекдотъ.

Въ одномъ изъ уездовъ Т. Губерніи поѣхалъ крестьянинъ, казенной волости, въ прошедшую зиму за 7-мъ верстѣ на мѣльницу, взявъ съ собою 12-ти лѣшняго внука. — На дорогѣ въ обратномъ пути заспигла ихъ спрашная вьюга; старикъ сбившись съ дороги поворачивая въ шу и другую сторону, потерялъ наконецъ совершенно и слѣдъ и надежду; мальчикъ дрожалъ отъ стужи: крестьянинъ выбившись изъ силъ прекрестился, снялъ съ себя шубу и кафшанъ и окушалъ внука. Ребенокъ расплакался еще болѣе: что ты дѣдушка дѣлаешь? — Диляшко, не твое дѣло, я старъ, свой вѣкъ отжилъ; тебѣ жить еще надобно, авось тебя Богъ спасетъ; отвѣчалъ старикъ, помолясь сложилъ руки и сѣлъ у саней. На другой день въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ селенія нашли мальчика въ саняхъ спасеннаго. Старикъ окостенѣлъ и погибъ. —

Иностранные писатели давно - бы во многихъ журналахъ пышными панегириками прославили сей поступокъ. У насъ просто молчатъ и слушая рассказы не дивятся, кажется потому, что сіи поступки рѣдкостью не удивляютъ — причина хороша: худо, когда добродѣтели дивятся, и чудомъ почитаютъ. —

Замѣчаніе Г. Трилунаго на слова Г. Каменина о музикѣ Падасель помѣстившій съ удовольствіемъ, только безъ окончанія, на которое Авторъ можешь найдши ошавтъ въ 2 N. М. Вѣстника. —

Русскій театръ.

Внутренний племянникъ, или остановка Далижанса, Комедія въ 5 дѣйств. въ прозѣ (Пишара), переводъ А. И. Писарева; Чудныя приключенія и удивительное *Морское путешествіе Пьетро Дандини*, волшебная Опера-водевиль въ 3 хъ дѣйств., переводъ съ Французскаго Г. Ленскаго, и разнохарактерный *Дивертисманъ Бенедисъ Гжи Львовою-Синецкой*.
16 го Января.

Содержаніе пьесы Пишара, впрочѣмъ презабавное, слишкомъ скудно для Комедіи въ пять актовъ; его было бы достаточно для Водевилья, или маленькаго комедіи, въ стихахъ; это веселая шутка, довольно игриво исполненная, но чрезвычайно растянутая сочинителемъ и прекрасно переведенная покойнымъ А. И. Писаревымъ. Пьеса вообще была разыграна довольно удачно; молодого адвоката, вмѣсто Г. Мочалова игралъ Г. Ленской, неудурно; но за то пріятеля его, Военнаго офицера Дервиля, игралъ Г. Байтышевъ весьма плохо. Не отъемлемой его талантъ для ролей комическихъ весьма не выгодно выказывался и въ Дервиля. Роль Гжи Синецкой (она играла Актрису Сеянжъ) неважна и могла быть выполнена лучше. Она играла благородно и ровно всю свою ролю; а ей бы слѣдовало сначала играть бойкую Французскую актрису - субрешку; а потомъ, когда она представляешь вымышленное лице наследницы,

внучашнюю сестру насющаго наследника, Ласуша, шо надобно больше аффектаціи, больше явнаго притворешва и манерности, ибо глупаго Ласуша обманывать должно крупными, такъ сказать, выпуклыми чершами; шонкому, искусному притворешву, похожему на истину, онъ скорѣ бы не повѣрилъ.

Г. Барановъ былъ весьма натураленъ въ роль дурнаго акшера; Г. Афанасьевъ игралъ Докшора Мовришара порядочно, но мы ожидали ошъ него лучшаго исполненія. Г. Щепкинъ былъ очень хорошъ въ роль Ласуша, купца, шоргующаго льсомъ; можно однако замѣтить, что онъ напрасно покашливалъ, пожимался и вообще такъ сказашъ поддавалъ нѣсѣ излишняго комическаго жару. Мы знаемъ, что это значитъ: онъ боялся, что комедія покажешся скучною; но не смотря на доброе намѣреніе, эшаго похвалишь нельзя. — Гг. Живокини и П. Степановъ выполнили неважныя свои роли прекрасно. Волшебный Водевиль Пьетро Дандини, не смотря на фарсы Авшора, а можешъ бышь и переводчика, весьма забавенъ: въ немъ много остроумныхъ, колкихъ и даже глубокихъ мыслей, завернутыхъ въ шутовскія слова; примѣтно было, что иныхъ намѣковъ зрители и непоняли въ насющемъ смыслѣ; шѣмъ болѣе, что не ожидали ихъ въ волшебномъ и вздорномъ Водевильѣ; переводъ очень хорошъ: проза разговорна и нѣкоторыя куплешы на-

писаны легко и замысловашо; жаль, что встрѣчаешься довольно плоскихъ шутокъ и каламбуровъ. Нельзя не похвалишь Гна. Переводчика за благородное упошребленіе своихъ досуговъ; встрѣшишь въ Акшеръ образованнаго чловѣка, съ успѣхомъ занимающагося переводомъ Театральныхъ піесъ, хорошо дѣлающаго стихи — весьма пріятно. Хотя переводъ Водевиль дѣло не важное, но пріобрѣтеніе разговорнаго языка — небездѣлица. Желаемъ ошъ души дальнѣйшихъ успѣховъ Г. Ленскому.

Въ эпюмъ Водевиль была важная достопримѣчательность: это декорациі подводныхъ чертоговъ Амфишрипы, работы Г. Брауна. Вошь Аршисть, которымъ Московской Театръ по справедливости можешь гордиться! это было истинное очарованіе! Восхищенные зрители встрѣпили громкими рукоплесканіями новое и прекраснѣйшее произведеніе мастерской кисти нашего ошличнаго Декоратора. Многие ушверждають, и мы согласны съ ними, что ни въ Москвѣ, ни въ Пешербургѣ не бывало такой Декорациі. По окончаніи Водевиля Г. Браунъ былъ вызванъ, послѣ Гжи Синецкой, вмѣстѣ съ Гг. Живокини и Баншышевымъ (*). Новые кашюмы, сдѣланные по рисункамъ Докуэса очень хороши;

(*) Хотя должно сказать, что Г. Браунъ предпочтительно заслуживалъ особаго вызова, если вызовъ что нибудь значить. *Пр. Сот.*

но нельзя не замѣтить, что истина, Нерейда, рѣки и рѣчки были одѣшны по домашнему; что драгоценныя спашуи, долженствующія явиться въ великолѣпныхъ волшебныхъ чертогахъ послѣдняго явленія, весьма неприлично ошличались отъ старой голубой залы, слишкомъ всѣмъ извѣстной за коминашу человѣческой работы (*). Роль бабушки Дандини, превращающейся отъ живой воды въ молоденькую дѣвушку занимала Бенефициеншка; драхлую старушку можно бы сыграть съ большимъ искусствомъ, но бысть весьма хорошею Драмагическою актрисою и хорошо представлять каррикашуры — дѣло разное. Впрочемъ мы рады, что Гжа Синецкая ошлично исполняетъ первое, а не послѣднее. Каррикашура не характеръ, и каррикашурицикъ искусный еще не артистъ, и не акшеръ. Гжа Синецкая не поешъ, а потому она чищала куплешы и прекрасно Воспоргъ женщины, вдругъ помолодѣвшей, она выразила ошлично хорошо: съ чувствомъ и огнемъ. Г. Живокини игралъ Пьешро Дандини съ большимъ успѣхомъ. Еще по менѣе фарсовъ — и трудно будетъ пожелать лучшаго исполненія этой роли.

(*) Найдущся люди, которые упрекнутъ насъ въ излишество требованій и скажутъ: и безъ доро водельи стоишь дорого; можно ли еще бросать штыщи для новыхъ волшебныхъ чертоговъ, для костюмовъ истины, Нерейды, рѣкъ и рѣчекъ! ... Милосш. Государи, вы правы, но зритешь нехочешъ знашь расходовъ и приходовъ Дирекци, требуетъ цѣлаго въ исполненіи, очарованія полнаго. *Пр. Сог.*

Г-жа Н. Рѣпина по обыкновенію была — прелестна. Грѣхъ на сочинилъ или переводчикъ, что онъ куплетомъ щастливаго Пьетро возбудилъ въ зрителяхъ порокъ отвращительный — зависть. Не смотря на опасность прогнѣвъши Г. Баншышева, не смотря на вызовъ публики, его прекрасный голосъ и комическій шапаншъ, скажемъ, что онъ въ роль Фрешино, молодого мызника, самъ не зналъ кого игралъ: въ одной и тойже сценѣ онъ перемѣнялъ тонъ, выраженіе и характеръ. Знаюки въ музыкѣ говорятъ, что онъ и въ пѣніи не услѣваешь . . . рано же Г. Баншышевъ вздумалъ ошдыхать на лаврахъ! . . .

О прекрасныхъ танцахъ на Московскомъ Театрѣ нечего и говорить. Замѣшимъ только, что Г-жа Гюлень въ удивленію зрителей никогда почти не танцуетъ съ Г. Ришаромъ; но это не мѣшаетъ ей ошличаться между нашими лучшими танцовщицами, какъ Сиріусу между звѣздами!

Бенефисъ былъ не великъ, мы насчитали очень много пустыхъ ложъ, особливо въ бель-этажѣ. Удивляемся этому. Кажется Бенефициентка, не менѣе прежняго, заслуживала вниманія и одобренія Публики.

Вось нѣсколько куплетовъ изъ Пьетро Дандани.

Пьетро и Фрешино попали въ кита; первый по возвращеніи въ свѣтъ хочетъ издашь свое путешествіе, журналъ котораго держитъ въ рукѣ. Онъ поетъ;

Нашуралисты, рошь разиня,
 Прочшущь на первомъ здѣсь листѣ;
 „Записки о кишяхъ Дандина,
 „Который самъ сидѣлъ въ Кишѣ,“
 А если сдѣлашь я успѣю,
 Чшо эту книгу запрешашъ;
 Ее разкупяшь на подхващъ
 И шущъ то я разбогаштю!

Фрешино развелъ огонь въ Кишѣ, жарить
 проглоченныхъ имъ рыбокъ и прицѣваешъ:

Ей богу эшо презабавно,
 Какъ всѣ другъ другу мы вредимъ:
 Кишъ насъ обоихъ съѣлъ не давно,
 А эшихъ рыбокъ мы съѣдимъ;
 Для выгодъ собшвенныхъ — швореня
 Одивъ другаго не щадяшь:
 Всегда, вездѣ безъ изключеня
 Большія маленькихъ ѣдяшь.

Пьешро съ товарищемъ провалились сквозь
 брюхо кита и попали въ подводные черпоги Ам-
 фишришы, Нерейда показываешъ гостямъ разныя
 рѣки и называешъ ихъ по именамъ.

ПЬЕТРО.

А эшо кто шакой прелесшней
 И стройный кавалерь?

ПЕРСИДА.

Узнай,

Чшо эшо въ свѣтѣ всѣмъ извѣсшней
 Свидѣтель храбрости Дунай;

Онъ здѣсь Испорикъ между нами,
И бывъ сосѣдомъ Мусульманъ,
Онъ съ давнихъ лѣтъ шумишь волнами
О грозной славѣ Россіянъ.

Фрешино уронилъ шляпу въ источникъ живой воды и старая, дрянная пляпѣнка сдѣлалась новою и прекрасною. Онъ поеть:

Твердяшь о новомъ шо и дѣло;
А если посмотришь на свѣтъ:
Все въ немъ ужасно поспарѣло
И новаго давно ужъ нѣтъ.
Извѣстные Поэты наши!
Чтобъ новой мыслию блеснуть,
Не худобъ вамъ творенья ваши
Въ живую воду окунуть.

Не худобы!!

1830 года Января 22.

С. А—въ.

Еще два слова о Римской зимѣ. (Римъ Декабря 29 н. с. 1829 г.) Вось уже 14 лѣтъ, какъ не было снѣгу въ Римѣ, а видѣли, его шолько издали на горахъ Сабинскихъ. Въ нынѣшнемъ году, (ш. с. уже въ прошедшемъ, вось что значишь старая привычка, или привычка вчерашняго года), 29-го Декабря онъ выпалъ, побѣлѣли берега Тибра, кровли домовъ, куполь Петра, и вѣчно зеленые лавры опушились снѣгомъ. Здѣсь, когда идешь снѣгъ, въ присут-

сивенныхъ мѣсахъ и школахъ празднуютъ ша-
 башь. Разумѣется, это производишь большую
 радость въ лѣнливой Римской молодежи (я гово-
 рю о черни): Мальчишки потчасъ съ радостны-
 ми воплями *la neve! la neve!* слѣпили на площади
 Св. Петра и въ другихъ мѣсахъ спашую изъ
 снѣга: вотъ какъ его здѣсь употребляютъ и какъ
 искусство пластическое ужилось и въ простомъ
 народѣ. Это мнѣ напоминаетъ анекдотъ изъ жиз-
 ни Микель Анжело, который однажды во Фло-
 ренціи, когда выпало много снѣга, также слѣ-
 пилъ прекрасную спашую изъ этого тающего
 мрамора: : : Однажды въ Римѣ было такое чудо,
 что снѣгъ выпалъ въ Юнѣ мѣсяцѣ. Въ память его
 учреждено поэтическое празднество: ежегодно,
 въ этотъ день, въ церкви *Santa Maria Maggiore*,
 съ потолка сыплютъ душистые ясины, пред-
 ставляющіе символъ снѣга (*).“

~~~~~

(*) Для слова изъ прежняго письма объ Англичанахъ,
 прошую шушку, сорвавшуюся съ пера въ частномъ
 письмѣ, можетъ быть въ минушу негодованія, одинъ
 журналѣкъ не успѣлъ разбираться, какъ бы это
 было въ диссертациі. А издаватель М. В. впередъ
 еще бралъ всю вину на себя; позволительно, благород-
 но ли это? —

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представленные
 были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра,
 Января 16 го дня 1830 года.

Ценсоръ Сергій Глинка.

МОСКОВСКИЙ ВѢСТНИКЪ.

1830 годъ.

№ IV.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

---

*Отрывокъ изъ Шиллеровой Трагедіи
Пикколомини.*

(Дѣйствіе 3. Явленіе 9).

МАРІЯ (*) (одна).

Благодарю за швой намѣкъ ; онъ мнѣ
Все объяснилъ , что я подозрѣвала !
Такъ правда , что у насъ здѣсь друга нѣтъ ,
Нѣтъ вѣрной намъ души , — что полагаешься
Должны мы только на себя самихъ ?
Тяжелая намъ предстоитъ борьба , —
Вдохни въ насъ силу , мощная любовь !
Такъ , знаменья не радостныя свѣщая

(*) Подлинное Нѣмецкое имя казалось переводчику неприимнымъ для слуха , и пошому онъ осмѣлился замѣнить его именемъ Марія.

Союзу нашихъ пламенныхъ сердець!
 Не тихая надежда здѣсь живетъ,
 Но страшный гулъ воинственной тревоги;
 Сама любовь, закованная въ сталь,
 На смертный бой являешь грозова.

Надъ нашимъ домомъ мрачный духъ вишаетъ,
 Паденье наше уголовалъ рокъ,
 Изъ мирной пристани меня извлекъ
 И чарами мнѣ душу усыпляешь;
 Небесный, дивный образъ предо мной,
 Манишь меня, манишь, все ближе, ближе;
 Могущесивень, влечешь меня съ собой
 И къ страшнѣй пропасти ведешь — веди же!
 (*вдали слышна застольная музыка*).

Когда въ огнѣ погибнушь долженъ домъ,
 Тогда сводъ неба одѣваешь тучи,
 Съ высотъ эжурныхъ ниспадаешь громъ,
 Изъ нѣдръ земли клубишься пламень жгучій,
 Самъ богъ веселя, въ бѣшенствѣ слѣпомъ
 Кидаешь факель въ воспаленный домъ!

Александръ Шинковъ 2.

Э л е г і я.

Языкъ души краснорѣчивый,
 Восторга пламенный полещь,
 Спиховъ и мыслей переливы,
 И силу ихъ, — она поймешь;
 Но великаль ея награда
 За вдохновеніе любви?
 Порой два-три небесныхъ взгляда,
 И шо при васъ, друзья мои!

*Языковъ.**К ъ Р и м у.*

Когда въ тебѣ, вѣками полный Римъ,
 По стогнамъ громъ небесный пробѣгаешь,
 И дерзостно раскашомъ роковымъ
 Въ твои дворцы и храмы ударяешь:
 Тогда я мню, что это ты гремишь,
 Во гнѣвъ прахъ столѣтій опрысаешь,
 И сгибами виссона шевелишь,
 И громомъ тѣмъ Сатурна устраниаешь.

Шевыревъ.

Чертогъ Майи (съ Арабскаго) (*).

О Майи пышные чертоги,
 Висѣвшіе на скалѣ горѣ,
 Вы опустились, и мой взоръ
 Едва замѣшилъ васъ съ дороги.
 Былъ вечеръ шемный. Я одинъ
 Бродилъ въ сей сумрачной пустыни ;
 Я вопрошалъ васъ : гдѣ , гдѣ нынѣ
 Владѣтельница замка и долины ?
 Ни слова ! Не было отвѣта,
 И могли бытъ оны изъ могилъ !
 Я долго въ горести ходилъ
 И подлѣ бывшаго намѣта
 Съ трудомъ примѣнилъ два столба,
 Гдѣ кови дикіе пустыни
 Стояли. Но сіи швердыни, —
 Сей домъ разрушила судьба,
 И нѣтъ коней, и ровъ, гдѣ воды
 Прекрасныя, какъ небеса,
 Пльняли пушниковъ глаза,
 Изсохъ. Таковъ законъ природы !

Каркуновъ.

(*) Изъ Набега Добайюхи.

П Р О З А.

Отрывокъ изъ Певериля, Романа В. Скотта.

Поговоривши съ Бриджнорфомъ, Христіанъ побѣжалъ во дворець Боккингама, выбирая самый крапчайшій путь. — Его пропустили въ комнату Герцога, который грызъ орѣхи и запивалъ превосходнымъ бѣлымъ виномъ.

— Христіанъ, сказалъ Герцогъ, поемъйся со мною. Я одѣлалъ Карла Седли: я выигралъ у него тысячу гиней . . . боюсь тебѣ. . . .

— Поздравляю васъ, Милордъ, съ счастливымъ выигрышемъ, но я пришелъ поговорить съ вами о дѣлахъ важныхъ. —

— Важныхъ! Чоршъ меня возьми, если я когданибудь буду въ состояніи важничать! — Ты сказалъ съ счастливымъ выигрышемъ . . . это не это! Я обязанъ моему Генію, искусству, а не счастью. Еслибъ я не боялся оскорбить форуну, то могъ бы ей сказать, какъ одинъ древній Полководецъ: ты не имѣла участія въ этой побѣдѣ. Знаешь ли,

(*) Наконецъ дождался мы хорошихъ переводовъ В. Скотта. Публикѣ извѣстны *Комстабль Честерскій* и *Вудстокъ*; скоро надѣмся читать *Карла Смѣлаго*, — и *Певериля*. Чтобы познакомить публику съ переводомъ послѣдняго, предлагаемъ сей отрывокъ.

Недѣ Христіанъ, что старая Кресуель умерла.

Да, Милордъ, я слышала, что чортъ взялъ свое dospoянiе назадъ.

— Хорошь! это неблагодарность. Я знаю, что она себя одолжала, какъ и многихъ другихъ. Клянусь святымъ Джорджемъ, эта старая дама была преобязательная и превспомогательная, и да не почешь прахъ ея безъ должныхъ почестей; я ударился объ закладъ съ... ты не слушаешь? ударился объ закладъ съ Седли, что напишу ей надгробное слово; что въ этомъ словѣ каждое слово будешь ей въ похвалу, каждое слово — правда! —

— Это очень трудно выполнить, ошвѣчалъ Христіанъ, который зналъ, что до тѣхъ поръ не добьешься вниманiя отъ этого вѣпренаго и легкомысленнаго вельможи, покуда онъ не выскажетъ вздора, засѣвшаго ему въ голову.

— А вопшь какъ: я скажу моимъ слушателямъ, что не смотря на дурную славу почившей Госпожи, она *хорошо* родилась, *хорошо* воспитана, *хорошо* жила, *хорошо*, что умерла, и *хорошо* погребена! Тутъ нельзя будешь спорить. . . . ну теперь, Г. Христіанъ, говорите, что вамъ угодно будеть приказать мнѣ! . . .

— Вопервыхъ я долженъ поблагодарить вашу Свѣщдоссть за вниманiе:

вы приславили за мною дядькой Полковника Блодда, и чтобъ ослабить его попечительность, я принужденнымъ нашелся вынустипить у него нѣсколько дурной крови. Вашимъ храбрецамъ, Милордъ, что-то нѣтъ удачи! . . .

— Далѣе, далѣе; къ чему шакой хвастливой лядь? Великій человекъ, если я могу себя назвашь имъ, познается въ неудачахъ своихъ предпріяній! Но, я вижу, бездѣльникъ осмѣлился напасть на васъ съ оружіемъ? этого я никогда не прощу ему! подвергать опасности жизнь моего стариннаго друга Христіана! . . . .

— Почему же и не такъ Милордъ; если старинный другъ заупрямился и нейдетъ изъ Лондона, а вашей Свѣтлости угодно въ его опсушествіе, у себя въ домъ, утѣшашь его племянницу!

— Какъ, что ты говоришь? утѣшашь пивую племянницу? да развѣ ты забылъ, что ей готовилось высшее назначеніе: утѣшенія Королевскія?

— Однакожь она жила супки двое въ вашемъ монастырѣ. По счастью опца Настоятеля не было дома; а какъ съ нѣкотораго времени монастыри дослуны, то пшичка и улетѣла.

— Христіанъ, ты старый плутъ! Я вижу тебя не перехитришь; но похищивши мою плѣнницу, ты мнѣ оставилъ Нимфу, которая мнѣ больше

правила, и еслибъ она не имѣла крыль-
евъ также улетѣть, и заперъ бы ее въ
золотую клітку. Впрочемъ, небойся
Христіанъ, я себя прощаю, искренно
прощаю!

— Ваша Свѣплость, очень мило-
серды! шѣмъ больше чеспи вамъ. Я
обиженъ, а не вы: извѣстно, что обид-
чику труднѣе простить, нежели оби-
женному.

— Правда, Христіанъ, правда! это
ново и недурно! мое великодушіе уди-
вительно. Ну, человекъ прощенный,
когда же я увижу мою Мавришанскую
Принцессу?

— Когда забавы, заклады, или над-
гробная рѣчь заставятъ васъ забыть
о ней. — Но теперь это въ спорону;
со временемъ вы узнаете ее, какъ не-
обыкновенную женщину нашего вѣка. —
Милордъ, давно ли вы получили послѣд-
нее извѣстіе о здоровьѣ вашей супруги?

— О здоровьѣ Герцогини? — но...
нѣтъ ничего особеннаго... Она очень
больна, но...

— Но теперь здорова: уже двое
сутокъ, какъ она скончалась въ Граф-
ствѣ Йоркскомъ. —

— Ты въ дружбѣ съ самимъ чор-
томъ, вскричалъ Герцогъ!

Это неприлично человеку моего
имени (*), отвѣчалъ Христіанъ; но въ

(*) Христіанъ по Англійски значитъ Христіанинъ.

столь короткое время, покуда публика еще не знала этой новости, вы успели уже просить у Короля руки Леди Анны, второй дочери Герцога Йоркского, и получили отказ.

— Смерть и адъ, вскричалъ Герцогъ, бросившись на Христіана и схвативъ его за воротникъ, почему ты знаешь объ этомъ, бездѣльникъ?

— Пустите меня, Милордъ, и я вамъ скажу; я человекъ стариннаго британскаго покроя: не люблю *рукоположенія*. Пустите меня, говорю вамъ, или я васъ къ тому принужу.

— Правая рука Герцога взялась за кинжалъ, а лѣвою держалъ онъ за воротъ Христіана. Боккингамъ пустилъ его однако, но медленно, съ видомъ человека, который откладываетъ только исполненіе своего намѣренія, а не отказывается отъ него. Христіанъ, поправивъ свое платье, съ величайшимъ спокойствіемъ продолжалъ: вотъ теперь мы можемъ говорить, какъ равные, свободно. Я пришелъ не оскорблять вашу Свѣплость, а предложить вамъ средство: — отплатить за оскорбленіе.

— Отплатить, воскликнувъ Герцогъ съ жаромъ. . . Нѣтъ для меня ничего драгоценнѣе мщенія въ пеперешнемъ моемъ положеніи! и гладъ и жаж-

да мести меня перзаюшь; я голову умереть, только бы опмекнуть. Чоршь поberi мою жизнь, продолжалъ онъ почти въ испугленіи; я старался изгнать изъ памяти моей эпошь опказъ тысячью разныхъ глупостей; думалъ, что никто о немъ не знаетъ и вопшь . . . поздравляю! . . . . Его знаетъ кладовая всѣхъ придворныхъ новостей, Недь Христіанъ! . . . говори, изчадь лжи и обмановъ, какое обещаешь ты мнѣ мщеніе? Говори: если твои слова будутъ согласны съ моими желаніями, то я заключу договоръ съ тобой и съ сапаной, твоимъ Господиномъ. —

— Послушайте Герцога, я не проповѣдникъ, не буду вамъ сулить вѣчнаго блаженства; хлопчите о немъ, какъ хотите сами, я предложу вамъ временное благополучіе и мщеніе.

— Герцогъ устремилъ на него задумчивый и печальный взглядъ. — Если я не ошибаюсь въ выраженіи лица твоего, Христіанъ, то дьявольскія намѣренія ты предлагаешь мнѣ!

— Вашей Свѣтлости споконъ ихъ узнать, опвѣчалъ Христіанъ съ спокойною улыбкою.

— Нѣтъ, возразилъ Герцогъ послѣ минутнаго молчанія, лицемѣрная личина твоя непроницаема; она можешь рав-

но скрывать и Государственную измену и мошенничество, и воровство, себе приличнѣйшія.

— Государственную измену, Милордъ! почеспи, вы попали близко. Я уважаю проникаемость вашей Свѣтлости.

Государственная измена! . . . Кто осмѣлился говорить въ моемъ присутствіи о такомъ преступленіи?

— Если это слово пугаетъ васъ, Милордъ, замѣните его мщеніемъ. Мщеніе людямъ, которые, спакнувшись, одолѣли васъ при дворѣ, не смотря на вашъ умъ и довѣренность королевскую. Мщеніе Арлингтону, Ормонду — самому Карлу!

Нѣтъ, клянусь Богомъ, нѣтъ! вскричалъ Бѳккингамъ, скорыми и большими шагами ходя по комнатѣ. Мщеніе этимъ крысамъ, шайнымъ Свѣтникамъ, чего бы то ни стоило; но Королю — никогда, никогда! Я много и такъ виноватъ передъ нимъ; я мѣшалъ ему въ замыслахъ государственныхъ, соперничалъ въ любви, за все онъ прощалъ Бѳккингаму! Нѣтъ, если измена возвыситъ меня на тронъ его, и тогда нѣтъ оправданія: это будетъ гнусная неблагодарность!

Вы благородно судите, Милордъ; ваши слова достойны милостей, полученныхъ

вами опъ Карла Стурта, достойны вашихъ признательныхъ чувствъ. — Впрочемъ это все равно: если вашей Свѣтлости не угодно бытъ главою нашего предпріятія — у насъ есть Шафшесбургъ, Монмофъ!

— Негодай, воскликнулъ Герцогъ внѣ себя, и ты осмѣлишься предложишь другому то, опъ чего Боккигамъ отказался! нѣтъ, клянусь всеми языческими и Христіанскими богами! я прикажу сей часъ схватишь тебя, опвеспи въ Уейнгаль и ты тамъ опкроешь свои замыслы.

— И первыя слова мои, опвѣчалъ непоколебимый Христіанъ, опкроюшь тайному Совѣту мѣсто, гдѣ онъ найдеть въ цѣлости нѣкопорыя письма вашей Свѣтлости, которыми вы удостоивали бѣднаго служителя, и которыми Его Величество прочтеть съ такимъ же удовольствіемъ, какъ и . . . .

— Разбойникъ, вскричалъ Герцогъ, хватаясь за кинжалъ, онъ опупалъ меня своими сѣтями, и я не знаю, что оппанавливаетъ меня заколошь его сіюже минушу. . . .

Я могу умереть, Милордъ, опвѣчалъ Христіанъ, покраснѣвъ немного, и положи правую руку за пазуху, но я не умру безъ мщенія. Неужели я преданъ опасности, не принявъ мѣръ для обо-

роны? Письма вашей Свѣплоспи въ вѣрныхъ рукахъ, припомните Мавришанскую Принцессу ; ей завѣщаль я исполнить мою послѣднюю волю: доставить вашу переписку въ руки самому Королю, если я не возвращусь домой здравъ и невредимъ. Идучи къ вамъ, я зналъ, что кладу голову въ волчью пастъ и устроилъ пружины такъ , что ударъ раздробитъ голову пому, кшо до нихъ допронешся. Опомнишесь , Милордъ , разсудите , вы имѣете дѣло съ челоуѣкомъ беспрашнымъ и не гмулымъ ; а вы пугаете меня, какъ шруса , или ребенка.

— Герцоуъ бросился въ кресла, пошупилъ глаза, и, не поднимая ихъ, сказалъ: я позову Джёрнингама , не опасайся ; я спрошу спаканъ другаго вина. Ешо годится для орѣховъ , а не для разговоровъ съ шобою. — Принеси мнѣ шампанскаго, сказалъ онъ Джёрнингаму, вошедшему немедленно на призывъ Герцога.

— Джёрнингамъ скоро¹ возвратился съ двойною бутылкою шампанскаго и съ двумя большими, серебряными спаканами. Онъ налилъ одинъ изъ нихъ и поднесъ Герцогу , который пропивъ всѣхъ правилъ учивоспи , у себя въ домѣ угощался какъ гостъ , всегда первый ; другой спаканъ Джёрнингамъ подаль Хриспиану , но онъ отказался.

Боккигамъ осушилъ огромный спанканъ, закрылъ было лицо рукою, какъ будто размышляя, но вдругъ опинялъ ее и сказалъ : Христіанъ, говори яснѣе. Мы другъ друга знаемъ. Если моя честь у тебя въ рукахъ, за что жизнь шведъ — въ моихъ; при сихъ словахъ онъ вынулъ изъ бокового кармана пистолець и положилъ его на споль передъ собою. Сядыте и объясните мнѣ ваши намѣренія.

— Милордъ, сказалъ Христіанъ, посмотря съ улыбкою на пистолець, я не хочу употребить себя въ оборону подобнаго орудія, хотя, бытъ можеть, вы увидите, что въ случаѣ нужды и я его имѣю. Моя защита состоитъ въ положеніи дѣлъ и въ спокойнѣйшемъ разсмотрѣніи ихъ Вашимъ Величествомъ.

— Мое Величество, воскликнулъ Герцогъ! другъ Христіанъ, ты такъ долго жилъ съ Пуританами, что забылъ придворныя шишулы.

— Извините меня, Милордъ, отвѣчалъ Христіанъ, и не подумайте, что я имѣю даръ пророчества.

— Какъ чортъ Магбефу, сказалъ Боккигамъ, онъ вспалъ, прошелся еще раза два по комнатамъ, опять сѣлъ и продолжалъ : говори яснѣе, Христіанъ, говори правду, безъ увертокъ. Какіе у тебя замыслы ?

— Мои замыслы? какимъ замысламъ у меня быть? Я шутъ ничего незначаю; но я счелъ за долгъ донести вашей Свѣлости, что *святые* (1) наши (онъ произнесъ это слово съ насмѣшкою) не хотятъ долѣе оставаться въ бездѣйствіи. Братъ мой Бриджноръ начальствуетъ всею секлою послѣдователей стараго Уейвера; теперь у него въ распоряженіи 200 молодцовъ, хорошо вооруженныхъ и снаряженныхъ; они готовы хоть сію минуту напасть на Уейпгаль; я увѣренъ, къ намъ присладутъ много и съ малымъ пособіемъ вашей Свѣлости, они легко завладѣютъ дворцомъ и захватятъ въ плѣнъ всѣхъ его жителей.

— Бездѣльникъ, и Перу Англіи ты смѣешь предлагать ихъ? —

— Выслушайте, поймите меня, Милордъ, хорошенько; конечно было бы глупо появиться вамъ прежде окончанія всего дѣла, но позвольте мнѣ опъ вашего имени сказать нѣсколько словъ Блодду и другимъ. Есть еще четыре ошдвленія секлы Нѣмецкой; есть Ниппердолинскы, Анабаптисты, всѣ они будутъ намъ весьма полезны; попомъ Милордъ, вы по опыту знаете храбрось вашихъ домашнихъ гладиаторовъ. Вспомните, что Ок-

---

(1) То есть: фанатики, заговорщики.

павій, Леонидъ и Антоній овладѣли цѣлымъ свѣжомъ такими же средствами.

— Поспой... Еслилибъ я и позволилъ эшимъ гончимъ соединитя съ вами, разумѣется съ полною увѣренностію въ безопасности и неприкосновенности особы Королевской, то какими средствами надѣшесь вы овладѣть дворцомъ?

— Булли-томъ Армстронгъ обѣщаль употребить свое вліаніе и довѣренность къ нему Гвардейскаго корпуса. При томъ на нашей сторонѣ легкія войска Шафшесбури, спояція въ городѣ. Тридцать тысячъ челоуѣкъ готовы возстать, если онъ пошевелишь пальцомъ.

— Пусть подниметь онъ обѣ руки и если на каждый палець найдется по сотнѣ людей, и тогда этого будешь довольно, вы неговорили съ нимъ?

— Нѣтъ еще, Милордъ. Я ожидаю соизволенія вашей Свѣтлости. Если вы разсудите не прибѣгать къ его помощи, то у насъ есть партія Голландская, Французскіе Пролетаріаты и...

— Фи! прочь, убирайся съ такими участниками: они навоняютъ только сырромъ и шабакомъ, когда дойдешь до дѣла. Избавь меня отъ подробностей, любезный Недъ, и скажи однимъ словомъ: сколько у тебя эшой пахучей дряни?

— Полторы тысячи, Милордъ, и хорошо вооруженной, не считая уличныхъ

бродягъ, которыхъ наберется весьма значительное число. Они едва не изорвали въ клочки сего дня упрямъ освобожденныхъ судомъ, шроихъ Сировъ, подозрѣваемыхъ ими въ заговоръ.

Довольно: я вижу все. Теперь выслушай меня, Христианнѣйшій Христианъ. При сихъ словахъ Герцогъ поворочился на креслахъ прямо къ стулу своего Агенпа. — Ты сообщилъ мнѣ сего дня много разныхъ вѣстей. Оплашишь ли себя шѣмъ же? докажешь ли, что и мои свѣденія также вѣрны и точны, какъ и твои? скажешь ли мнѣ, для чего ты рѣшился все двинушь, начиная съ Пуританина и до головъ умныхъ, къ нападенію на дворецъ Уейпгальской, не давъ мнѣ Перу королевства и времени обдумать и приготоовиться къ такому ошчаянному поспуку? скажешь ли мнѣ, для чего ты хочешь или оболестишь, или принудишь меня — къ поддержанію твоего предпріятія?

Вамъ не угодно ли будешь, Милордъ, сообщить мнѣ ваши догадки, и я скажу искренно, опгадали ли вы?

Графиня Дарби сегодня поупру прѣхала въ Лондонъ вечеромъ; она представляется ко двору, и вѣроятно, будешь хорошо принята. Что Христианъ, вѣдь непрудно будешь захватить ее въ суматохѣ? не правъ ли я? Предлагаю мнѣ

насладишься мщеніемъ, ты и самъ хочешь вкусить этой сладости?

Я не осмѣлюсь, Милордъ, опивчать Христіанъ, улыбаясь, подать вамъ кушанье, не опивдавъ его самъ, какъ главный поварь или смотритель за кухнею.

Вотъ это опкровенно. — Иди сей часъ, отдай мое кольцо Блодду; онъ его знаетъ и спанеть повинувашься тому, у кого оно въ рукахъ; пусть онъ беретъ своихъ разбойниковъ, которыхъ ты весьма остро называлъ моими гладиаторами. Можно прибѣгнуть и къ старой выдумкѣ нашей, къ *Нѣмецкой музыкѣ*; я увѣренъ, что у тебя инструменты настроены. Но помни, что я ни о чемъ не знаю, и что особа спараго Руми должна бытъ уважаема. Я поставлю висѣлицы и зажгу костры, если пропадешь одинъ волосъ съ чернаго парика его. — Какое же однако изъ этого выдешъ послѣдствіе? Лордъ Протекторъ, Попечитель Государства? Кромвель поселилъ опвращеніе къ этому шишлу; оно сдѣвалось ненавистнымъ народу. Почему же не Лордъ Правитель Королевства? Точно. Папріоты, возставшіе опмстить за оскорбленіе цѣлой націи, удалишь опъ Короля злонамѣренныхъ его Совѣтниковъ и возстановишь на мѣсто

ихъ одного, но справедливейшаго, — не могушь ошибиться въ выборѣ.

Безъ сомнѣнїя, Милордъ. Во всѣхъ прѣхъ Королевспвахъ есть шолько одинъ человекъ, на котораго можешь насъ эшопъ выборѣ.

Благодарю, Христїанъ; я во всемъ полагаюсь на васъ. Спунайте, пригото- вляйтесь и будьте увѣрены, что заслу- ть вашихъ не забудушь. Вы будете нахо- диться при насъ.

Вы привязываете меня къ себѣ, Милордъ, двойными узами; но позво- лите вамъ напомнить, что избавляясь отъ первоначальныхъ дѣйствїй и всѣхъ нечаянностей при схваткахъ съ войска- ми прошивниковъ, вы должны бышь готовы по первому извѣстїю, явиться во дворцѣ главою вашихъ друзей и союз- никовъ, начальникомъ побѣдителей, спа- сителемъ побѣжденныхъ.

— Понимаю, Христїанъ, очень пони- маю, и — буду готовъ.

Ради Бога, Милордъ, удержите ваше пылкое воображеніе и забудьте въш- реносъ на сегодняшній вечеръ; она мо- жеть помѣшать исполненїю нашего ве- ликаго предпрїятїя.

Развѣ считаешь меня дуракомъ, Хри- стїанъ? — Вошь ты, шакъ шрапишь по- пусшому время, а оно нужно на приго- товленіе средствъ для вѣрнаго удара.

Но постойте, Христианъ, скажите мнѣ прежде, когда я увижу это огне - воздушное существо, эту восточную Перу, эту черноглазую Гурію рая Магометова?

Когда у вашей Свѣтлости въ рукахъ будетъ жезлъ Лорда Правителя Королевства, ошвѣчалъ Христианъ, выходя быстро изъ комнаты.

На нѣсколько времени, Боккингамъ погрузился въ глубокую задумчивость. Такъ ли я долженъ поступать, размышлялъ онъ; но я не могъ выбирать! Не обязанъ ли я и теперь бѣжать во дворецъ и открытъ Карлу объ измѣнѣ, пропивъ него замышляемой. Такъ; клянусь Богомъ, я это сдѣлаю. Джеррингамъ, сюда! . . Карешу — и сію же минуту брошусь къ его ногамъ, признаюсь ему во всѣхъ глупыхъ сношеніяхъ съ Христианомъ. . . Онъ посмѣется надо мною и — ошвергнетъ меня. Я уже былъ у ногъ его сегодня — онъ убійственно ошвѣчалъ мнѣ! — Нѣтъ, Боккингамъ не снесетъ двухъ оскорбленій въ одинъ день.

Послѣ такихъ размышленій онъ сѣлъ за столъ и наскоро составилъ списокъ молодымъ знатнымъ людямъ и ихъ приверженцамъ, которые, какъ онъ надѣялся, признають его начальникомъ, въ случаѣ народнаго мятежа. Едва онъ кончилъ это, какъ Джеррингамъ принесъ ему пла-

пье, шапку, шляпу и доложилъ, что карета гопова.

Поставить ее въ сарай, но чшобъ она была гопова. Пошли ко всѣмъ, чьи имена написаны на этомъ листѣ; вели сказать, что я не очень здоровъ и прошу ихъ къ себѣ на пирушку. Будь внимателенъ и не жалѣй денегъ, чшобъ все было въ наилучшемъ видѣ.

А.

Н А У К И.

О б ъ А н а л о г и и.

І.

Человѣкъ, привыкшій размышлять методически, видитъ во всемъ соотношеніи и объясняетъ себѣ одно другимъ; онъ находишь ихъ даже въ самомъ различіи; онъ видитъ впередъ, какъ далеко можетъ простираеться его разумъ— и находя предѣлы, которыхъ онъ преиши неможеть, не обвиняеть ни Творца, ни природу, а осмается спокойнымъ: ибо видитъ сему самому причину въ законахъ общихъ и необходимыхъ, безъ которыхъ ни природа, ни сей самый разумъ его существовать немогли бы. Исте: онъ видитъ, что еслибъ разумъ его въ семъ земномъ мѣстопребываніи могъ переиши за тѣ предѣлы, то вса природа должна бы была подвергнуться измѣненію, гибельному для нея перевороту, съ которымъ она должна-бы сдѣлаться другою природою, и не найти мѣста на той точкѣ, на которой она поставлена Творцемъ ея, а въ свѣдѣ за тѣмъ и весь міръ прииши въ пошрасеніе, все измѣнитъ свое мѣсто, свои законы, тѣ святые законы, по которымъ все существуетъ; короче: измѣненіе

его разума потребовало бы всеобщаго разрушенія и созданія другаго міра!

2.

Но человекъ, не привыкшій къ размышленію, удивляется, видя неожиданное сходство и соотношеніе между предметами, которые казались ему совершенно разнородными и неимѣющими ничего общаго. Сіе неожиданно открытое отношеніе еще болѣе смущаетъ и омрачаетъ его разумъ; ибо онъ не видитъ основы сего отношенія. Замѣчая часто, (и даже гораздо чаще размышляющаго), что есть предѣлы, которыхъ разумъ его перескунитъ не можетъ, онъ обвиняетъ свою природу, и кончитъ шѣмъ, что или приходишь въ уныніе, видя мнимую свою ничтожность, или въ безумной дерзости хочешь перескунитъ сіи предѣлы, и идя отъ одного частнаго заблужденія къ другому частному же заблужденію, видишь уже во всемъ преграду, и, приходя въ отчаяніе, отказывается совсѣмъ отъ размышленія, увѣренный, что все заблужденіе: онъ ропщетъ и осматриваетъ еще несвѣдущее прежняго!

3.

Не только о предметахъ отвлеченныхъ, но и о предметахъ природы, подлежащей чувствамъ нашимъ, нельзя

размышляя опидѣльно. Еслиспвоиспытатель, разсѣкающій члены червя и разсмапривающій внутренне его сосуды, ничего не узналъ бы достовернаго, еслибъ разсмапривалъ ихъ безъ отношенія къ общей системѣ животной жизни. Предметы, подлежащія изслѣдованію не опыта, а собственно изслѣдованію числаго разума, имѣють также свои члены, входящія въ систему общей разумной природы. Угадашь ничего не возможно, можно догадываться; но и тогда должно повѣрять частное общимъ, и если догадка входитъ въ составъ общихъ законовъ и не только имъ не противорѣчитъ, но еще подтверждается ими: тогда только она приобретаетъ степень Философической достоверности.

4.

Къ сей достоверности, основанной на сходствѣ, ведетъ Аналогическій способъ размышленія, можетъ быть вѣрнѣйшій изъ всѣхъ искусственныхъ учебныхъ способовъ! И сія Аналогія должна имѣть основаніе въ общихъ истинахъ, въ общихъ законахъ, заключающихъ въ себѣ всѣ частныя. Одно простое подобіе, или сходство въ частяхъ, она должна отвергать съ перваго взгляда, начиная съ начала и приводить къ тому же началу послѣднее свое заключеніе.

Попробуемъ объяснить себѣ, почему можешь существовать Аналогія между всѣмъ сотвореннымъ, слѣдовательно почему сей способъ можешь быть употребляемъ въ сужденіи, и на чемъ основывается его вѣрность.

5.

Все сотворенное сотворено *Единымъ*, *Премудрымъ* и *Благимъ*: вошь основаніе всего, основаніе, котораго опровергнуть не возможно, фокусъ, въ которомъ собираются въ одну свѣтлую и пламенную точку всѣ лучи бытія, всѣ истины разума.

6.

Какъ скоро все сотворено *Единымъ*, то все сотворенное должно заключать въ себѣ единство цѣли; какъ скоро все сотворено *Премудрымъ*, то всѣ части единого цѣлаго созданія должны заключать въ себѣ соразмѣрность, правильность и находиться въ необходимомъ соотношеніи, находясь въ ономъ и потому уже, что стремятся къ единой цѣли; какъ скоро все сотворено *Благимъ*, то цѣль сія должна быть благою, слѣдовательно шаковы должны быть средства, ведущія къ сей цѣли. — И такъ *единство*, *соразмѣрность* и *взаимность соотношеній* (что одно и то же) и наконецъ *благо*: вошь три великія

первыя раздѣленія общей цѣли и въ то же время первыя великія средства, ведущія къ оной; однимъ словомъ онѣ суть: великій общій планъ созданія.

7.

Сіе единство, сія соразмѣрная, соотносительная взаимность, сіе благо — не могутъ относиться къ одному тѣлесному (физическому) міру, но должны сполько же относиться къ разумному и духовному; ибо еслибы предположили, что онѣ сполько существуютъ для міра тѣлеснаго, то должно бы предположили совершенную несообразность, которая обвиняла бы и человека, создающаго машину, не сполько Бога, Создателя всесовершеннаго, а именно: тогда должно бы предположили, что вселенная, сія единая машина, идетъ такимъ образомъ, что половина ея дѣйствуетъ къ такой-то цѣли, а другая половина къ другой! Сіе споль несообразно, что разумъ отвергаетъ оное при первомъ взглядѣ!

8.

Къ тому же духовное, разумное и тѣлесное споль тѣсно соединены между собою въ мірѣ, что и мы, при слабости нашемъ разумѣ, видимъ уже существованіе сей связи; они соединены споль тѣсно, что, по слабости разума нашего, мы не можемъ раздѣлити ихъ,

даже почти не можемъ различить ихъ! Мы видимъ въ человѣкѣ, что духовность и тѣлесность не только могутъ быть соединены непосредственною для насъ связью, но даже еще непосредимѣйшею взаимностию, даже могутъ взаимно другъ на друга дѣйствовать. Мы знаемъ, что есть невидимая расширительная сила и не знаемъ, до какой степени она дѣйствуетъ по закону Физическому, или не заключается ли въ сѣбѣ Физическомъ законъ какой-нибудь начатокъ духовности. Дѣйствіе электричества, сколько ни объясняютъ оно понкою испекающею матеріею, которая и видима въ электрическомъ свѣтѣ, но оно досель убѣгаетъ отъ всѣхъ нашихъ изслѣдованій. Наконецъ Магнетизмъ, по коему два существа дѣйствуютъ другъ на друга въ величайшемъ отдаленіи и даже мыслию, дѣйствуетъ такъ, что сею мыслию, изъ сего отдаленія, производящъ одинъ на другаго дѣйствіе даже Физическое, еще болѣе удословляетъ насъ, что духовность и тѣлесность міра взаимно соединены, и относительно цѣли, и какъ средства.

9.

Тѣ, которые, будучи и убѣждены въ томъ, что великія части міра соединены взаимно, не захотѣвъ однако признавъ сего относительно ~~мелкихъ~~

частей творенія, должны однакожь убѣдиться, что мѣньшія части творенія заключающіяся въ бѣльшихъ, не составляютъ совершенно отдѣльнаго, но какъ части сихъ послѣднихъ, которыя въ отношеніи къ первымъ суть цѣлое, следовательно онѣ заключающіяся въ тѣхъ, какъ часть въ цѣломъ. Еще мѣньшія въ такомъ же отношеніи находящіяся къ симъ, и наконецъ самыя мельчайшія къ симъ послѣднимъ. Часть же не можетъ имѣть въ себѣ свойства, не находящагося въ цѣломъ, и дѣйствуетъ всегда по закону цѣлаго: и такимъ образомъ, восходя выше и выше, мы опять дойдемъ до начальныхъ законовъ созданія.

10.

Въ законахъ физическихъ сія истина является осязательною. Таковъ на примѣръ законъ тяготѣнія, по которому мы всегда съ равнымъ изумленіемъ и съ равною довѣрностію видимъ, что малѣйшая тяжесть падаетъ на землю по тому же закону, по которому вращающіяся огромныя тяжести вселенной. А какъ выше доказано, что если міръ тѣлесный имѣетъ такую соразмѣрность и такое взаимное соотношеніе, то и міръ духовный долженъ имѣть оныя; а потому нашъ разумный или духовный міръ и наши разумныя или

духовныя дѣйствія должны быть въ такой же соразмѣрности и въ такомъ же соотношеніи къ какой-либо высшей формѣ разума и духа и наконецъ къ самому высочайшему Разуму и Духу.

11.

Вопль Аналогія, существующая между всѣмъ сотвореннымъ, между малѣйшими часпями творенія и между величайшими, въ коихъ первыя содержатся, (не взирая на индивидуальность бытія и формы) какъ часпи въ цѣломъ. Если же существуетъ сія аналогія собственно въ нихъ; то и сужденіе объ нихъ можетъ основываться на сей Аналогіи. Нужно только имѣть вѣрный способъ открывать ее. Въ чемъ же можетъ состоять сей способъ? — Онъ можетъ быть выведенъ изъ самыхъ свойствъ Аналогіи и изъ цѣли аналогическихъ сужденій.

12.

Аналогія (взятая уже какъ способъ познанія) есть ничто иное, какъ сужденіе посредствомъ сравненія, и цѣль ея: *вопервыхъ*, открывать неизвѣстное по подобію онаго съ извѣстнымъ; *вовторыхъ*, по однородности часпей двухъ разныхъ предметовъ или заключать о цѣломъ неизвѣстнаго, или объяснять неизвѣстное въ предметѣ уже

извѣстномъ. Послѣдній способъ сужденія не есть однако заключеніе оцъ части къ цѣлому, опровергаемое здравою логикою: что объясняется само собою изъ средствъ, употребляемыхъ Аналогією, не довольствующеюся простымъ силлогизмомъ.

13.

Способъ ея происпекаетъ изъ самой цѣли: онъ соспоишь, какъ показывается самое названіе, въ уподобленіи; но въ уподобленіи самомъ оспорожномъ. Такъ какъ она или опкрываетъ совсѣмъ *неизвѣстное*, или объясняетъ *неизвѣстное въ извѣстномъ*, и по и другое по уподобленію: по въ первомъ случаѣ она должна соблюдать самую строгую *постепенность*, какъ въ восхожденіи къ неизвѣстному, такъ и въ обратномъ нисхожденіи; во второмъ самую точную *опредѣленность* какъ въ опредѣленіи различій, такъ и въ наблюденіи пунктовъ соприкосновенія.

14.

При соблюденіи постепенности она основывается на той же истинѣ, что все сошворенное соспоишь въ необходимой связи между собою и все въ необходимомъ опношеніи къ своему началу. Природа, какъ говорятъ Физики, и Бшесшвоиспытатели, *не дѣлаеть снаковъ*; въ взаимномъ ушпройшвѣ міровъ,

составляющихъ видимую нами вселенную, открываеица Астрономами тоиъ же законъ взаимнаго сцѣпленія, безъ всякихъ промежутковъ, такъ что по разстоянiю между такими-то планетами, несогласному съ математическою точностию, по коей размѣщены онѣ въ пространствѣ, си наблюдашели увѣрились, что на семъ разстоянiи должна быть еще планета, которую пономъ и открывали дѣйствительно! По сему закону цѣпь шворенiя отъ самыхъ малѣйшихъ звѣздебъ своихъ восходитъ постепенно къ величайшимъ и наконецъ теряется отъ нашего зрѣнiя въ безпредѣльномъ, но не пресѣкается. Разумъ и духъ нашъ равнымъ образомъ только *теряются* въ безконечномъ, но *теряются* также постепенно: и сіе самое, ш. е. что они теряются постепенно, показывается уже, что нишъ, ведущая къ безконечному не пресѣкается на пути своемъ. Все необходимо, все находится въ связи взаимной, все восходитъ и нисходитъ постепенно, все дѣйствуетъ и прошиводѣйствуетъ: вошъ основанiе шой постепенности, которую должна соблюдать Аналогiя въ своихъ сужденiяхъ.

15.

При опредѣленiи различiй и нуикшовъ соприкосновенiя, она должна преж-

де всего наблюдать : что въ предметѣ
необходимое и что условное, что нахо-
дится въ немъ индивидуальнаго и что
относительнаго; въ семъ послѣднемъ слу-
чаѣ: что относительно къ цѣлому шво-
ренію, что къ сравниваемому предмету
и что къ собственной индивидуально-
сти объясняемаго.

16.

Необходимое есть то, что состав-
ляетъ условіе и цѣль бышя мое-
го, какъ бышя, то, безъ чего я бы
не былъ; *условное* то, безъ чего я не
былъ бы тѣмъ-то, что необходимо же,
но для бышя моего въ такой-то фор-
мѣ, но такой-то цѣли. *Индивидуальное*
то, что отличаетъ меня отъ другихъ
швореній, какъ челоѣка, и отъ другихъ
челоѣковъ, собственно какъ меня; *от-
носительное*, напротивъ, то, что имѣетъ
основаніе не во мнѣ, но въ связи моей
съ другими швореніями. Всѣ возмож-
ные законы бышя основаны на взаим-
номъ дѣйствіи сихъ первыхъ вседержа-
щихъ и все-связующихъ законовъ. И въ
чемъ бы ни открывала Аналогія подобіе
или различіе, и сіе подобіе и сіе раз-
личіе — суть нечто иное, какъ видо-
измѣненія сихъ законовъ.

17.

И такъ Аналогія можетъ намъ только
открывать, гдѣ она открывается

или сіи законы, или послѣдствія оныхъ; другими словами: сближеніе между двумя предметами, подлежащими изслѣдованію разума или духа, тогда только существовать можетъ, когда *открывается* въ нихъ что-либо общее. Это первое правило *аналогическаго сужденія*.

18.

Если сіе общее замѣчается или находится только въ частяхъ, то должно наблюдать, оправдывается ли сіе подобіе частей самою природою предмета; но есть: таково ли сіе частное, что въ немъ отражается главное и необходимое свойство цѣлаго. Такъ, напримеръ, я имѣю душу; однако она не составляетъ всего меня, ибо я, какъ человекъ, имѣю еще тѣло, и человекъ по толіку токмо, поколику имѣю совокупно духъ и тѣло. Но поелику духъ составляетъ необходимое условіе человеческого бытія моего; тѣло, въ совокупности своихъ органовъ, также: то при сужденіи о свойствѣ существа чисто духовнаго и о дѣйствіяхъ духа безтѣлеснаго я могу заключать по моему свойству духовному, и по моимъ дѣйствіямъ, отдѣляя ихъ только отъ всего, что получаютъ онѣ во мнѣ отъ впечатлѣній тѣлесныхъ и возвышая сіи свойства

и сіи дѣйствія поспешенно до возможной степени.

19.

Слѣдую щѣмъ же основаніямъ, при сужденіи о предметахъ однородныхъ, но столь отдаленныхъ между собою, что не имѣють никакихъ осязательныхъ признаковъ соприкосновенія, Аналогія ищетъ ближайшаго къ известному, потомъ ближайшаго къ сему, и такъ далѣе, пока доходитъ до неизвѣстнаго; и тогда, чрезъ сію цѣпь подобій, открывая общее между предметами самыми отдаленными, можетъ открыть свойства неизвѣстнаго и произнести столь же вѣрное и опредѣлительное заключеніе.

Всѣ подробности правилъ Аналогіи происходятъ изъ сихъ основаній.

20.

Таковы цѣль и свойства Аналогіи и таковы главныя ея средства, при сужденіи о предметахъ, подлежащихъ единственно изслѣдованію разума и духа: Аналогіи, которая въ отношеніи къ онымъ предметамъ поже, что Геометрія въ отношеніи къ величинамъ, что Алгебра въ отношеніи къ количествамъ. Если она не имѣеть той точности и опредѣленности, какую имѣеть Математика: то сіе происходитъ отъ того

что самые предметы ея изслѣдованій, какъ вообще всѣ предметы изслѣдованій Философическихъ, имѣють менѣе определенности, чѣмъ величины и количества, которыя изслѣдуетъ Математика. Впрочемъ, *относительно*, она можетъ имѣть въ своихъ заключеніяхъ ту же вѣрность и ту же очевидность, и можетъ имѣть ихъ въ такой степени, которая изумила бы разумъ, неупражнявшійся въ изслѣдованіяхъ аналогическихъ.

85. 78.

78 783

~~~~~

б) Матеріалы.

Р е с к р и п т ъ

Императрицы Анны къ Членамъ Верховнаго Совѣта. (*).

Къ любезно-вѣрнымъ нашимъ подданнымъ
Присуществующимъ въ шайномъ верхов-
номъ Совѣтѣ.

Ошправленные отъ Васъ любезно-
вѣрные намъ Тайный Дѣйствительный

(*) Издашель получилъ сей важной документъ при слѣдующемъ письмѣ: „въ любопытнѣйшей Исторической спашѣ, помѣщенной вами въ Но 1-мъ вашего журнала, отъ 42—74 стр. О смерти Императора Петра втораго и пр. на страницѣ 60-й есть пропускъ. Позвольте его наполнить, Милосердивый Государь, изъ моего вамъ уже лично известнаго собранія зумографовъ — сколько наполнить можно. А именно я препровождаю къ вамъ вѣрный списокъ Рескрипта Императрицы Анны Иоанновны къ членамъ тогдашняго Верховнаго Совѣта. Сей рескриптъ весь руки Василия Лукича Долгорукова, и вѣроятно писанъ имъ съ общаго согласія прочихъ его сочленовъ, въ Митавѣ. Я прилагаю въ концѣ снимокъ первыхъ строкъ онаго (1) только важнаго приложения въ семъ рескриптѣ упоминаемаго у меня нѣтъ, и вѣроятно

(1) Сей снимокъ напечатанъ будетъ послѣ. *Изд.*

Совѣшникъ и членъ Тайнаго Верховнаго Совѣша Князь Василій Долгорукой, да Тайный Совѣшникъ и Сенапоръ Князь Михайло Голицынъ и Генераль - Маіоръ Михайло Левонпьевъ, 25-го числа сего мѣсяца пріѣхавъ къ намъ въ Нитаву, гореспную и неописанную объявили намъ

оно нигдѣ въ спиекѣ на *Россійскомъ* языкѣ не существуешь болѣе, но содержаніе его на Французскомъ помѣшилъ *Манштейнъ* въ свою Исторію шого времени.

Достойны примѣчанія самыя помарки въ семь опускѣ. Онѣ доказывають — или крайнюю поспѣшность, или встревоженный духъ излагателя. Не многія строки уцѣляли въ своемъ первоначальномъ видѣ; слова необходимыя для смысла пропущены, и послѣ прибавлены надъ строками на поляхъ. Василій Лукичъ забывался до такой степени, что пропустилъ собственное свое званіе члена шайнаго верховнаго Совѣша, (что послѣ на полѣ приписано), и что вмѣсто Петра *Втораго*, написалъ было Петра *Перваго*. Что принадлежитъ до *Нитавы*, два раза вмѣсто *Митавы*, втрояшно шакъ продолжали еще произносить Русскіе въ шо время: ибо шакъ произносить и нынѣ народъ; въ прочихъ мѣсшахъ правописание и знаки прерпинанія поставилъ я по нынѣшнему, дабы сообразоваться вашему примѣчанію М. Г. на страницѣ 74-й и не ушомлять читателя безъ нужды.

Вашъ и проч.

В. Карзинъ.

Харьковъ.

24 Генваря 1830 года.

печаль о пресшавленіи Его Императорскаго Величества Петра Второго, нашего любезнѣйшаго Племянника и Государя, Мы, какъ по близости крови, такъ и по всѣмъ Его Величества благосклоннымъ къ намъ поступкамъ, признаваемъ шу печаль за крайнее Божеское наказаніе нашей фамиліи и всѣмъ Россійскаго народа право любящимъ дражайшее свое Опечество. Потомъ, вышеупомянутые отпращенные къ намъ отъ Васъ Особы объявили намъ, что по соизволенію Всемогущаго Бога, которьш шокмо единъ короны и скипетры Монархамъ опредѣляетъ, избраны мы на Россійскій прародителей нашихъ престоль. И хотя я разсуждала, коль тяжко есть правленіе шоль великой и славной Монархіи; однакожь повинуюся шой Божеской воли и прося Его Создателя о помощи; къ шомужь нехощя оставишь опечества моего и вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, намѣрилась принять державу шого Государства и правительствовашъ, елико Богъ мнѣ поможетъ, такъ, чтобъ всѣ наши подданные, какъ мірскіе такъ и духовные могли бышь довольны. А понеже къ шому моему намѣренію потребны благіе совѣшпы, какъ и во всѣхъ Государствахъ чинишся, шого для предъ вступленіемъ моимъ на Россійскій Престоль по здоровомъ раз:

сужденіи изобрѣли мы заповѣбно для пользы Россійскаго Государства и ко удовольствованію вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, дабы всякъ могъ ясно видѣти горячестъ и правое наше намѣреніе, которое мы имѣемъ къ опечеству нашему и къ вѣрнымъ нашимъ подданнымъ; и для того елико время насъ допустило, написавъ какими способами мы по правленіе вести хотимъ, и подписавъ нашу рукою, послали въ Тайный Верховный Совѣтъ, а сами сего мѣсяца въ 29-й день конечно изъ Митавы къ Москвѣ для вступленія на престоль поидемъ. Впрочемъ обвѣщаемъ вамъ и всемъ нашимъ подданнымъ нашу Монаршескую милость, которую по прибытіи нашемъ дѣйствительно показати хотимъ, и всѣхъ васъ вручаемъ Всемогущему Богу. Дано въ Митавѣ. 28 Января, 1730 году.

К Р И Т И К А.

Русскія Книги.

Иліада Гомера, переведенная Н. Гнѣдичемъ. Двѣ части. Спб. Въ Тип. Имп. Росс. Акад. 1829. — Въ большую 4-ку. Часть 1, 354 с.; Часть 2, 362 с.

Слава Богу! Наконецъ мы дождались — *Иліады Гомера!* . . Привѣтствуемъ — отъ всего сердца привѣтствуемъ новую, давножданную гостью! При настоящемъ обмѣленіи поэтическаго духа на нашемъ Парнасѣ, одно имя *Гомера*, разсшиляющее вокругъ себя исполнскую тѣнь таинственнаго величія, есть уже утѣха для сердець, ревнующихъ по достоинствѣ природы человѣческой. Самая наружная форма, подъ которою являешся предъ нами великое швореніе великаго мужа, возвышаясь торжественно надъ мелюзгою щелешильныхъ издѣлій досужей шаловливости, составляющихъ нынѣ все липшерапурное наше имущество, радуешь своею знаменательною величественностью, какъ предвѣстіемъ расширения силъ поэтическаго духа на дѣйствованіе въ большемъ кругѣ, на обширѣйшему размѣру. Такъ среди пусшынныхъ шелешей, опущенныхъ однимъ мѣлкимъ вер-

скомъ , пріятно срѣтитъ сѣнисшій дубъ , пересаженный шрудолубивою рукою изъ ошдаленныхъ дубравъ — какъ безмолвнаго , но краснорѣчиваго свидѣтеля родошворной мощи , сокрывающейся въ лонѣ земли , слегка шолько ошмененной природою!

Но не одно ошвосишельное достоинство должно имѣть явленіе *Иліады Гомера* на опечесивенномъ языкѣ . Ему слѣдуетъ сосшавлять эпоху въ лѣшописяхъ Лишперашуры и эпоху важнѣйшую! . . Если у многихъ новѣйшихъ Европейскихъ народовъ , пышавшихся усвоить себѣ *Гомера* , сіи попышки не имѣли рѣшительнаго вліянія на судьбу всей національной Лишперашуры : это должно бытъ приписано маломощію и неискусству силъ , а не — маловажности дѣла . Дабы переложеніе *Гомера* имѣло всю свою силу и дѣйствительность , нужно , чшобы оно представляло его въ неповрежденной первообразной цѣлости ; нужно , чшобы *Гомеръ* , облекаясь въ формы чуждья новаго языка , оставался вполнѣ древнимъ добрымъ *Гомеромъ*! . . А это-шо , по несчастію , рѣдко бывало удѣломъ великаго мужа , при много-различныхъ переселеніяхъ , кои суждено было , въ шеченіе вѣковъ , испытать ему! . .

Слава *Гомера* есть общее достоинство всего просвѣщеннаго человечества ; и кто изъ насъ глухъ для ней? . . Еще въ младенчествѣ пріучаемся мы произносить имя его съ восшоргомъ ; и съ первымъ молокош образованія всасыцаемъ благого-

вѣніе къ *Иліадѣ*, какъ единственно высочайшему образцу поэтическаго совершенства, не достигнутому по нынѣ соревнованіемъ многихъ вѣковъ и народовъ. Но это благоговѣніе, проповѣдуемое съ кафедръ и нашептываемое въ будуарахъ, есть для большей части изъ насъ не что иное, какъ предразсудокъ, ведущійся и передающійся изстари по наслышкѣ. Предразсудокъ сей безъ сомнѣнія находитъ полное извиненіе въ своей древности и всеобщности. Прислушивающіеся къ шумному гулу мнѣній человѣческихъ, передаваемому Исторіей, оглушаются всюду звучною славою имени *Гомера*, переливающейся неумолчно изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ, чрезъ цѣлыя тысячелѣтія, по лицу всей земли. Кому не извѣстно благочестивое одушевленіе Македонскаго героя, опредѣлившаго драгоценнѣйшую изъ корыстей опустошеннаго Востока на храненіе твореній *Гомеровыхъ*, кои самому ему служили всегдашнимъ возглавіемъ? Кто не слыхивалъ о слишкомъ жестокой ревности Птолемея, покаравшаго лютою казнью преступную дерзость завистника, бессмысленно посягнувшаго на священныя пѣнопѣвнн слѣпца *Меонійскаго*? Мы не будемъ говорить о Римлянахъ, для которыхъ изученіе *Гомера* составляло вѣнецъ и совершеніе эстетическаго воспитанія: знакомымъ съ *Гораціемъ* и *Цицерономъ* случдо будемъ слушать наши указанія. Сіе благоговѣніе къ древнему пѣвцу *Иліона* пережило суще-

оживленіе Рима и всего древняго міра; котораго былъ онъ чадомъ и украшеніемъ. Оно ожило съ новою силою при пробужденіи новой жизни въ ндрахъ человечества, возродившагося изъ развалинъ міра древняго въ оmlадѣвшей Европѣ. Спомнишь только указашь на знаменитаго *Петрарку*, одного изъ первыхъ стѣпелей жизни въ пробудившемся мірѣ. Его уваженіе къ *Гомеру* было безпредѣльно: оно походило до суевѣрія. Получивши въ даръ отъ одного изъ друзей своихъ оригинальный текстъ *Иліады* и *Одиссеи*, онъ предавался восторгамъ одушевленія, которое моглобы возбудить ревность въ самой даже *Лаурѣ*. Съ иѣжностію пламенною любовника лобызалъ онъ плѣющій свитокъ и воздыхалъ о невозможности бесѣдовать съ непоняшными для него буквами (а). Такое предрасположеніе, освящаемое примѣрами слѣдовавшихъ великихъ мужей, передавалось изъ рода въ родъ какъ заветное сокровище; и не смотря на великіе перевороты, измѣнившіе существенно жизнь пробудившагося человечества — дошло до насъ невредимымъ и цѣлымъ. Въ слѣдъ за нашими дѣдами и прадѣдами, мы повторяемъ имя *Гомера*,

(а) Вотъ подлинныя слова *Петрарки*, изъ благодарственнаго письма за присылку *Гомера*: Denasti Homerus non in alienum sermonem violento alveo delatum, sed ex ipsis Graeci eloquii scatebris, et qualis divino illi profudit ingenio. . . Sine tua voce Homerus tuus apud me mutus, immo vero ego apud illum surdus sum. Gaudeo tamen vel adspectu solo, ac saepe illum amplexus atque suspirans dico: Omagne vir. . . *Epist. Famil. IX. 2.*

какъ сомненіе высочайшаго поэпического совер-
шенства. На *Гомера* школяры испощаютъ всю
свою ученость, краснобай — болтливость, въ-
прогоны — ахи! и о! несмысленнаго удивленія.
И сколь ни безшдына неблагодарность къ памят-
никамъ священной древности, буйно проповѣдуе-
мая на нѣкоторыхъ липшературныхъ шоржизцахъ
нашихъ временъ: послѣ смѣшныхъ и глупыхъ за-
машекъ *Ламотта* съ брашней — рѣдко, очень рѣдко
осмѣливалась она заносить свитошашскую руку
на неприкосновенное для пышцельшій величіе пѣв-
ца славы Ахиллесовой. Неугомонная подзорчивость
завидливаго невѣрія могла подвергнуть сомнѣнію
существованіе лица *Гомерова*, но никогда — дивное
могущество генія, проявившагося въ *Иліадѣ* и
Одиссее. Чтожь однако это за геній? Многіе ли
изъ насъ бесѣдовали съ нимъ лицомъ къ лицу? Мно-
гіе ли умѣютъ дать ошчень и себѣ и другимъ:
что они видяшь, чѣмъ восхищаются и чему ди-
вяща въ *Гомерѣ*? . .

Сшранно, и нѣкоторымъ даже и дико пока-
жется, когда мы скажемъ, что чтеніе самого
Гомера есть скала, о кошорую неминуемо должно
разбиваться всякое безопшечное удивленіе, предъ
нимъ распшечаемое. Сшопишь только развернуть
Иліаду — сію свяшынню, на кошорой невозмущимо
почиваешь сполько въковъ слава *Гомерова*: и —
очарованіе распадается! Взораемъ, приглядѣвшимися
къ искусственной перспективѣ расцвѣченныхъ кар-

ини́ что за радость пересмашривать вешхй сви-
шокъ нагихъ очертаній, изъ коихъ она сосшавле-
на? Слуху, избалованному ушонченностями манер-
наго приличія ушщеніе ли прислушиваешься къ жест-
скому язъку грубой сшарины, коимъ она повѣс-
твуется? Сія слишкомъ суровая безискусствен-
ность, не облеченная для насъ даже прелесшью род-
наго воспоминанія, скрывающаго обыкновенно дрях-
лость опечесшвенныхъ преданій, есшественно дол-
жна ошкать разгоряченное слухами любопытство,
бросающее на *Гомера* съ неопытною жадностью.
Само сердце, приученное нѣжащими звуками новыхъ
арфъ, какъ бы расплывалось въ морѣ ошущеній, пре-
шыкаясь о мраморный хладъ изваяній, сосшавляющихъ
Поэму *Гомерову*, содрогаешься невольнo опъ изу-
мленія. Это именно случалось и *Шиллеромъ* при
изученіи *Шекспира*, по собственному признанію
великаго мужа (а). Но не всѣ имѣютъ *Шилле-
ровскую* недовѣрчивость къ самимъ себѣ и *Шил-
леровское* терпѣніе преслѣдовать изучаемый геній
до шой выши, съ коей онъ нѣкогда дѣйствовалъ.
Гораздо сручнѣе казалось большей части суевѣр-
ныхъ поклонниковъ *Гомеровыхъ* низводить древняго
пѣвца *Иліона* къ себѣ самимъ и поддерживать
насышное удивленіе, въ коемъ стыдно было вопре-
ки общему мнѣнію признаваться разочарованны-

(a) *Ueber naive und sentiment alische Dichtung. См. Schiller's
sämmliche Werke, Stuttgart und Tübingen, 1828. T. XVIII.
S. 234.*

ми — наикидкою поддѣльныхъ румянъ на масляное чело старца. Были люди, кошорые сами вѣрили и увѣряли другихъ, что *Иліада* ещѣ не что иное, какъ аллегорическій покровъ, подъ которымъ таилося святилище неисповѣдимыхъ таинствъ. Такъ достопочтенному *Герарду Крезіусу* грезилися въ герояхъ *Гомеровыхъ* древніе Патріархи: *Авраамъ*, *Исаакъ* и *Іаковъ*; тогда какъ многоученый *К. Шмидтъ* не усумнился въ другой разъ — хотя и иначе нежели *Фидій* окаменишь ихъ разумъ подъ *Троей* минеральное царство, подъ *Зевесомъ* электрическую матерію, подъ истощеннымъ *Энеемъ* твердую кристаллизацию, подъ *Аріадной* — *gizant tenentis amici!* — водку, а подъ *Силеномъ* — сахаръ!!! Такою глубокомысленною знаменательностью выкупались въ глазахъ ихъ вполне недостатки *Гомеры*. Съ мѣньшими издержками черезчуръ остроумной догадливости, но не съ меньшею снисходительностію къ древнему *Омду* Поэзіи — другіе вседушно спараются извиняшь его предъ собой и предъ всѣми, сваливая всѣ вины его на младенческую необразованность вѣка и на обыкновенную слабость природы человѣческой. Они пожимають обыкновенно плечами съ искреннимъ сокрушеніемъ сердца; и повторяя знаменитое изреченіе *Горація*: *quandoque bonus dormitat Homerus!* берутся развеселяшь добраго старика съ просонья — вспрыскиваньями и пришираньями по послѣдней модѣ, въ новѣйшемъ вкусѣ. Такъ великодушно по-

студили съ нимъ всѣ почти Европейскіе критики и переводчики прошедшаго вѣка, отъ изукрашенной *Дасы* и чопорнаго *Поле* до наряднаго *Чезаротти*. Это дѣлаетъ конечно честь ихъ сердцу: но каково отъ того доброму *Гомеру*? . .

Для *Гомера* всякое извиненіе, всякая снисходительность — есть лютейшее оскорбленіе! Тотъ не имѣетъ понятія ни о Поэзіи, ни о поэтической жизни рода человѣческаго — кто осмѣливается унизительнымъ доброхотствомъ набиваться великому старцу. *Гомеръ* выше всякаго нашего осужденія и — сужденія. Всеобщее благоговѣніе къ нему есть дѣйствительно предразсудокъ: но предразсудокъ, подобной тому, по которому всѣ мы — жители холоднаго Сѣвера единогласно твердимъ о прелестяхъ Мая, не умѣя никакъ наслаждаться ими. Приобыкнуши ошогрѣваться на палящихъ лучахъ полдневнаго лѣтняго солнца, мы спынемъ и мерзнемъ подъ прохладой весенняго яснаго утра: но между тѣмъ — одно помышленіе о веснѣ приводитъ насъ въ сладкое восхищеніе. Продолжимъ аллегорію! *Гомеръ* есть представитель свѣтлаго весенняго утра жизни человѣческой, коей осенній туманный вечеръ для насъ шеперь начинается. Знакомые съ Исторіею человѣчества должны понять, что мы разумѣемъ подъ весеннимъ утромъ жизни человѣческой. Это есть періодъ такъ называемой Классической Древности, возрастъ свѣжей юношеской младости рода человѣческаго — шеряющійся началомъ своимъ въ паннштвенныхъ дняхъ перво-

бышняго младенчества, живущаго нынѣ съ однихъ шолько мнѣическихъ воспоминаніяхъ о златомъ вѣкѣ Сатурновомъ, и исчезнувшія невозвратно съ лица земли во мракахъ, распроспершихся надъ развалинами міродержавнаго древняго Рима. Гомеръ есть *κατ' ἔξοχην* Поэтъ Классическій. Его *Иліада* есть шоржественнѣйшее проявленіе міра древняго въ изящнѣйшемъ поэтическомъ образѣ, или лучше — древній *малый міръ*, воспроизведенный во всей полнотѣ своей зиддипельною рукою шворящаго генія. Подобно дивному щиму, въ коего скудной окружности многохудожный Ифесъ умѣлъ вѣкогда исковать живое подобіе безпредѣльной вселенной: она предшавляешъ въ округленномъ единствѣ поэпического цѣлага всю неистощимо разнообразную жизнь древняго человечества, кипѣвшаго едва разчашою полношою дѣшвеннаго могущества. Опсюда нисколько не удивительно, что вся древняя Классическая Поэзія была не что иное, какъ длинный комменсарій на *Иліаду*. Это есть средошочіе свѣша, раздробившагося на безчисленное разнообразіе яркихъ цвѣшовъ въ роскошныхъ огняхъ, загаравшихся другъ послѣ друга, въ продолженіе вѣковъ, на ясномъ небѣ древняго міра. И съ сей-то точки зрѣнія разсмашриваемое, сіе великое твореніе великаго генія, кладное и безсвѣшное для пресмыкающейя посредшвенности, осіявашъ зоркое око священнымъ величіемъ. Кшобы ни былъ творецъ *Иліады*,

онъ всегда будешь для насъ истинный *Омиръ* (*Όμηρος*) — вѣрный *заложникъ* древняго міра, изъ обломковъ коего сооружено само настоящее бытіе наше.

Древній міръ, проявляемый *Иліадою*, имѣеть особую характеристическую фізіогномію, весьма вѣрно подсмотрѣнную и весьма удачно схваченную *Гомеромъ*. Это былъ періодъ средобѣжнаго разширенія силъ духа человѣческаго, расшекстагося по безбрежному океану внѣшней *природы*, отъ избытка внутренней *первобытной* полнощы своей. Пробудившись изъ младенческаго безмятежнаго дреманія въ лонѣ первоначальнаго единства съ сею нѣжною пѣстуньею земнаго своего бытія, духъ человѣческій долженъ былъ уже срѣтаться ее повсюду гошовую оспоривать у него новую самобышнюю жизнь, въ силу законныхъ правъ имъ добываемую, и ошсшавать законное преимущество, похищенное надъ нимъ ею во дни дѣтскаго безсилія. Отсюда мужественное бореіе съ чудовищами и драконами, породившее дивные подвиги героевъ, коими вскрываешл сей славный періодъ жизни человѣческаго рода. Оно пребывало отъ духа человѣческаго всшупленія въ зенищъ высочайшаго развишія физическихъ силъ, сосшавляющихъ внѣшнюю гемисферу его организма, чрезъ кошорую первоначально входилъ онъ въ сопрякосновеіе съ природою. Сіе высочайшее развишіе внѣшняго могущества природы человѣческой проявлялось сначала шоль-

ко ошадьно — въ сильныхъ могучихъ герояхъ, дѣйствовавшихъ уединенно другъ ошъ друга, въ собственномъ каждому кругѣ, по личнымъ побужденіямъ, для частныхъ видовъ. Таковы *Персей*, *Ираклы*, *Тезей* — возвышающіеся, подобно гравишнымъ колоссамъ, среди сокрушенныхъ обломковъ древняго мира. Надлежало расноченному по нимъ духу собраться во едино, дабы явиться во всей своей силѣ. Первый опышъ такового соединенія осуществился колоссальною группою *Аргонавтовъ*, въ коихъ совокупномъ плаваніи на добычу Золотаго Руна — проразилось первое жизненное движеніе древняго человечества, произведенное его представителми во имя общаго блага. Но это былъ только прологъ великаго *Эпоса*, коему вполне совершиться предоснавлено было на лугу *Скамандрскомъ*. Десятилтшнее облежаніе *Иліона*, столь ничтожное по своимъ побужденіямъ и слѣдствіямъ, совсѣмъ не такъ маловажно однако, какъ бы могло казаться — а многимъ даже и кажется — съ перваго взгляда. Не въ помъ сила, что, въ слѣдствіе онаго, прекрасная бѣглянка возвращена была опяшь послыному мужу, обошедшись въ конечную гибель дому и всему отечеству въшренаго похишителя. Подобныя вещи случаются часто между капиками дикихъ ордъ, не приковывая къ себѣ воспоминаній внимательнаго преданія. Война *Троянская* составляетъ напротивъ важнѣйшую эпоху въ лѣшовисяхъ не только Греціи, но

и всего рода человеческого — какъ первый моментъ полного самознанія пробудившейся жизни въ народѣ, назначенномъ быть представителемъ всего человечества, въ его юношескомъ возрастѣ. Дотошъ древняя *Эллада*, долженствовавшая, по системѣ всеобщей *представительности*, играть первую роль на позорищѣ *древняго міра*, не вдала еще самой себя, какъ единого органическаго цѣлаго, призваннаго на единую нераздѣльную жизнь во вселенной. Тогда сосшавлявшіе ее апоэмы, сѣпившись первоначально, по случайному толковенію, механически — во время десятипѣтняго круженія около стѣнъ *Иліонскихъ*, успѣли, подобно *Аяксу* и *Теламону*, спознавшись взаимнымъ сродствомъ своимъ и раскрывъ въ себѣ духъ національнаго единства, должны были сдѣлаться въ послѣдствіи душою всего древняго міра. Ополченіе Грековъ прошивъ *Трои* было сдѣдовательно торжественнымъ зачатіемъ всей *Классической Древности*. Она предобразилась здѣсь въ дивныхъ подвигахъ народнаго героизма, подобно какъ нѣжный цвѣтъ предображается въ распускающейся почкѣ. Это былъ *первый день творенія* древняго міра. Удивительно ли послѣ того, что облежаніе и паденіе *Трои* сдѣлалось главною темою всей древней поэзіи? Тема сія замѣнила собой первобытную *Космогонію* младенчествовавшаго человечества, воспѣвавшаго первое образованіе настоящаго міра изъ распри враждебныхъ

стихий — изъ боренія *Брамы* съ *Шивсомъ*, *Ормузда* съ *Ариманомъ*, *Озириса* съ *Тивономъ* — изъ междоусобія грозныхъ *Титановъ*. Поэзія есть всегда гармоническое эхо жизни. Тогда посему была она не что иное, какъ побѣдная пѣснь, прославляющая торжество природы надъ самою собою. Теперь начался новый періодъ жизни міра — періодъ боренія человечества съ природою. *Иліада* есть изображеніе перваго торжественнаго между ними столкновенія: повѣсть о первыхъ подвигахъ человечества, вступившаго, чрезъ героев — своихъ предшавишелей — въ великую тяжбу съ могуществомъ природы, въ лицѣ боговъ — ея предшавишелей — для добычи себѣ бытія самостоятельнаго. Это слѣдовательно есть классическая поэма міроздавія — *Книга Бытія* древняго міра. Ее нельзя назвать *Эпосомъ* въ томъ смыслѣ, какой нынѣ усвоился сей послѣдней. Это — поэтический апоэозъ природы, боримой и необоримой человечествомъ, роскошествующимъ въ ея дѣвственномъ лонѣ. Это — *Космогонія* природодержавной Древности.

Отсюда легко можно понять, какова должна быть и какова дѣйствительно есть *Иліада*. Какъ торжественнѣйшее проявленіе жизни, распеленавшейся въ недрахъ могущей природы, она естественно носитъ на себѣ печать ея. Природа внѣшняя, составлявшая для человечества, во все продолженіе классическаго существованія, и един-

ственный предметъ созерцанія и единственное начало дѣйствозанія — должна была вмѣстѣ служить для него и высочайшимъ единственнымъ первообразомъ эстетическаго изящества. *Иліада* сооружена именно по этому великому первообразу. Она есть свѣтлое, чистое, лучезарное зеркало природы, отражающее живо и дѣйственно ея торжественное величіе. Это напоминаетъ намъ гениальное изреченіе великаго *Шиллера*, котораго духъ, по закону главнѣйшаго сочувствія, умѣлъ вполне обнять и постигнуть духъ безсмертнаго творенія безсмертной древности :

Рвите, перзайте Гомеровъ вѣнецъ, множите
родителей

Вѣчнаго, славнаго дѣла !

Мать одна у него ; и ярко въ немъ ликъ ея
свѣщится ;

Твой ликъ безсмертный, природа (а).

Такимъ образомъ высочайшее характеристическое свойство — эстетическій идиомизмъ — *Иліады*, есть высочайшая *естественность* или *предлежательность*, въ обширнѣйшемъ значеніи сего слова. Это изъясняетъ для насъ тѣ особенности, коими отличаетъ ея содержаніе, спрое-

---

(а) Immer zerreisset den Kranz des Homer und zählet die
Väter

Des vollendeten ewigen Werks !

Hat es doch eine Mutter nur, und die Züge der Mutter,
Deine unsterblichen Züge, Natur !

ніе и позшическая ошдѣлка — особенности, кон въ глазахъ нашихъ, подѣ пынѣшнимъ угломъ зрѣнія, легко могутъ показаться не приученному оку — чудными странностями. Содержаніе *Иліады* слагается изъ живыхъ и свѣтлыхъ карсивъ физическаго могущества, коего посшепенное одухощвореніе составляло оригинальную форму существования *Классической Древности*. Сіе могущество представляется ею въ порѣ весенняго роскошнѣйшаго цвѣшенія: и по сему нисколко не удивительно, что духовная мощь, имъ поглощенная, едва пробивается въ ней изъ кипящихъ волнъ разъяреннаго моря жизни матеріальной. Отсюда непрерывный рядъ кровавыхъ битвъ, изъ коихъ слагается вся позшическая ея перспектива. Сіи битвы суть провозвѣстницы *мужества* челошвческаго: а сіе *мужество* составляло тогда единственную *добродѣтель* (*ἀρετή*), — красу и вѣнецъ челошвческаго достоинства. Древность *Классическая* не вѣдала другаго торжественнѣйшаго проявленія жизни, кромѣ разширенія силъ физическихъ, чрезъ взаимное сраженіе, до степени изумляющаго героизма. Она освящала сіе разширеніе во всеобщее празднество, на *Олимпійскихъ торжественныхъ играхъ*; и послѣднія судорожныя движенія, сопровождавшія конечное ея издыханіе, не выражались ли безпутнымъ распоченіемъ обилія физическихъ силъ на *гладіаторскихъ аренахъ*? Отсюда кровопролитные бои, составляют

ще все содержаніе *Иліады*, получаютъ высшее значеніе, облакающее ихъ высочайше эстетическою прелестію для нерасплѣтнаго воображенія. Оно виднѣе въ нихъ роскошествованіе молодой жизни, кипѣвшей въ жилахъ древняго міра; и сколько же мало соблазняется ихъ одноцвѣтностію, сколько подобозвучіемъ безчисленныхъ струнъ духовнаго бытія человѣческаго, всколыханнаго до внутреннѣйшей глубины своей въ *Божественной Комедіи Данша* (а). Самый гнѣвъ *Ахиллесовъ* — несправедливо почитаемый главнымъ поэтическимъ веществомъ *Иліады*, но неоспоримо составляющей первую пружину, заводящую изображаемый ею эпизодъ изъ жизни древняго міра — самый гнѣвъ *Ахиллесовъ* —

Грозный, который Ахейцамъ нанесъ неизчест-
ныя бѣдства;

Многія души могучія въ безднѣ Аида низринуть
Славныхъ героевъ, и ихъ пожирающимъ пре-
даль въ добычу

Пшицамъ окрестнымъ и псамъ — (б)

представляетъ для него дивное и величественное зрѣлище: ибо оно зрѣнъ въ немъ не од-

---

(а) А опрощенное невланіе видѣнъ въ нихъ *разно и бойню!* . . Правда чего добраго и ждѣшь ошъ *дѣвухъ Хіосцевъ* (Св. *Лит. Газ.* № 5 и *Моск. Телегр.* гдѣ шо въ прошломъ году).

(б) *Иліада* II. I. с. 2—5.

но дикое изверженіе обуяннаго самолюбіемъ несповства, но громозвучный ошкликъ жизни, сопряженной сполкновеніемъ съ враждебными прецонами — таинственное эхо негодованія юнаго челоувчештва на непріязненную мощь завидливой природы; зришь и — дорекаешь съ *Гомеромъ*:

Совершалася воля Крониды:

Съ онаго дня, какъ воздвигшіе споръ воспылали враждою
Пастырь народовъ Асприды и герой Ахиллесь
благородный (в).

Сей характеристической односторонности поэтического содержанія *Иліады*, составляющей очевидно высочайшее ея достоинство, естественна должна была соотвѣтствовать характеристическая однообразность искусственнаго строенія. Поэтическій организмъ *Иліады* представляешь собой живой и свѣтлый ошчеркъ изображаемой ея вещественной природы. Ея зданіе также просто, кругло и стройно, какъ величественное зданіе видимыя вселенныя. Она не искушаетъ вниманія гошической, таинственной многосложноешью; не громоздишь приключеній на приключенія; не виваешся длинною цѣпью другъ друга запусывающихъ узловъ; не преломляешся лабириншною излучисшосью многочисленныхъ эпизодовъ; но раски-

---

(г) Тамж. с. 5—7.

дывается древнимъ прекраснымъ храмомъ, окруженнымъ въ симметрическую плоскость простаго единства, подобно голубому намешу небесному. Какъ въ великомъ зданіи вселенной каждая точка есть центръ, опоясанный своимъ горизонтомъ: точно такъ и въ поэтическомъ строеніи *Иліады*. Ея каждая картина имѣетъ свою органическую плоскость, представляя собой полную фазу всего дивнаго зданія. Отсюда изясняется оптическое обольщеніе неопытнаго глаза, въ слѣдствіе коего *Иліада* подвергалась часто опасности быть признанною за сославъ многихъ отдѣльныхъ распадій. Таково свойство круга. Его вѣшняя выпуклость позволяешь постигать себя не иначе, какъ только въ отдѣльныхъ дугахъ, преломляющемуся взору: но разсматриваемый изъ внутренняго средоточія, онъ представляешь собою высочайшее единство. Столь безискусственная простота строенія очевидно не могла быть совмѣсна съ излишнею расчлененностью искусственныхъ украшеній и въ отдѣлкѣ поэческаго исполненія. Природа слишкомъ проста въ самомъ роскошномъ великолѣпнн весенняго своего убранства: пакова и *Иліада* — ея живое подобіе. Въ естественной наготѣ представляешь она суровое величіе древняго міра: позволяя оное осязать въ выпуклой округлости мужественныхъ формъ, едва прикрытыхъ слегка наброшенной драпировкой искусства. Это галерея сташуй, сіяющихъ мрамор-

ной безцвѣтной бѣлизною! Напрасно стали бы искать въ нихъ искусственнаго преломленія идемъ въ радужныхъ оптѣнкахъ индивидуальности: эпоха капли одинаго великаго океана, въ коихъ играетъ чиспый нераздробленный свѣтъ природы безцвѣтнымъ сіяніемъ. Полноша физической жизни, исчерпываемая *Иліадою*, есть тема, не обильная вариациями. Отсюда сходство или лучше отсутствіе всякаго фізіономическаго различія въ изваяніяхъ, составляющихъ ея цѣлость. И здѣсь-же должна находить полное свое изъясненіе — сія одноцвѣтность обличія безсмертныхъ и смертныхъ, ратующихъ подъ стѣнами *Иліады*; сіе однозвучіе рѣчи, извлекаемой изъ ихъ неподвижныхъ устъ геніемъ *Гомеровымъ*. *Волоокка* (*βωοπις*) *Ира* и *совоокка* (*υλαυιωπις*) *Аенка*, въ самыхъ жарчайшихъ своихъ распряхъ обличаютъ совершенное безразличіе. Всѣ *Аргивяне* равно *кудреглавы* (*καρπινοσωιτες*), равно *мѣлано-доспѣшны* (*χαλκοχιτονας*), равно *пышнопоножны* (*ευκνημιδες*). Всѣ *Трояне* равно *конники* (*ιπκοδαμοι*), равно *рукопашцы* (*αυχιταχηται*), равно *благодумны* (*μεγαθυμοι*). И какъ часто сія, безпрестанно повторяющіяся, очершательныя выраженія безразлично придаются героямъ обонхъ враждебныхъ народовъ! . . . Такая — истинно пластическая — безцвѣтность, изъясняющаяся не иначе, какъ чрезъ отсутствіе кругообращенія духовной жизни въ колоссальныхъ статуяхъ *Илі-*

ды, очевидно не могла бытъ согрѣта и внутренней теплою чувства. Боги и богини Гомеровы, какъ олицетворенныя силы вещественной природы, слишкомъ эфирны для того, чтобы носить въ себѣ сердце, способное къ ощущеніямъ. Не согрѣвающая кровь, а

Влага . . . струится у жишелей неба счастливыхъ :

Ибо ни брашна не ѣдятъ, ни ошь гроздй вина не вкушаютъ ;

Тѣмъ и безкровны они и безсмертными ихъ нарицають (а).

Жители земные неоспоримо плотяте небесныхъ у Гомера: но за то въ ихъ *власатыхъ персяхъ* *могуте сердце*, закованное мѣдною броней, откликалось только на зовъ высшей вещественной жизни, коея преизбыточествующею полною кипѣло все бытіе ихъ; и откликалось — бурными изверженіями разъяренной физической мощи. Если иногда изъ сихъ кремнистыхъ скалъ и извлекались свѣтлыя искры человѣческихъ ощущеній, каковы: супружеская вѣрность и родительская нѣжность Гектора, составляющая одну изъ прекраснѣйшихъ картинъ *Иліады*: то онѣ не грѣють, а сверкають ярко — подобно молніямъ, освѣщающимъ электрическое лобзаніе неба съ землею; и цвѣтн-

(а) *Иліада* II. V. с. 340—343.

Нѣшь, осуждать не возможно, что Трои-
 сыны и Ахейцы
 Брань за такую жену и бѣды споль долгія
 шерпяшь:
 Истинно, вѣчнымъ богинямъ она красошою
 подобна!

Но, и сполько прекрасная, пусть возвра-
 шись въ Гелладу (в)!

Ихъ повшорить гошovy всѣ въ слѣдъ за Илі-
 онскими Цикадами. Но — Трояне не распались
 съ Еленою, и мы — не распанемся съ *Иліадою*,
 не смотря на ея хладную кумирную безкровность.
 Сей хладъ не есть хладъ смерти, подобно какъ
 безличіе очершываемыхъ ею фигуръ не есть безо-
 бразіе шруповъ. Таковъ былъ дѣйствительно міръ,
 коего она предшавляетъ живое зеркало: и сей
 міръ, призывающій уже на себя благовѣрное вни-
 маніе своею мастшою древностію, облекается
 для насъ высочайше эстетическою прелестію въ
Иліадѣ, по силѣ пѣвническаго *простосердегія*,
 съ коимъ онъ ею изображается. Сіе-то *простосер-
 дегіе* (παῖς) составляетъ высочайшее поэти-
 ческое достоинство изложенія *Иліады*. Она разо-
 бнажаетъ предъ нами жизнь, струившуюся въ жи-
 лахъ древняго человѣчества, со всею непришвор-
 ною искренностію незлобиваго дѣшства. Геній
Гомеровъ не сжимаетъ въ пламенныхъ объшіяхъ

(в) Тамже с. 156—159.

изсѣкаемый имъ испуканъ природы, дабы удръ-
 лить ей избытокъ своего духовнаго существо-
 ванія: онъ любитъся ею, какъ дѣтя ненаглядною
 игрушкою, поглощающею все его мысли, чувстви-
 ванія и желанія. Ему нравится въ ней все безъ
 исключенія — безъ всякаго отношенія къ разли-
 чію, коимъ запечатлѣваетъ ея явленія человѣче-
 ская свобода. Съ равно протодушнымъ восхищені-
 емъ засматриваетъ онъ на прекрасный лугъ и
 шѣвистую рощу, какъ и на искусно искованый
 щитъ или шеломи обвѣщенный косматою конскою
 гривой. Въ сытость онъ ни о чемъ не умѣетъ
 наговориться: и съ равно добродушною откровен-
 носью, переходящею не рѣдко въ дѣтскую не-
 умолчную болтливость, перечисляетъ мельчайшія
 подробности, замѣченныя имъ въ изображаемомъ
 предметѣ — будетъ ли то Олимпійскій чертогъ Бо-
 говъ или походная рухлядь не слишкомъ чопорнаго
 Ахиллеса. Отсюда протосердечныя сравненія ки-
 дящихся бранію вишазей съ мухами, толкущи-
 мися вокругъ молодой крички. —

Въ сельской пастушеской куцѣ - - - -

Въ вешніе дни, какъ млеко изобильно стру-
 ится въ сосуды:

пасыря народовъ *Агамемнона* съ быкомъ, воз-
 вышающимся межъ теллицъ: старцевъ *Троян-
 скихъ* — съ чиликающими *стрекозами*: Олимпій-
 скихъ великихъ *Богинь* съ *псицами*. Первое бро-

сающееся въ глаза впечатлѣніе, обрисовываетъ для него всю фізіономію вещи: *Гекторъ* у него въявно шеломосверкающій (*κορυδαίολος*), *Ахиллесъ* всегда *быстроногій* (*ποδάρκης*), *Агамемнонь* — *пространновласный* (*εὐρυκροίον*) *Менелай* — *сѣтлокудрый* (*ἑάνδρος*), *Одиссей* — *многоумный* (*πολυμήχανος*). Каждый Богъ и каждая Богиня надѣлены подобными прозвищами, кои служатъ для простаго дѣтскаго воображенія живыми мѣтками неразгаданнаго еще мыслью различія. Сіи мѣпки рѣдко зарубаются на одной опредѣленной чертѣ, но обхватываютъ ихъ нѣсколько въ шомѣ безразличномъ сліянїи, въ какомъ онѣ представляются оку, неискушенному опытомъ. Отсюда сіе обиліе многосоставныхъ словъ и выраженій, коими усытана *Иліада* — обиліе составляющее характеристическїй идиотизмъ языка дѣтскаго. Читая ее, какъ будто слышишь рассказъ младенца, передающаго выслышанное имъ у говорливой кормилицы — со всею невинностью, со всею искренностью, со всею просодушнымъ напряженіемъ безпритворнаго изліянія безискусственной природы. Присовокупляя сюда же дѣвственную прелесть юнаго языка, еще не затроганнаго приборчивою рукою искусства, но раскидывающагося небрежно въ простыхъ естественныхъ локонахъ безразлично смѣшанныхъ нарѣчій, завиваемыхъ слегка самою природою въ волнистые гекзаметры — мы находимъ въ *Иліадѣ* единственно высочайшїй образецъ

эстетическаго простосердечія, до какого только могъ когда разоблачаться духъ человѣческой въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ. Сіе простосердечіе, будучи объемлемо живымъ сочувствіемъ души, цвѣтущей полною нерасплѣннаго здравія, упояетъ ее чистѣйшимъ наслажденіемъ, проникающимъ до внутреннѣйшей ея глубины. Оно вѣшетъ на нсе сладкою прелестью воспоминанія о потерянномъ блаженствѣ, коимъ она наслаждалась во дни младенческаго пированія въ лонѣ благой матушки — природы. Въ самомъ дѣлѣ — возмужалось, покупаемая цѣною горькихъ опытовъ, пошovýchъ трудовъ и кровавыхъ бореній, измождаетъ душу до скорбнаго пресыщенія тяжею добытою самобытною. Кшо, опаленный полдневнымъ зноемъ страшей, на вечеръ усалаго мужества, не обращается съ сладкимъ умиленіемъ къ золотому утру своей жизни, проведенному въ блаженномъ самоневѣденіи на лелѣющихъ персяхъ природы? Онъ желалъбы снова воропиться шуда, дабы прохладиться шамъ свѣжимъ дыханіемъ погибшей невинности; и залпающими ушами жадно ловить каждую каплю, заносимую ошполѣ кропкимъ вѣяніемъ шихаго воспоминанія. Не ошсюда ли также и шо ясное ослабленіе, коимъ измученная жизнью душа любитъ привѣтствовать дѣвственную красоту простой природы, срѣтаемую въ скромно распускающейся фіалкѣ, въ шихо журчащемъ ручейкѣ, въ мирной чешѣ шомно воркую-

щих горленокъ, въ нѣжно колышущемся роѣ золотыхъ пчель — въ дикомъ камнѣ, обраспающемъ собою спелющимся сѣдымъ мохомъ? Она любуется въ нихъ симъ сладкимъ дреманіемъ жизни, покоющейся невозмутимо въ собшвенномъ своемъ лонѣ, сею мирною дѣяшельностію, тихо развивающеюся изъ самой себя — сею безмятежною вѣрностію своимъ законамъ, сею внутреннею необходимостію, симъ вѣчнымъ единствомъ съ собою, коихъ нѣкогда сама была причасною. Мы старѣющіе сугубо — и въ отношеніи къ нашему недѣлимому существованію и въ отношеніи ко всеобщей жизни рода человѣческаго — мы опликаемся сугубою радостію на всякое выраженіе простосердечія, возвращающаго насъ сладкимъ воспоминаніемъ въ давно покинутое нами мащерное лоно природы. Посему *Иліада*, какъ высочайшее торжество простосердечія, увишаго наувдающіями цѣвшами безсмертнаго изящесшва, должна имѣть для насъ еще ббльшую прелестъ, нежели для самихъ Грековъ. Освѣжаемые прохладнымъ дыханіемъ весенняго утра жизни человѣческой, вѣющаго въ ея ясной безоблачной атмосферѣ, мы отдыаемъ ошь ушомишельнаго скишанія подь дущными сводами искщпренной дѣйствительности. Сердце разширяясь шрепещеть и душа осклаблается: точно также какъ бьвается съ нами вьегда, когда, вырвавшись изъ чадной городской духоши, подь сѣнію яснаго весенняго вечера, имъ повер-

гаемся на мягкую свѣжую мураву, спелющуюся зеленымъ ковромъ по обновленному лугу, и упиваясь цѣлебной прохладой чистаго воздуха — видимъ только рѣзвыхъ дѣшей весело качающихся на вѣшвахъ опушившейся ивы . . слышимъ только звучное эхо заплепающихся хороводовъ, перекликающихся съ громкими прелями соловья, жалобнымъ спенаніемъ иволги, мѣрнымъ крикомъ неутомоннаго коростеля и ошдаленнымъ лаемъ вѣрной собаки. . .

Сіе-шо высочайшее проспосердечіе во всей прелесни эстетическаго изящества должно бытъ передаваемо всякимъ предложеніемъ *Иліады*, если оно не хочеть бытъ пародією — болте или менѣе сносною — на *Гомера*. Тайна сія не была, кажешся, разгадана ни однимъ изъ Европейцевъ, заносившихъ на нее свои руки, кромѣ знаменитаго Германца — *Фосса*. Благодаря небу, нашъ переводчикъ имѣлъ также о своемъ дѣлѣ здравое понятіе, приносящее истинную честь его эстетическому разумѣнію. Его *Предисловіе* къ предложенной имъ *Иліадѣ* облячаешъ въ немъ свѣшлый и прямой взоръ на сіе драгоценное произведеніе древности. „*Кто любитъ,*“ говоритъ онъ, „*восходить къ юности теловѣчества, чтобы созерцать нагую прелестъ природы, или питаться уроками времени минушихъ: предъ тѣмъ цѣлый міръ, земный и небесный, разовѣтсѣ въ Иліадѣ картиною чудесною, кипящею жизнію и движеніемъ, пре-*

краснѣйшею и величайшею, какую только созда-
 валь гений теловѣка а).“ Но къ сожалѣнію нельзя
 скрыть ошъ себя, что онъ не совсѣмъ твердо
 еще установился на сей высшей точкѣ зрѣнія.
 Ошсюда зыбкость въ выраженіяхъ и противорѣ-
 чія, коихъ не хотѣлось бы встрѣчать въ *Предис-*
ловіи къ Иліадѣ. „Сердце теловѣтское,“ говоришь
 шамъ же почтенный переводчикъ, „не ужираетъ и
 не измѣняется. Оно и тогда (во времена, вос-
 пѣваемые *Иліадою*) билось тѣми же чувствами,
 кипѣло тѣми же страстями и говорило тѣми же
 языкомъ,“ б) какъ и нынѣ. Но продолжаетъ онъ
 же почти въ слѣдъ за симъ — „языкъ страстей
 теловѣтства юнаго, киплящаго всею полнотою силы
 и духа, еще не стѣсненный условіями образован-
 ности, изливавшійся со всею свободою и со всею
 простотою душъ царей — пастырей, не могъ быть
 подобенъ нашему; онъ не облакался въ блестящія и
 разнообразныя формы, которыя мы изыскиваемъ;
 или лучше сказать, онъ не имѣлъ другихъ формъ,
 кромѣ вдохновенію принадлежащихъ — простоты
 и силы в). Сіе послѣднее вполне справедливо:
 что же будешь значить первое? . . . Равноумно
 мы никакъ не умѣемъ себѣ располковать, что хо-
 чемся сказать почтенному переводчику, когда онъ
 проговариваетъ, будшо „поэмы Гомера не суть
 произведенія гисто поэтическія г).“ Мысль, что

а) *Иліада* Пред. III. IV.

б) Пред. IV.

в) Пред. IV. V.

г) Пред. III.

въ нихъ напрасно будутъ искать одного наслажденія (?) какое привыкли находить въ Поэзіи современной, живой для насъ всѣми своими сторонами,“ — а) приводимая въ качествѣ довода на сей чудный парадоксъ, ничего несказываешь и ничего не доказываешь. . . Какъ бы шо ни было — неоспоримо однако то, что *Иліада* представлялась почтенному своему прелагашелю — хотя можешь быть и не во всей ясности — подъ правильнымъ угломъ зрѣнія. „*Отличительныя свойства Поэзіи, языка и повѣствованія Гомера*“ — говоритъ онъ опять тамъ же — „*суть простота, сила и важное спокойствіе б*).“ Больше что можно скажешь объ Отцѣ древней Поэзіи? Но даль ли онъ намъ въ своемъ предложеніи осязашь — сіе *важное спокойствіе*, сію *силу* и особенно . . . сію *простоту*, составляющую главнѣйшее изъ отличительныхъ свойствъ Гомера? Узнаемъ ли мы добрато Меонійскаго слѣнца въ сѣверной одеждѣ, подъ кошорою онъ къ намъ изводится? . . .

Не лзя не ошдашь должной справедливости благородному мужеству почтеннаго прелагашеля, не побоявшатося торжественно *отрегься отъ раболовства передъ вкусомъ гостинныхъ*,“ в) кошораго мы — говоря опкровенно — и не имѣемъ, но кошораго имя, подобно пугалу, выставляется обыкновенно на пустошахъ нашей Словесности,

а) Тамъ же.

б) Пред. VII.

дабы давати оспраску каждой смѣлой попыткѣ врывашся въ ея достоянія, гдохнуція отъ невѣжественнаго небреженія. Въ наше время, оглушаемое однимъ рѣменнымъ шарканьемъ по паркету, подобное отреченіе въ устахъ Поэта, никогда не опваживавшагося ссориться съ благосклонностію общаго мнѣнія, заслуживаетъ всякое уваженіе. Дѣйствительно — богатая сокровища нашего языка, шеряющагося своими корнями въ неисчислимомъ рудникѣ языка Славянскаго — благодаря гортанобѣсію, слывущему у насъ *вкусомъ эстетичныхъ* — предающагося спокойно въ добычу ржѣ и пльвію. Ухо нашихъ вишязей ломбернаго спшала и верпячей мазурки, пріучившись слышатъ звуки Русскаго языка изъ однихъ эпиграммъ, мадригаловъ и поэмъ новаго фасона, избаловалось до такой степени, что спшываетъ на каждомъ выраженіи, не освященномъ фирмою *Дамскаго Журнала*, или по крайней мѣрѣ — *Стверной Пселы* съ компаніей. И что изъ этого должно выйдти? Совершенное обнищаніе языка Русскаго, которое и шеперь уже для многихъ слишкомъ ощушительно, не смощря на хвастовство, съ коимъ мы вездѣ и всегда рассказываемъ о нашемъ богатствѣ. Намъ доведется наконецъ терпѣшь участь Таншала, или — говоря Русскою поговоркою — *зеловѣка*, кошорый, *стоя въ водѣ по горло, просить пить, а напѣться не можетъ*. Въ смѣшно преимущественно обстоятельстввахъ явленіе *Илі-*

ады на нашемъ отечественномъ языкѣ должно бы было составить эпоху для нашей Словесности. Необходимость огласить въ эхъ Русскомъ стихѣ Гомера, волнующійся роскошнымъ обиліемъ многосоставныхъ словъ и многозначительныхъ выраженій, бывъ признана предлагателемъ, должна была принудить его, наперекоръ невѣжеству, обратиться къ мощному лону отечественной старины и раскопать ее до сокровеннѣйшихъ рудниковъ таящагося въ ней богатства. Такъ дѣйствительно и поступилъ нашъ переводчикъ! „Для перевода такой Поэмы“ — говоритъ онъ въ томъ же Предисловіи — „не возможно и не должно было ограничиваться языкомъ Гостиныхъ и скудными еще нашими Словарями. Я осмѣлился пользоваться и нарѣчіями областными; хорошо или худо, это дѣло иное; но почему ими не пользоваться? Такъ діалекты Грегескіе обогатили языкъ а).“ Мысли, достойныя переводчика Гомерова! Должно однако признаться, что при исполненіи ихъ не примѣчается той смѣлой и безбоязненной рѣшительности, которая одна можетъ сообщить силу законности каждому крушому перевороту. Это тѣмъ болѣе жаль, что подобнаго случая къ произведенію рѣшительнаго дѣйствія — въ другой разъ трудно дожидаться. Имя Гомера должно было имѣть силу очаровательнаго шалисма-

а) Пред. IX. X. Когда же будетъ говорить и въ предисловіяхъ къ доморощеннымъ нашимъ Поэмамъ?

на для черни. Такъ мы очень сожалѣемъ, что многія изъ составныхъ словъ *Илиады* расколошы въ переводѣ, не въ примѣръ прочимъ. И это лицепріятіе по начашію не рѣдко падало на любимылъ выраженія Гомера, составляющія всю поэтическую физиогномію лицъ, коимъ онѣ придаются! *Εκίβολος* Аполлонъ переводится у него — *далеко-разящій*: почемужь бы не — *дальнометный*? *Κορυθαίολος* Гекторъ *шеломомъ блистающій*: почему не — *шлемоблестящій*? . . Неудача въ сое-спавленіи новообразованныхъ словъ встрѣчается гораздо чаще. Языкъ нашъ пока еще есть зашвердѣлая глина: его должно мять крѣпче и сильнѣе въ рукахъ, чтобы выльпншь изъ него прекрасныя фигуры, которыя бы могли получить право гражданства въ пантеонѣ нашей Словесности. Такъ . . . за чѣмъ бы, кажется, *χαλκοχιτάωνες* — поэтическое прозваніе *Данаетъ* — переводить: *мѣдiano-доспѣшныя*? Почему бы не перевести: *мѣди-нобронныя*? Это было бы и короче и звучнѣе и даже — почтнѣе. *Δοσπῆχι*, судя по словопроизводству и древнему употребленію, должны у насъ значить — полное вооруженіе, котораго *χιτάων* составляетъ только часть.

Должно также отдать полную честь почтенному прелатгателью за избраніе для перевода *Илиады* гекзаметра — вопреки крикамъ снаровѣровъ, приладившихъ ухо къ одному демешивенному распѣву Александриновъ. Метръ сей, хотя

и существенно опличающійся отъ древняго римскаго гекзаметра Грековъ и Римлянъ, по недоспашку количества въ нашемъ языкѣ — опликаешь своею волнистою полною и величественнымъ гуломъ ропшное эхо стиха *Гомерическаго*. Едва опличаясь отъ гармонической прозы легкими выпуклостями мѣрнаго стопосложенія, онъ преимущество способенъ къ выраженію того высочайшаго прососердечія, которое составляетъ высочайшую прелестъ творенія *Гомерова*. Одно опсущствіе риемы, называющей безпрестанно уху о вмѣненіи искусства въ работу природы, есть уже великое дѣло. И мы не обинуясь можемъ сказать, что одно это даетъ важное преимущество настоящему переложенію *Илиады* предъ переводомъ *Кострова*, имѣющаго также свои неопъемлемыя достоинства. Но — при всей нашей благодарности къ нынѣшнему переводчику, мы никакъ не могли разгадать, по какой спрванной ошибкѣ призываетъ онъ не совсемъ заслуженное вниманіе на свою „смѣлость отвязать отъ позорнаго столпа стихъ Гомера и *Виргилія*, прикованный къ нему *Тредьяковскимъ*.“ а) Если стихъ сей и дѣйствительно былъ опозоренъ *Телемахидой* (б) — что однако хотѣлось бы намъ слышать отъ однихъ только *Телеграфскихъ* вишня-

---

(а) Пред. XI.

(б) Пред. XII.

зей, а не изъ успъ уважаемаго Липшператора —
шо и тогда ему не слѣдовало слишкомъ спра-
шиться, принимаясь за оный. Напрасно утѣрился
онъ, что стихъ сей былъ для него стихомъ, не
имѣющимъ образца. а) Образцы сія давно суще-
ствовали. Еще въ началъ третьей четверти про-
шедшаго столѣтія, достопочтенный *М. Н. Му-*
равьевъ представлялъ *вольному Россійскому Соб-*
ранію, существовавшему при *И. М. Университе-*
тѣ, опытъ стихотворенія въ гекзаметрахъ, кои
почтенный перелажатель *Иліады* не погнушался
бы и нынѣ признашь своими. Для примѣра выпи-
сываемъ изъ нихъ нѣсколько :

Здѣсь я буду впередъ собой наслаждаться и
мыслишь ;

Въ темной прохладѣ здѣсь бодрствовашь буду
я ушрению спражу :

Зритель безмолвный, поникну въ явленіяхъ
сельскія жизни ;

Взоромъ внимательнымъ буду шагъ спровож-
дашь земледѣльца ,

Мѣсяцъ спускается ниже и кажется падаетъ
съ неба ,

Свѣтъ влывається въ воздухъ: волны востока
зардѣлись. . .

Ахъ! я видѣлъ мгновенье , въ кошорой заря
восходила ,

(а) Тамъ же.

Прелестными юной безмерной чувства мои
 обновлены,
 Тихая сѣнлосць объсмлетъ мою умили-
 шуюсь душу,
 Такъ какъ прозрачно облако, въ коемъ по-
 кохся солнцу,
 Только омывшись въ волнахъ а) . . .

Довольно ли? . . . Эпошь частный опытъ могъ од-
 накожь быть не весьма извѣстенъ. Но и въ ша-
 комъ случаѣ — честь торжественнаго введенія
 гекзаметра въ святилище Русской Словесности
 составляешь одну изъ многочисленныхъ заслугъ
 почтеннаго Профессора и Поэта *А. Ѡ. Мерз-
 лякова*, подарившаго насъ прекраснымъ перепод-
 домъ изъ *Одиссеи* и нѣкошорыми оригинальными
 стихопвореніями въ гекзаметрахъ, за долго до
 появленія первыхъ отрывковъ изъ настоящаго
 преложенія *Иліады*. И такъ первенство попытки
 совсѣмъ не можешь служить извиненіемъ шерохо-
 ватости и невыработанности многихъ спи-
 ховъ, коихъ тяжелый скрыць не рѣдко вредишь
 очарованію, коему хотѣлось бы предаться, за-
 слушавшись гармоніи Гомеровой. Иногда случает-
 ся даже попадать на стихи совершенно невѣрной
 фактуры: что однако мы охотно приписываемъ

а) См. *Опытъ Трудовъ Волыи. Рос. Собр. при Им.
 Мос. Унив. 4. IV. Москва. 1778. Стихопвореніе:
 Роца с. 295. 296.*

недосмотру, весьма извинительному при переложении столь обширнаго творенія. Такъ не хотѣлось бы намъ послѣ сихъ кешинно прекрасныхъ гекзаметровъ :

Двинулась рапъ и какъ будто огнемъ вся
земля запылала ;

Доль застоналъ, какъ подъ яростью бога,
меташеля грома

Зевса, когда надъ Тифеемъ стчельонъ перу-
нами землю —

спомыкнухся вдругъ на слѣдующій стихъ :

Горы въ Аримахъ, въ которыхъ, повѣшву-
ютъ ложе Тифея (а) —

гдѣ приходится изнасиловашъ естественное уда-
реніе слова : *повѣшвуютъ*, для соблюденія гек-
заметрическаго каданса.

Кончимъ наши розысканія безлеспнымъ обра-
щеніемъ къ почтенному переводчику того, что
онъ самъ говоритъ о Гомерѣ. „Чистѣйшими удо-
вольствіями въ жизни“ — шакъ заключаешъ онъ
свое предисловіе — „обязанъ я Гомеру ; и за-
бывалъ труды, которые налагала на меня лю-
бовь къ нему.“ (б) Мы обязаны шакже многими
удовольствіями его переложению : и забываемъ
охотно то, чего онъ не успѣлъ сдѣлать, изъ ува-

(а) *Иліада* II. II. с. 780—783.

(б) Предъ XII.

женія къ *трудамъ*, доставившимъ намъ удовольствіе наслаждаться шѣмъ, что уже сдѣлано. Намъ пріятно увѣрить его — по крайней мѣрѣ за насъ самихъ — что *искра огня небеснаго, горящаго въ вѣгныхъ твореніяхъ Гомера*, кою желалъ онъ видѣть *одушевленными трудами* свои (а), просіявала не рѣдко для насъ и овѣвала насъ усладительною теплошюю.

— джд —

в) Тамъ же.

С М Ъ С Ъ .

Иностранныя известія.

Просвѣщеніе въ Египтѣ.

Спѣшимъ сообщить читателямъ Московскаго Вѣстника любопытную новость, служащую доказательствомъ, сколько стараются о распространеніи просвѣщенія въ Египтѣ нынѣшній ея правитель, Могаммедъ-Али, котораго многія мудрыя учрежденія и преобразованія въ Государствѣ обратили уже на себя вниманіе всей Европы. Вотъ отрывокъ изъ письма къ Издашелю Французскаго журнала *Globe* (16 Янв. 1830 No 5) :

„Около десяти мѣсяцевъ тому назадъ, изъ типографій Вице-Короля Египетскаго, въ Булакѣ, Каирской гавани, началъ выходить *Официальный журналъ*; его формашъ довольно сходенъ съ шѣмъ, который имѣли наши ежедневныя журналы до выхода законовъ, кошорымъ подчинены нынѣшнія наши періодическія изданія. Каждая страница раздѣлена на два столбца, въ кошорыхъ однѣ и шѣ же извѣстія сообщаются на Турецкомъ и Арабскомъ языкахъ. Употребленіе двойнаго текста объясняется шѣмъ, что въ Египтѣ Турецкій языкъ есть языкъ побѣдителей, шѣ есть

правительства и главныхъ чиновниковъ Государственныхъ, а Арабскій есть языкъ побѣжденныхъ, ш. е. народа и низшихъ чиновниковъ. Следовательно для всѣхъ назначено сіе изданіе, что достойно замѣчанія. Читать его должно съ конца: переверните свой журналъ съ правой стороны на лѣво, и передъ вашими глазами будешь образецъ журнала Египетскаго. Но, до начатія чтенія, бросьте на минуточку взглядъ на его фронтисписъ. По срединѣ возвышается пирамида, съ широкимъ основаніемъ; справа, одна изъ стѣнъ палльмъ, которыя называють Линней государями въ царствѣ расшеній, величественнаго вида, съ проспраннымъ опахаломъ, бросающая широкую стѣнь; слева, свѣшится лучезарный ликъ солнца, вполоную еще закрытый вершиною древняго памятника. На пирамидѣ надпись; это титулъ изданія. Какой? Слово въ слово: *Произшествія Каира*. О чемъ, скажете вы, не просто пославлено: *Журналъ Каира* или *Газета Египта*? о чемъ того, что слова *журналъ* и *газета* не имѣють однозначительныхъ ни въ Турецкомъ, ни въ Арабскомъ языкѣ. На что слово, когда нѣтъ печати? Но мы можемъ надѣяться, что со временемъ слово *журналъ* примется въ языкахъ народовъ, подчиненныхъ Исламизму. Какъ бы то ни было, на фронтисписѣ разсматриваемаго нами журнала означенъ также день, число мѣсяца и годъ, имя мѣсяца, гдѣ печатается, и барометрическія на-

блюденія, сдѣланныя наканунѣ. Наконецъ номеръ журнала написанъ надъ пирамидою.

Не могу упомянуть васъ выпискою всѣхъ извѣстій, находящихся въ вышедшихъ номерахъ. Надѣюсь, что доспашочно будете извлечь нѣкоторыя, чтобы дать поняшіе о сепеніи занимательности сего изданія.

„Прежде всего замѣшимъ, что чрезъ сей Каирскій журналъ объявляются всенародныя повелѣнія, рѣшенія Вице - Короля и извѣщаются о замѣчательнѣйшихъ происшествіяхъ въ провинціяхъ, о предпринимаемыхъ общественныхъ работахъ, о построеніи военныхъ кораблей, объ отплытіи купеческихъ судовъ и прибытіи кораблей индоспранныхъ, объ опытахъ, предпринимаемыхъ для введенія Европейскихъ искусствъ въ Египтъ, и даже о новостяхъ спранъ отдаленныхъ.

Такимъ образомъ мы чрезъ него узнали: 1-е что Могаммедъ-Али рѣшилъ, чтобы Французскому образу разсчетовъ слѣдовали во всемъ Египтѣ, и что онъ велѣлъ учить ему, объяснивъ способы сего производства для составляющихъ отщепенъ.

2-е Что съ сего времени, мѣста отщепенковъ, сборщиковъ, (*серафъ*), будутъ даваться только природнымъ жителямъ, какой бы секшы они ни были. Онѣ до тѣхъ поръ занимаемы были Армянами, Жидами и Греками.

3-е Что построено, внутри Каирской крепости, обширное здание, назначенное для хранения опчешовъ, и что сии архивы стоили около двухъ сотъ тысячъ франковъ. (Нумеръ 47 журнала).

4-е Что въ Каирѣ учреждена школа практическаго управленія, откуда будутъ браться всѣ *Мемуры* (*) (префекты) и *Моавинсы* (подпрефекты). Правиль сей школою Директоръ, обязанный учить провинціальному управленію, и *Мекъ-Ель-Беледъ* (собственно *старый*, *поттекный*, т. е. начальник или меръ селенія), которому поручено обученіе кривическому земледѣлію и полевой сшапшистикъ провинцій;

5-е Что въ осмнадцатый день Рамазана прошедшаго года испыталъ освѣщеніе газомъ одинъ Англійскій Инженеръ, Галлуа, въ саду своемъ, въ присутствіи множества Египетской знати, Англійскаго Консула и многихъ другихъ Франкскихъ фамилій, издавна поселившихся въ сей странѣ. Объявлено, что Вице-Король позволилъ сдѣлать эшошъ всенародный опытъ для того, чтобъ показать народу, до какой степени доведено искусство у Европейцевъ, и чтобъ онъ узналъ, какія выгоды приноситъ оно другимъ странамъ, которыя такъ счастливы, (такъ шамъ сказано), что могутъ пользоваться открытіями,

---

(*) Прежде они назывались *Катифъ*. См. далье.

спонсившими столь долгихъ изысканій и такихъ богатствъ. Въ 19 номеръ, гдѣ объ этомъ извѣщается; прибавляюшь, что сей опытъ возбудиль всеобщее удивленіе между присуществующими, и что Англійскій инженеръ вызвался освѣщать Царскій садъ за 30,000 франковъ, считая путьъ всѣ работы и припасы.

Другой номеръ, сорокъ седьмой, представляеть довольно любопытную шаблицу Александрійскаго арсенала. Сей арсеналь существовалъ издавна; но почти за пять мѣсяцевъ предъ симъ его форма была совершенно измѣнена; онъ отдѣланъ на подобіе Французскихъ.

Въ дополненіи къ одному номеру, объявляется цѣна товаровъ, привозимыхъ въ Александрію изъ всѣхъ обласпей Великаго Владыки. По этой таксѣ берутся пошлины въ таможи, на которыя согласились какъ сказано, Директоръ Александрійской таможни и маклеры всѣхъ націй, утвержденные мѣстнымъ начальствомъ.

Во многихъ изъ сихъ листковъ упоминается о наказаніяхъ, которымъ подверглись чиновники военные и гражданскіе; путь и дѣло разсказано, и причины наказанія выведены.

Наконецъ, въ одномъ изъ нихъ объявляется, что *смертная казнь уничтожена въ Египтѣ, оставаясь только въ наказаніе за политическія преступленія. Она не назначается даже за убійство и поддѣлки монеты; замѣнена же каторжною работою*

въ Александрійскомъ арсеналѣ, на десять, двадцать, тридцать лѣтъ, и на всю жизнь.

Прежде, въ Египтѣ, жалобы частныхъ лицъ, большая часть дѣлъ спорныхъ, самыя улики въ уголовныхъ преступленіяхъ приносились въ судилище *Квагіо-Бей*, или къ намѣстнику Вице-Короля, главному министру сего двора, и, дѣйствительно, представляющему въ Каирѣ въ маломъ видѣ то, что Великій Визирь въ Константинополь. Въ важныхъ случаяхъ, сей Министръ относился къ Пашѣ; и такимъ же образомъ рѣшались всѣ дѣла государственныя и правительственныя.

Въ 1824 г. сей порядокъ перемѣнился; другіе министры и директоры, вельможи, придворные и нѣсколько высшихъ чиновниковъ, для сего назначенныхъ, составляли *диванъ* или совѣтъ государственный. Туда сходились: *Диванъ Ефенди*, главный Секретарь или Государственный секретарь Вице-Короля; *Дефтердаръ-Бей*, распорядитель доходовъ съ мечетей; обязательный раздавать жалованье Паши частнымъ лицамъ; *Казнадаръ-Ага*, главный казначей, или Министръ финансовъ; *Тиджарретъ - Назерихъ*, Директоръ вѣтшей торговли, исправлявшій должность Министра Иностранныхъ дѣлъ; *Джегадъехъ-Назерихъ*, Директоръ военнаго Министерства; *Жаль-Назерихъ*, распорядитель запасами мѣстныхъ произведений, назначенныхъ въ продажу для Паши; *Кумось-*

Назерихъ, смотритель всѣхъ мастерій, выработываемыхъ въ Египтѣ и продаваемыхъ въ пользу Паши; *Назъ-Ель-Азьяфъ*, смотритель всѣхъ прочихъ ремесленныхъ произведеній, назначенныхъ для внутренняго и внѣшняго потребленія; и наконецъ, по приглашенію *Зефаниъ-Назерихъ*; или морской Министръ, живущій обыкновенно въ Александри.

Въ прошедшемъ Августѣ Вице-Король поручилъ своему сыну Ибрагиму созвать *Диванъ*, въ его собственномъ дворцѣ; и тамъ, въ присутствіи всѣхъ означенныхъ чиновниковъ, въ присутствіи также *Аббасъ-Паши*, осмнадцати-лѣтняго сына-сироты *Туссуна*, втораго сына Вице-Короля, Ибрагимъ объявилъ, что его отецъ, желая учредить порядокъ въ управленіи гражданскомъ и судейскомъ, рѣшился развѣдать о состояніи провинцій и для сего созвалъ *Назровъ* (областныхъ правителей), *Кашифовъ* (префектовъ) и вѣщайшихъ изъ *Шенъ-Ель-Беледовъ*, (начальниковъ или меровъ городовъ и селеній); что онъ намѣренъ совѣщаться съ ними и узнать ихъ мнѣнія, чтобы найти потомъ средства, какъ сдѣлать Египетъ счастливецъ, уничтоживъ злоупотребленія, кошорыя обнаружатся.

Сии приказанія были исполнены, и въ слѣдствіе того выбранные *Шенъ-Ель-Беледы*, всѣ *Кашифы* и *Назры* собрались на засѣданіе въ *Диванъ*, куда по волѣ Государя, явились Улемы чепырехъ

православныхъ сектъ Исламизма, и шри главные Шеграфа или Эмиры Каирскіе; ибо тамъ, равно какъ и въ прочей части Оттоманской Имперіи, довольно Исламистовъ, называющихъ себя *потомками Магомета*.

Сіе собраніе, состоявшее тогда почти изъ ста шестидесяти человекъ, между коими 28 Назровъ и Кашифовъ, и 93 великихъ Шеиковъ, по большей части изъ Нижняго Египта, открыло засѣданіе подъ президентствомъ Гаджи-Ибрагимъ-Еффенди, отправлявшаго прежде должность Диванъ-Еффенди, или Министра Государственнаго Секретаря при Вице-Короля.

Трое Пашей, Ибрагимъ, Аббасъ и Ахмедъ, первый — сынъ, второй — внукъ Могаммедъ-Али, а послѣдній сынъ Тагиръ-Паши, самаго стараго друга Паши, и, сверхъ того, Мегемедъ-Бей, зять Вице-Короля; присутствовали какъ простые совѣтники, и каждый принималъ участіе въ общемъ совѣщаніи, приходящемъ въ духъ совершеннаго равенства.

Въ двадцать шестой день мѣсяца Ребилъ-евеля 1245 года Эгиры (Августа 1829) начались засѣданія сего Общества, которому, можетъ быть, нѣкогда обязанъ будешь Египетъ лучшею участью. Со временемъ сообщу вамъ извѣстія о трудахъ его.

Шекки и *Кашифы* (теперь *Мемуры*) возвратились въ провинціи и города послѣ исполненія своей обязанности; и съ сего времени, неиз-

иѣнно продолжались засѣданія Дивана, составленнаго изъ остальныхъ вышеупомянутыхъ чиновниковъ.

Собраніе бываетъ или въ крѣпости, или во дворцѣ Ибрагима, который, какъ вы видите, едва вѣрное мѣсто занимаетъ въ немъ.

Всякой испрашиваетъ позволеніе говорить, и произноситъ рѣчь по очереди; говорятъ, ораторамъ позволена полная свобода сужденій. Поэтому собираются голоса Президентовъ, и рѣшеніе утверждается большинствомъ голосовъ.

Сему-шо Совѣшу вице-Король велитъ подвергать дѣла общаго управленія, на пр. касающіяся налоговъ, продовольствія, устройства каналовъ, плотинъ, фабрикъ, и пр. Министры Государя испрашиваютъ его именемъ сужденій Дивана о сихъ дѣлахъ; и его посредникомъ чаще бываетъ Диванъ-Еффенди, или Министръ сокретарь Государства, которымъ теперь Габидъ-Еффенди, онецъ Абди-Еффенди, главнаго начальника миссіи учащихся, которые теперь во Франціи.

И частныя особы имѣютъ право относиться въ сіе собраніе съ предложеніями и жалобами всякаго рода; ихъ просьбы принимаются, и тамъ произносятся надъ ними судъ. Это заслуживаетъ особеннаго вниманія, и желательнѣе получить подробнѣйшія извѣстія.

Но всего замѣчательнѣе, по моему мнѣнію, какъ дѣлаются рѣшенія въ семъ собраніи.

Относятся ли сіи рѣшенія къ управленію государственному или областному, во всякомъ

случаѣ передаются Министрамъ, генеральнымъ Дирекшорамъ, или даже и Мемурамъ (Префектамъ) прямо. Еще болѣе, къ этому же собранію обращаются сіи послѣдніе чиновники, когда имъ нужно рѣшеніе для важнаго предмета, и сужденіе Дивана посылается къ нимъ, непосредственно: такъ и выполняется оно. Большая часть правительственной власти такимъ образомъ, кажется, сосредоточена въ семъ собраніи, кошорое, по выраженію Г. Жомара (*), дѣйствительно, не будучи собственно такъ называемымъ представительствомъ, гораздо болѣе Совѣта. Можешь быть, должно дождаться позднѣйшихъ свидѣтельствъ для того, чтобы совершенно понять сущность сего учрежденія, и заключишь о вѣроятныхъ послѣдствіяхъ.

Впрочемъ, это, собраніе было кажется, виною главнѣйшихъ переменъ въ управительной системѣ Египта,

1-е. Оно уже рѣшило, чтобы въ каждой провинціи былъ генеральный совѣтъ, составленный изъ Мемуровъ и Шеикъ-Эль-Беледовъ, тамъ служащихъ. Диванъ Каирскій долженъ назначать предметы для сихъ засѣданій,

2-е. Одна *Фетва*, или высшее рѣшеніе Муфтия Векдже-Абдаллагъ-Еффенди, принимаемая за священный, ненарушимый законъ во всей Османской Имперіи, объявляетъ „весьма законною

(*) *Moniteur*, 8 Января 1850.

„смерть Мусульманскаго подданнаго, кошорый, „обязанный порученіемъ касательно дѣла или фивансовъ Государственныхъ, измѣняешь своей должності и долгу правосудія и закона, кошорый „опшупаешь опъ высшихъ повелѣній и позволяешь себѣ самоуправные и ширацкіе поступки противъ бѣдныхъ подданныхъ.“

Когда Египетскіе *Нотабл* обнаружили, что таковы, къ несчастію, привычки большей части шейковъ, то общій Диванъ, разсудивъ дѣло, приговорилъ опшвергнуть смершную казнь и уличеннаго шейка наказывать капоржной работою въ Александрійскомъ арсеналѣ, на время, соотвѣшственное степени, и количеству возвращенныхъ суммъ изъ похищенныхъ.

Такого рода осужденія могутъ бышь произнесены только общимъ Диваномъ, передъ кошорымъ обвиненный имѣеть право защищаться.

Наконецъ, сіе собраніе имѣеть своего секретаря, должность кошораго состоитъ въ редакціи мнѣній, произнесенныхъ каждымъ членомъ; а сей же секретарь есть вмѣстѣ главный Редакторъ и Директоръ официальнаго журнала, гдѣ долженъ печатать свой протоколъ, съ полнымъ означеніемъ именъ шѣхъ членовъ, кошорымъ принадлежатъ мнѣнія.

Заключу слѣдующимъ анекдотомъ: первый Липшераторъ (ибо въ эту должность избирають *авторавъ*), носившій сію обязанность и называв-

шійся Азизъ-Еффеви, такъ распространялъ свои прозоколы и считалъ нужнымъ до того украшать ихъ цвѣтущимъ слогомъ (онъ даже и стихи приплешалъ къ нимъ), что мнѣнія подававшихъ голоса были какъ бы попоплены въ Турецкихъ періодахъ и смыслъ исчезалъ даже подъ роскошью восточнаго слога. Журналъ не могъ уже вмѣщать сужденій. Чтось прекратилъ такое злоупотребленіе, надобно было отставить поэта-редактора и отдать приказаніе его послѣдователямъ, чтобы они ограничивались простымъ разборомъ.“

(Изъ Globe) P.

Отъ Издателя Денницы.

Во № 2 мѣ Въсп. Европы помѣщена кришика на изданную мною *Денницу*, гдѣ между прочимъ сказано: „эшошь сборничекъ — хотя „и первичка еще для издателя, заблагоразсудившаго, неизвѣстно изъ какихъ расчетовъ, превращишь изъ полезнаго дѣйствителя на „поприщѣ Естественныхъ наукъ въ Липшера-„шурнаго шрушня. . .“

Не понимаю, какимъ образомъ Г. Каченовскій допускаешь въ Журналъ своею такія неприличныя выходки: ибо, какъ иначе назвашь оскорбительное прозвище какому-либо лицу?

Если онъ видѣлъ во мнѣ — до изданія Денницы — *полезнаго дѣйствителя на поприщѣ*

Естественныхъ наукъ, и слѣд. одобряешь извѣстныя ему, по сей часпи, мои занятія должностныя, мои сочиненія отдѣльно и въ журналѣхъ напечатанныя; — если онъ снышаетъ хотя малѣйшею услугою Литтературѣ мое изданіе Малороссійскихъ пѣсень, — що какъ-же онъ могъ честишь меня такимъ прозвищемъ за то только, что я ошъ настоящихъ занятій своихъ употребилъ нѣсколько времени на корректуру 10 ти печашныхъ листовъ Девницы, — которая (см. В. Е. № 2. 167) однако имѣетъ свое относительное достоинство, ярко бросающееся въ глаза, особенно при сравненіи съ другими Альманахами; въ коей помѣщены стихи почти всѣхъ лучшихъ поэтовъ нашихъ, и прозаическія статьи, изъ коихъ нѣкоторыми (по егожь словамъ) Девница можетъ смѣло похвастаться? . . .

Что здѣсь предосудительнаго? И не уже ли для занимающагося Естественными или другими науками, Литтература есть запрещенный плодъ?

Такое мнѣніе было бы и одностороннее и ложное, — я самъ Г. Каченовскій служилъ живымъ ему опроверженіемъ: онъ занимается Историческими, Археологическими розысканіями, и переводилъ повѣсти, романы. — Словесность необходима для каждаго: *Словесность для Науки тоже, что образованность для ума*, — каждое изъ нихъ само по себѣ недостаточно, — надлежащее развитіе одного требуетъ необходимой помощи другаго;

только *эмбста* живутъ они *полною* жизнью. Этогошовъ я докажашъ отдѣльною спашью, — многими примѣрами знаменитыхъ мужей.

Что касается до Альманаха, то изданіе онаго прочишаю для себя случайнымъ, постороннимъ дѣломъ, и не только не помѣю, но еще вспомогательнымъ средствомъ для *нѣкоторыхъ* изъ моихъ главныхъ занятій. Что мнѣ нужно было издать Альманахъ, доказательствомъ служишь то, что издалъ его, будучи въ полной утѣренности, что люди разсудительные и прицимающіе во мнѣ участіе, не выведутъ изъ того невыгодныхъ заключеній о моихъ занятіяхъ. Если же почтенному *Профессору* моему *неизвестно*, изъ какихъ *разсчетовъ* я *заблагоразсудилъ* издать Денницу; то я скажу, что *Журналисту* не для чего и знашь объ этомъ, что онъ не въ правѣ и допытывашься этого: какое дѣло ему мѣшашься въ то, чѣмъ кто занимается, если только на занятія сіи не изъясляютъ *претензій*? — Пріятно ли было самому Г. Каценовскому, когда шакъ своевольно *переврали* его занятія на Липшерашурномъ поприщѣ? Не оскорбидись ли бы — онъ самъ, его слушатели, чищатели и почищатели, еслибъ кто нибудь вздумалъ попрекашь его: за чѣмъ онъ не издалъ ни Эстетики, ни Статистики, ни Русской Исторіи, занимавшись и занимаясь сими науками *κατ' ἐξοχήν* и *ex officio*? Изъ какихъ *разсчетовъ* онъ употребляетъ время на изданіе Вѣстника Европы, вмѣ-

если того, чтобы побольше писать ученых своих статей, для коих и без В. Е. вездь нашлось бы мѣсто? . . .

Въ заключеніе я долгомъ почишаю изъяснить предъ читателями сожалѣніе свое, что незаслуженною выходкою Журналиста былъ вынужденъ написать это объясненіе почтенному Профессору,

М. Максимовичъ,

1830, 2 Февраля,

~~.....~~

Замѣчанія на разборъ Юрія Милославскаго, пом. въ Сѣверной Пчелѣ (*).

Прочитавъ въ Сѣверной Пчелѣ рецензію на Юрія Милославскаго; находимъ, что кришика сія довольно лестна для сочинителя; ибо замѣчанія на ошибки такъ мало важны; что если бы были нужнымъ исправить всѣ погрѣшности по замѣчаніямъ Кришика, то новое изданіе такъ мало бы отличалось отъ прежняго, что не легко бы было и замѣсить для простыхъ читателей. Намъ кажется, что тотъ, кто пишетъ кришику, долженъ имѣть еще болѣе праводушія, нежели тотъ, который хвалитъ сочиненіе; (ибо изыскивать погрѣшности весьма легко, и какъ сказалъ Буало *la critique est aisée et l'art est difficile*; и еще болѣе, по замѣчанію Гжи Спаль: *il faut un talent médiocre*

(*) Сочиненіе дамы.

pour trouver les défauts d'un ouvrage, et un très grand, pour en découvrir les beautés). Но гдѣ же справедливость въ рецензїи, въ которой не хопятъ, или не могутъ, при погрѣшностяхъ также указать и похвалить достойное замѣчанїя, съ хорошей стороны? — Впервыхъ скажемъ то, что всякой изъ насъ самъ испытать можешь, а именно, что, по выраженїю знаменитаго, почтеннаго нашего Жуковскаго въ письмѣ къ сочинителю, прочитавъ первую главу, невольно влечемся далѣе, и нигдѣ усталость насъ не останавливаетъ, по занимательность болѣе и болѣе умножается. — Замѣчаемъ еще съ удовольствїемъ, что сіе сочиненїе въ ходѣ своемъ и въ расположенїи картинъ естъ подражанїе Романама знаменитаго Шотландца, хотя и должно признаться, что не достигнуто еще совершенство въ описанїи характеровъ и прѣизшествій. Но во всей Европѣ, во всемъ императорномъ мїрѣ подражаютъ Валперу Скопшу: при всемъ томъ однакожь кто могъ, до сихъ поръ, спать съ нимъ наряду? Будемъ благодарны Гну Загоскину, что онъ первый сдѣлалъ опытъ въ этомъ родѣ на нашемъ языкѣ и надъ предметомъ, почерпнутымъ изъ отечественной Исторїи; этого довольно ужѣ чтобы внушить читателямъ благопрїятное для Автора расположенїе. Наша Исторїя мало извѣстна, относительно къ нравамъ и обычаямъ, а источниковъ для познанїя оныхъ можно найти много, (хотя и не въ

Исторія Русскаго народа), и описаніе сихъ нравовъ и обычаевъ всего лучше представлять въ Историческихъ Романахъ, означая именно столѣтія и годы, въ которыхъ что происходило. Довольно наскучили намъ всякаго рода повѣсти о любовникахъ и о любви, и надобны опіѣнный шаланшъ, и хистъ Руссо, Шатобріана, Гжи Спаль и Кошпенъ, чтобы въ оныхъ описашъ что либѣ прогательное и новое. Но сей родъ описаній весьма изобилень и представляесть много занимательнаго вмѣстѣ съ правоучительнымъ. Нравственное направление Валшера-Скотта также нашли мы съ удовольствіемъ и у Загоскина. — Теперь пойдемъ и мы въ нѣкоторыя подробности. Что касается до небольшихъ анахронизмовъ и погрѣшностей въ выраженіяхъ того времени, то, какъ уже сказано, ихъ весьма легко исправить; но почему не отдашь справедливости ходу Романа и почти весьма характерамъ? Мы признаемъ, что Юрій нѣсколько похожъ на всѣхъ романическихъ героевъ и мало имѣетъ характеристическаго; но ни какъ не согласны въ томъ, чтобы Алексій и Кирша были не оригинальныя изображенія. Сей послѣдній весьма занимательное лице; переименовашъ же его изъ Запорожца въ Украинскаго или Донскаго казака очень не трудно. Алексій, конечно, протподушный малой, но ни сколько не похожъ на прислужниковъ, героевъ въ Французскихъ операхъ. Анастасія рѣдко и не на долго являеца на сценѣ и мало

заслуживаетъ упрекъ въ излишнемъ романизмѣ; описаніе всей ея прислуги весьма оригинально; и если кой-что изъ относящагося къ ней въ романѣ и похоже на Наталью Воярскую дочь, то это во первыхъ не порокъ, а во вторыхъ сходство это состоитъ въ такихъ бездѣлицахъ, что право не стоить замѣчанія, ибо и Карамзинъ и Сиверная Пчела могли бы одно и тоже придумать. Но какъ не упомянуть о Юродивомъ Минь? Этимъ характеръ истинно того времени, характеръ нигдѣ не встрѣчающійся, кромѣ какъ у насъ, прогашельный и оригинальный; — послѣднее явленіе его при смерти Шалонскаго есть прекрасная картина, и мы удивляемся, что она не заслуживаетъ вниманія строгаго критика. — Согласимся съ нимъ, что жаль, что Пожарскій не выведенъ на сцену и что недоставочны подробности о Минь; однако 4я и 5я глава во второмъ томѣ намъ кажутся превосходными, и хотя при восхожденіи солнца могли бабы топить пети и ходить за водой, повѣримъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ шипиза и молчаніе могли господствовать въ нижнемъ Новгородѣ. Прибавимъ еще, что для сердець Русскихъ довольно однихъ уже именъ Пожарскаго, Минина и Палицына и названій Москвы, и Кремля, чтобы привлечь все вниманіе читателей. — Критикъ хвалитъ только описаніе нѣкоторыхъ злодѣевъ; — намъ кажется, что кромѣ вышеупомянутыхъ лицъ, отецъ Эремъ, колдунъ Ку-

димичъ, Мама Васильевна и другіе также искусно и вѣрно обрисованы. И какъ мы беремъ смѣлость бытъ совсмѣ прошивоположнаго мнѣнія съ Сѣверной Пчелой, то и просимъ Гна Загоскина продолжать занимашся сочиненіемъ Романовъ, а именно не другихъ, какъ Историческихъ, по черпнувшихъ изъ ошечешвенной Исторіи!

Въ темъ мы совершенно согласны съ Сѣверной Пчелой; такъ это въ томъ, что вивьшки предурныя; а за Романъ вообще должно поблагодарить и сказать, что въ немъ хорошее весьма превосходитъ недоспашки и что онъ подаесть вряшную надежду о будущихъ трудахъ Гна Загоскина. Когда сочинитель Выжигина желаетъ представить картину большаго свѣта и ни какъ не умѣесть, то это доказываетъ, что онъ никогда въ ономъ не бывалъ, а воображеніе до онаго не достигаесть; — но когда Русскихъ въ VI мѣ столѣтіи описываютъ рѣчами просшаго народа, то это дѣлаестья пошому только, что иначе нельзя съ точностію описать ихъ, ибо тогда большаго свѣта въ Россіи не было и выраженія употреблялись такіа, какихъ теперь мы не привыкли встрѣчать иначе, какъ въ *мужицкомъ быту*; котораго советуемъ Гну Загоскину впередъ держаться одни его завясники.

Противъ статьи о Радугѣ напечатанной во 2 N. Сѣв. Пчелы.

Трудно угадать, кто написалъ статью сію; по читая слова: „при изобиліи (въ Литтературѣ) можно быть прихотливымъ въ выборѣ, видимъ шотчасъ, что это писаво такимъ человекомъ; который сморитъ на Литтературу, какъ на проваръ и цѣнитъ произведенія ея по пиому, многоли ихъ въ привозѣ: истинный Литтераторъ знаетъ, что изящное независимо ни отъ количества, ни отъ мѣры, ни отъ вѣсу, и что цѣна ему не деньги; онъ знаетъ, что изящное и во множествѣ предметовъ равняеть по достоинству остается все, ни больше ни меньше, само по себѣ изящнымъ. — Кришикъ не знаетъ этого: кто же онъ и имѣеть ли право быть критикомъ? . .

„Издатели Радуги (говоритъ Рецензентъ) сдѣлали что могли и что умѣли. Наполнили свою книжечку статьями и стихами всей пишущей Московской и Замосковской братіи и даже добыли изъ Петербурга не большіе стишки Пушкина.“

Я не понимаю, какое право имѣеть неизвѣстный Рецензентъ А. В. С., (неизвѣстный, следовательно не имѣющій литтературнаго авторитета, говоритъ такъ смѣло и безъ всякихъ доказательствъ); какое право имѣеть онъ говорить о

комъ бы то ни было изъ пишущихъ съ такимъ пренебреженіемъ? Всякой напрошивъ въ правѣ заставитъ его замолчать однимъ словомъ: „Государь мой! или доказывайте, или молчите; или наконецъ объявите свое мнѣя; можете быть вы въ самомъ дѣлѣ какой нибудь *Корифей* нашей Словесности, которому мы должны вѣрись на слово!“ — Что ему отвѣчать на это?

Но кто бы онъ ни былъ, хотя бы и *Корифей*; какое имѣешь право сказать, что издатели сдѣлали, что *умѣли*? — Что могли, это разница: они могли не набрать хорошихъ стиховъ или набрать не много хорошихъ; можете быть, пошому, что самые стихосворцы были въ этотъ годъ не богаты произведеніями; но не *умѣнье* относится уже къ способности самихъ издателей? — И что за *умѣнье*, что за завидная способность *набрать гужаго*? — И что думаешь о томъ, который цѣнишь сіе *умѣнье*, какъ будто на равнѣ съ талантомъ? — Что же касается до выраженія: *добыли изъ Петербурга не большіе стихишки Пушкина*; то на это есть отвѣтъ въ самой Сѣверной Пчелѣ, гдѣ по случаю изданія новой газеты, сказано въ письмѣ какого-то читателя, что А. С. Пушкинъ печатаетъ стихи свои во всѣхъ *Альманахахъ* и *Альманажкахъ* и даже въ *Славяннѣ*! Вошь и доказательство той же Пчелы, какъ легко добыть ихъ! —

Но почему еще Издатели Радуги должны были *добывать* ихъ? Чшо за выраженіе? — Они, вѣроятно, какъ и всѣ издатели, написали къ Пушкину письмо, а онъ отвѣчалъ: вошь и всё шущь! — Видя изъ самихъ именъ Авшоровъ, коихъ стихи и проза составляютъ Радугу, безпристрастіе Издастелей, можно даже рѣшительно заключить, что они не слишкомъ унижались, *добывая* себѣ піесы: ибо шощь только способенъ унижаться, кшо держится одной какой нибудь сильной парши, qui se tient au gros de l'arbre, а еще болѣе шощь, который безпрестанно перекидывается, то къ шому, шо къ другому, смотря по своимъ выгодамъ! —

Чьи стихошворенія по мнѣнію крипика лучшіе въ эшомъ альманахѣ? Разумѣется: *Вяземскаго* и *Пушкина*! Первое можешь быть и справедливо: стихи К. Вяземскаго такъ темны и запутаны, что трудно сказать, лучше ли они всѣхъ, или хуже всѣхъ! Богъ знаетъ! можешь быть и правъ крипикъ, ежели онъ ихъ попялъ! — Но о стихахъ Пушкина онъ самъ себѣ противорѣчить, сказавши уже разъ съ пренебреженіемъ, что въ Радугѣ не стихи, а *стишки* Пушкина! — Какъ же послѣ эшато вѣришь его совѣсти? —

Но каковы сужденія Рецензента о прочихъ піесахъ Радуги? — Послѣ *стишковъ* (его собственное выраженіе) которые онъ называетъ *перлами Альманаха*, крипикъ ставилъ нѣкоторыя другіе въ разрядъ *достойныхъ вниманія*; въ семь

разрядъ упоминаешь онъ между прочимъ объ ошры-
вкѣ изъ Комедіи: *Свѣтскій бытъ*. Это совершен-
но справедливо, если заслуживаешь вниманіе смѣ-
лость, съ которою Авторъ пуснулся писать Ко-
медію въ стихахъ, совершенно не понимая, что
такое писать стихами. Въ наше время это ис-
кусство сдѣлалось шоль общимъ, что не встрѣ-
чается даже такихъ масперовъ, которые бы не
могли уломать въ стихъ своей мысли и вставляли
слова для наполненія шестистопной мѣрки;
это дѣлывалъ Херасковъ, но съ его времени ис-
кусство это какъ-то мало по малу потерялось:
Авторъ *Свѣтскаго быта* вновь обрѣлъ его — и,
повторяю еще, въ наше время стихи его точно
заслуживающъ вниманіе! —

Изъ прозы Альманаха Рецензентъ не нахва-
лился повѣстію Г. Полеваго! — Я не чиналъ ея
и охотно вѣрю Рецензенту, пошому что гошовъ
даже и ему вѣришь, пока еще не имѣю къ уликѣ
его доказательствъ. — Но предлагаю одинъ во-
просъ: давно ли въ Сѣверной Пчелѣ начали пре-
возносить Г. Полеваго? Почему *вдругъ* начали пре-
возносить его послѣ жестокихъ нападеній на шо-
го же челоуѣка? — По какимъ причинамъ, по ка-
кому случаю, въ слѣдствіе убѣжденія или какихъ
нибудь прелиминаровъ? . . . . . Право смѣшно!

Теперь можно, даже *должно* сказать пѣсколь-
ко справедливыхъ словъ о Башиловѣ, о которомъ

безызвѣстный А. В. С. опзывается самымъ не-
 позволительнымъ образомъ!

„Между Московскими *стиходѣлателями*, (такъ
 начинаетъ А. В. С.) есть нѣчто, подписываю-
 щіяся А. Башиловъ. . .“ Выраженіе: *стиходѣла-*
тели относится уже не къ нему, а ко всемъ Мо-
 сковскимъ Стихотворцамъ, которыхъ не много и
 которые все могутъ принять эпо на свой счетъ. —
 Спросимъ Рецензента: кто теперь въ Петербур-
 гѣ не стиходѣлатели, а истинные поэты? . . .
 Скажешь: *Пушкинъ* — и опять таки *Пушкинъ* —
 и все таки ни кого, кромѣ Пушкина! Имена Жу-
 ковскаго, Крылова и Гнѣдича здѣсь не должны быть
 упоминаемы, какъ поэтовъ, уже совершившихъ по-
 прище славы; но имъ мы, Московскіе, противопо-
 ставимъ одного: П. И. Дмитриева — и надѣмся,
 что больше не нужно! — Кто же въ Петер-
 бургѣ изъ пишущихъ? . . . .

Между тѣмъ такіе опзывы подають случай
 къ размышленіямъ не . . . о важнымъ! — Вся Литше-
 ратура наша заключаетъ въ Москвѣ и Петербур-
 гѣ. Благородное соперничество между писателями
 сихъ Столицъ могло бы быть полезнымъ: кромѣ
 того, что сіе соперничество побуждало бы къ со-
 ревнованію, но еще могло бы дать разнообразіе на-
 шей Словесности, особенно Поэзи; ибо образъ
 жизни, нравы, воспитаніе, ежедневныя занятія,
 родъ службы — все у нихъ различно! — Но ме-
 жду писаками Петербургскими и Московскими —

не соперничество, а какая-то зависимость, какое-то желаніе взаимнаго униженія; особливо между журналистами, изъ которыхъ нѣкоторые въ наше время пресшупаютъ предѣлы благоприсойности! — Къ чему поведешь это? — непременно къ упадку Литшературы, ибо низкія страсти не возвышаютъ духа въ писателѣ, а именно если не унижаютъ совершенно, то по крайней мѣрѣ низводятъ ихъ на степень людей обыкновенныхъ, завяшихъ ежедневными заботами о пропитаніи, или ошдыхающихъ за пустыми сплещами! — Пешербургскіе (разумеется, не всѣ) виноватѣ въ этомъ Московскихъ, которые гораздо дружелюбнѣе къ своимъ собратіямъ и менѣе руководствующа — для чего не употребить настоящее слово — *завистію и прибыткомъ!*

Теперь о самомъ Башиловѣ. — „Гна Башилова, (говоришь А. В. С.) обуяла какъ-то горячка Философско-Сатирическа^я и онъ бросаетъ въ прохожихъ приемами, и ^{сидитъ} къ камнемъ, воображая, что онъ Поэтъ, Философъ и Сатирик!“ — Можно говорить о стихахъ Башилова, о его талантѣ, но позволительно ли говоришь о томъ, что онъ о себѣ *воображаетъ*? — А что воображаетъ о себѣ Рецензентъ А. В. С.? — Если воображаетъ, что онъ безпристрастный и честный цѣнитель дарованій, то ошибается! Но онъ и не можешь воображать о себѣ этого: онъ осмѣлился напеча-

шасть свою спашью только подь маскою А. В. С.;
ему спыдно было показашь собешвенное лице свое!
Z.

*Въ отвѣтъ Николаю Михайловичу Языкову на по-
сланіе его стихами, напечатанное въ 1 й книжкѣ,
М. В 1830 года, въ Февраль мѣсяцѣ.*

Пѣвца Кубры почшилъ Языковъ похвалою;
Поэту миль привѣтъ отъ Музы молодой,
Которая, паря къ вершинамъ Геликона,
Не бросила спези Гомера и Марона.

Уже пѣвецъ Кубры давно шо знаешь самъ,
Что если онъ когда и съ лирой въ Лешу канешь,
Помощства судъ его невольню воспомянешь,
Повѣря огненнымъ Языкова стихамъ.

Графъ Хвостовъ.

Опечатки въ 3 N.

Напечатано :

Читай :

Стран, стр.

319—8 Литтерашоры

Журналисты

320.—25. почтенцомъ и нужномъ, почтеннымъ и нужнымъ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по оппечатаніи предшарлены
были въ Ценсурный Комитетъ шри экземпляра,
Февраля 27 го дня 1830. года.

*Цензоръ, Ординарный Профессоръ, Стат-
скій Советникъ и Кавалеръ Левъ Цветасвъ.*

О Г Л А В Л Е Н І Е

первой части Московскаго Вѣстника
1830 года.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я.

	Стр.
<i>Баратынскаго</i> : Подражашелямъ	7
<i>О. Глики</i> : Воззваніе къ Богу	9
Игра къ шахъ и машъ	134
<i>М. Дмитріева</i> : Нешерпѣніе	133
Вѣра любви	229
<i>Н. Павлова</i> : Куплеты изъ водевилей: Щедрый	131
<i>Шевырева</i> : Пепроградъ	3
Преображеніе	126
Къ Риму	335
<i>А. Шишкова</i> 2 : Ошрывокъ изъ Шил. Трагедіи Пикколомини	333
<i>Азыкова</i> : Элегія	8,335
Южная весна	237

П р о з а .

<i>Княгини З. А. Волконской</i> : Ошрывки изъ пущ. записокъ по Италіи	140
<i>Погодина</i> : Преступница, повѣсть	10
<i>Дѣйствіе 1</i> изъ комедіи: Выборъ въ Исправники	239
Ошрывокъ изъ Неверія, ром. В. Скошпа	337

Н А У К И.

О физиолог. свойствахъ челов. поколнній, ош-носительно къ Исторіи	157, 280
Объ Аналогіи	334

6). М а ш е р і а л ы.

О смерти Имп. Петра II и новосшествіи на пресшоль Имп. Петра II <i>Имп. Петра II</i>	42
Письмо Имп. Анны къ членамъ Верх. совѣта	368

К Р И Т И К А.

Русскія книги.

	Стр.
Юрій Милославскій, Исп. романъ Г. Загоскина	75
Исторія Русскаго народа, Г. Полеваго	165
Сѣверные цвѣты, Альманахъ	293
Илиада, пер. Г. Гнѣдича	372

Иностранныя книги.

О шайныхъ званіяхъ, Сальверша	190
Хроника о покореніи Гренады, Вашингтона	301

С М Ъ С Ъ.

Письма изъ чужихъ краевъ: прогулка Рус. пуш. по Помпей	91, 192
О Шеллингѣ	111
О нынѣшней славѣ Россіи въ чуж. краяхъ	116
О зимѣ въ Римѣ	206, 351

Н Р А В Ы.

Рекомендація Министра	118
Современный вопросъ	122
Единодушіе	121
Московскіе ряды	207
Сбавка проценщовъ	208
Невольной благотворитель	220
Таланты	321
Занятія	322
Анекдотъ	324
Извѣстія, замѣчанія и анекдоты	309

О переводѣ Романа Г. Загоскина	227
Объ извѣстіи Сѣв. Пчелы	228
Отъ изд. Девницы	420
Замѣчанія на разборъ Милославскаго въ С. П.	423
Радуги	428
Объ Египтѣ	409

Т Е А Т Р Ъ

Жизнь игрока	123
Довѣ Карлъ и Посланникъ	221
Пьетро Дандини и внучашный племянникъ	325